ОИК

дет. неодр.

ПРАКТИЧЕСКАЯ

РУССКАЯ ГРАММАТИКА,

П. Перевлесскаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ,

НАЧАЛА ГРАММАТИКИ.

ВТОРОЕ ИСПРАВЛЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ВЕЙМАРА.
1857.

b58n.

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 25 Сентября 1856 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ.*

124 02/73

I.

СТАТЬИ ДЛЯ ПРАКТИЧЕСКАГО ИЗУЧЕНІЯ НАЧАЛЪ ГРАММАТИКИ.

658 п

Гос. Истор. Научн. Б-ка
ИМП РСФСР
Инвент. № 40268
„ — 193 г.

ВСТУПЛЕНІЕ.

ПРИГОТОВИТЕЛЬНОЕ ЧТЕНІЕ.

СКАЗКА О ЛИСИЦѢ И ВОЛКѢ.

Жилъ себѣ дѣдъ да баба. Дѣдъ говоритъ бабѣ: ты, баба, пеки пироги, а я поѣду за рыбой. Наловилъ рыбы и везетъ домой цѣлый возъ. Вотъ ѣдетъ онъ и видитъ: лисичка свернулась калачикомъ и лежитъ на дорогѣ. Дѣдъ слѣзъ съ воза, подошелъ къ лисичкѣ, а она и не ворохнется, лежитъ себѣ, какъ мертвая. «Вотъ будетъ подарокъ женѣ» сказалъ дѣдъ, взялъ лисичку и положилъ на возъ, а самъ пошелъ впереди. А лисичка улучила время, и стала выбрасывать изъ воза все по рыбкѣ—да по рыбкѣ, все по рыбкѣ—да по рыбкѣ. Повыбросала всю рыбу, и сама ушла. «Ну, старуха, говоритъ дѣдъ, какой воротникъ привезъ я тебѣ на шубу.» —Гдѣ? — «Тамъ на возу — и рыба, и воротникъ.» Подошла баба къ возу: ни воротника, ни рыбы, и начала ругать мужа: ахъ ты, старой хрѣнъ! такой—сякой! ты еще вздумалъ обманывать! — Тутъ дѣдъ смекнулъ, что лисичка-то была не мертвая; погоревалъ, погоревалъ, да дѣлать-то нечего. А лисичка

собрала всю разбросанную по дорогѣ рыбу въ кучку, сѣла и ѣстъ себѣ. На встрѣчу ей идетъ волкъ: здравствуй, кумушка!—Здравствуй, куманёкъ!—Дай мнѣ рыбки!—Налови самъ, да и ѣшь.—Я неумѣю. —Эка, вить я же наловила; ты, куманёкъ, ступай на рѣку, опусти хвостъ въ прорубь, — рыба сама на хвостъ нацѣпляется, да смотри, сиди подольше, а то не наловишь. Волкъ пошелъ на рѣку, опустилъ хвостъ въ прорубь,—дѣло-то было зимою. Ужь онъ сидѣлъ, сидѣлъ, цѣлую ночь просидѣлъ, хвостъ его и приморозило: попробовалъ было приподняться: не тутъ-то было. «Эка, сколько рыбы привалило, и не вытащишь» думаетъ онъ. Смотритъ, а бабы идутъ за водой и кричатъ, завидя сѣраго: волкъ, волкъ! бейте его, бейте его! Прибѣжали и начали колотить волка—кто коромысломъ, кто ведромъ, чѣмъ кто попало. Волкъ прыгалъ, прыгалъ, оторвалъ себѣ хвостъ и пустился безъ оглядки бѣжать. «Хорошо же, думаетъ, ужь я тебѣ отплачу, кумушка!»

А лисичка-сестричка, покушав*ши* рыбки, захотѣла попробовать, не удастся ли еще что-нибудь стянуть; забралась въ одну избу, гдѣ бабы пекли блины, да попала головой въ кадку съ тестомъ, вымазалась и бѣжитъ. А волкъ ей на встрѣчу: такъ-то учишь ты? меня всего исколотили!—Эхъ, куманёкъ, говоритъ лисичка-сестричка, у тебя хоть кровь выступила, а у меня мозгъ, меня больнѣй твоего прибили; я насилу плетусь.—И то правда, говоритъ волкъ; гдѣ тебѣ, кумушка, ужь идти

садись на меня, я тебя довезу. Лисичка сѣла ему на спину, онъ ее и понесъ. Вотъ лисичка-сестричка сидитъ, да потихоньку и говоритъ: «битый небитаго везетъ!»—Что ты, кумушка, говоришь? — Я, куманёкъ, говорю: битый битаго везетъ. «Такъ, кумушка, такъ!»

— Давай, куманёкъ, построимъ себѣ хатку. — «Давай, кумушка!» — Я себѣ построю лубяную, а ты себѣ ледяную. Принялись за работу, сдѣлали себѣ хатки: лисичкѣ—лубяную, а волку—ледяную, и живутъ въ нихъ. Пришла весна, волчья хатка и разстаяла.—А, кумушка, говоритъ волкъ, ты меня опять обманула; надо тебя за это съѣсть. «Пойдемъ, куманёкъ, еще поконаемся, кому-то кого достанется ѣсть.» Вотъ лисичка-сестричка привела его въ лѣсъ къ глубокой ямѣ, и говоритъ: прыгай; если ты перепрыгнешь черезъ яму — тебѣ меня ѣсть, а не перепрыгнешь — мнѣ тебя ѣсть. Волкъ прыгнулъ и попалъ въ яму. «Ну, говоритъ лисичка, сиди же тутъ!»—и сама ушла.

Задача. Передайте кратко содержаніе того, что вы прочитали.

I. РАЗБОРЪ ВЕЩЕСТВЕННЫЙ.

1. *Сказка.* Вы сказали, что прочли сказку о волкѣ и лисицѣ, а знаете ли вы, что такое *сказка?* Что такое сказка, прекрасно объяснилъ нашъ умный народъ, назвавъ ее *складкой* : *сказка*, счастливо выразился онъ, *складка* т. е. *сочиненіе*, *выдумка*, *вымыселъ*. Значитъ, въ сказкѣ разсказывается не

быль, не событіе или произшествіе, которое дѣйствительно совершилось въ извѣстномъ мѣстѣ, въ извѣстное время, съ извѣстными лицами, но произшествіе *небывалое, вымышленное* писателемъ. Оттого содержаніе въ сказкѣ почти всегда такое затѣйливое, чудесное—наприм.: въ сказкѣ о Рыбакѣ и рыбкѣ, которую мы скоро станемъ читать съ вами. Въ чудесномъ содержаніи сказки большею частію скрывается какое-нибудь полезное наставленіе; а потому въ старину, когда люди были еще не такъ образованы, сказки были забавою не только дѣтей, но и взрослыхъ людей.

2. *Волкъ и Лисица.* Что такое волкъ и лисица? Это — животныя *хищныя*, которыя по преимуществу питаются мясомъ теплокровныхъ животныхъ, это—звѣри изъ породы собакъ.

Всѣ животныя напр. лошадь, корова, овца и т. п., какъ вы знаете, не говорятъ,—даръ слова данъ Богомъ одному человѣку; стало-быть, не говоритъ и волкъ, не говоритъ и лисица,—но волкъ *воетъ*, лисица *брешетъ*, визжитъ и испускаетъ жалобный звукъ, подобный крику павлина; говорящими же волкъ и лисица, какъ и многія другія животныя, представляются только въ сказкахъ да басняхъ. Когда народъ находился въ младенчествующемъ состояніи, тогда живя въ большемъ, ближайшемъ общеніи съ животными, въ простотѣ своей вѣрилъ, что они говорятъ какъ люди, — и это повѣрье народа осталось въ сказкахъ. Въ нѣкоторыхъ сказкахъ, когда хотѣли обозначить, что какое-нибудь событіе давно случилось, давно произошло, употребляютъ выраженія: «это было, когда еще говорили животныя.» Этимъ стариннымъ повѣрьемъ пользуются и теперешніе сочинители: нынѣ хотя не вѣрятъ, что животныя говорятъ, но не пере-

стаютъ представлять ихъ говорящими. Вспомните, сколько звѣрей говоритъ у нашего Крылова въ его прекрасныхъ басняхъ, которыя вы учите наизусть! у него есть даже нѣсколько басенъ про волка и лисицу. Хотите, мы прочтемъ съ вами одну изъ нихъ, въ которой дѣйствуютъ именно тѣже самыя животныя, что и въ пересказанной вами сказкѣ? извольте.

Лиса, курятинки накушавшись досыта,
И добрый ворошокъ припрятавши въ запасъ,
Подъ стогомъ прилегла вздремнуть въ вечерній часъ.
Глядитъ, а въ гости къ ней голодный Волкъ тащится.
«Что, кумушка, бѣды!» онъ говоритъ:
«Ни косточкой не могъ нигдѣ я поживиться;
Меня такъ голодъ и моритъ;
Собаки злы, пастухъ не спитъ,
Пришло хоть удавиться!»
—«Неужьли?»—«Право такъ.»—«Бѣдняжка куманёкъ!
Да не изволишь ли сѣнца? Вотъ цѣлый стогъ:
Я куму услужить готова.»
А куму не сѣнца, хотѣлось бы мяснова —
Да про запасъ Лиса ни слова.
И сѣрый рыцарь мой,
Обласканъ по-уши кумой,
Пошелъ безъ ужина домой.

Волкъ, котораго народъ нашъ называетъ *бирюкомъ*, ростомъ бываетъ не выше нашихъ большихъ собакъ, и съ виду очень похожъ на дворняшку; уши и хвостъ у него прямые, шерсть довольно не красивая, желтовато-сѣрая, оттого названіе *сѣрый* неразлучно съ волкомъ и придается ему, какъ его *прозвище*, его *фамилія*, оттого же и шкура его такъ дешева и малоупотребительна. Волкъ очень силенъ, такъ—что легко бѣжитъ съ похищеннымъ бараномъ; онъ жаденъ, не щадитъ ни одного животнаго, и

голодный бросается на медвѣдей, взрослыхъ людей, похищаетъ дѣтей, которыхъ не волочитъ по землѣ, а свободно несетъ въ зубахъ. И волки особенно опасны, злы, когда голодны: тогда они безъ пощады бросаются на все живое. Обыкновенно они ведутъ жизнь уединенную, разрозненную, скрываясь въ кустарникахъ иль опушкѣ лѣса; но во время голода измѣняютъ своему обычаю, соединяются въ стада,—и тогда бѣда попасться голоднымъ волкамъ! Сколько бы зла надѣлалъ человѣку волкъ, если бы у него было столько же смѣлости и хитрости, сколько силы и жадности! Бѣда бы съ нимъ! Но къ счастью, онъ трусливъ и не хитеръ, какъ его родственница-лисица. Лисица дѣло другое: она далеко не такъ сильна, какъ волкъ, но за то превосходитъ его своею смышленостью и хитростью, такъ—что хитрость ея вошла у людей въ поговорку. Что волкъ достаетъ силой, то лисица беретъ хитростью, и будучи неутомима въ бѣгу, какъ и волкъ, и даже легче его, она не полагается на скорость своего бѣга, но искусно придумываетъ средства для своего пропитанія и безопасности. Устроивая себѣ постоянное жилище при опушкѣ лѣса, чтобы удобнѣе уносить ягнятъ и др. добычу, она прислушивается къ пѣнію пѣтуховъ и крику домашнихъ птицъ, терпѣливо выжидаетъ времени, скрываетъ свое намѣреніе и походку, крадется, ползетъ и рѣдко дѣлаетъ безполезныя нападенія. Нападенія свои лисица совершаетъ ночью. Перескакивая черезъ заборъ, или подлѣзая подъ него, она немедленно нападаетъ на птичій дворъ, все придаетъ тамъ смерти, и поспѣшно уноситъ свою добычу, которую прячетъ подъ мохъ или въ свою нору. Спустя нѣсколько минутъ возвращается отъискивать другой добычи, которую прячетъ уже въ другое мѣсто

Любимое ея кушанье—*куры, виноградъ и медъ*, хотя она не отказывается кушать зайчиковъ, яйца, молоко, рыбу, раковъ, — даже пожираетъ мышей, крысъ, змѣй, но она рѣшительно не охотница до падали, которою не гнушается голодный волкъ. Обыкновенный господствующій цвѣтъ шерсти лисицы—рыжій съ разнообразными оттѣнками на разныхъ частяхъ тѣла. Шкура молодыхъ лисицъ малоупотребительна и не дорога; но за то шкура старыхъ, пойманныхъ зимою, а не лѣтомъ (лѣтомъ они линяютъ), цѣнится довольно высоко за мягкость, длину и густоту пуха, и употребляется для шубъ, саловъ и воротниковъ; особенно же дороги шкуры лисицъ чернобурыхъ, или какъ ихъ называютъ, черныхъ и серебристыхъ, потому-что мѣхъ ихъ легокъ и нѣженъ. Бываютъ примѣры, что волкъ обращается въ *ручное* животное, наприм. изъ породы съ шерстью сѣровато-желтой, которыхъ называютъ *шакалами* или *золотыми* волками; но лисица, по своей дикости и недовѣрчивости, никогда не можетъ быть обращена въ ручное домашнее животное.

3. *Дѣдъ* собственно значитъ отецъ нашей матери, или отца; но значитъ также старикъ: въ которомъ же изъ этихъ двухъ значеній употреблено здѣсь слово *дѣдъ?*

4. *Баба*—а) всякая женщина въ простонародьи,—слово это противоположно слову *мужикъ*; — б) *бабушка* т. е. мать отца или матери, какъ употреблялось въ старину : у Нестора, лѣтописца XI вѣка, Ольга называется *бабою* Владиміра, который былъ сынъ Святослава, а Святославъ, какъ вы знаете, былъ сынъ Игоря и Ольги. «Аще бы лихъ законъ Гречьскій, то не бы *баба* твоя пріяла (955) Ольга, яже бѣ мудрѣйши всѣхъ человѣкъ» гово-

рили Вдадиміру бояре. стр. 46; в) *баба*—старуха. Отгадайте, въ которомъ же изъ этихъ трехъ значеній надо понимать здѣсь слово «*баба*?»

5. *Говорить*. *Говорить*—значитъ выражать звуками нашего голоса то, что думаемъ, чувствуемъ, чего желаемъ. Но замѣтьте, за звуками нашего голоса есть та особенность, та значительная примѣта, что они не сливаются одинъ съ другимъ въ словѣ, но каждый изъ нихъ слышится отдѣльно, каждый звукъ является особымъ раздѣльнымъ членомъ слова, напр. въ словѣ «*сказка*» вы явственно, какъ особый членъ различаете и *с*, и *к*, и *а*, и *з*, и *к*, и *а*. Звуки испускаютъ и животныя, — но есть ли возможность отличить у нихъ одинъ звукъ отъ другаго? прислушайтесь — представляется ли каждый звукъ отдѣльнымъ звукомъ, когда воетъ волкъ, брешетъ лисица, ржетъ лошадь, мычитъ корова, гогочетъ гусь? Поэтому звуки человѣческаго голоса зовутся *членораздѣльными*, и этою-то членораздѣльностью слово человѣческое рѣшительно отличается отъ крика звѣринаго, отъ птичьяго пѣнья и т. п.

Образуетъ же членораздѣльные звуки человѣкъ изъ дыханія съ помощью языка, губъ, неба и зубъ; оттого языкъ, губы, небо и зубы называются орудіями слова или иностраннымъ словомъ—*органами*. И говоритъ одинъ только человѣкъ между всѣми существами природы; потому-что одинъ человѣкъ одаренъ способностью сознавать то, что онъ думаетъ, чувствуетъ, чего желаетъ.

6. *Рыба*. Рыбы также животныя, какъ волкъ и лисица; но не тоже, что волкъ и лисица: между ними большая разница. Волкъ и лисица, какъ и многія другія животныя, живутъ на сушѣ, на землѣ; рыбы живутъ только въ водѣ, и на сушѣ жить не могутъ; — волкъ и лисица имѣ-

ютъ красную *теплую* кровь, а рыбы—красную *холодную*; — тѣ покрыты шерстью, а рыбы имѣютъ слизистую чешуйчатую кожу; тѣ надѣлены ногами для бѣгу, а рыбы плавательными перьями или плавниками для плаванья въ водѣ; волкъ воетъ, лисица брешетъ, тотъ и другая издаютъ звуки, имѣютъ голосъ;—рыбы нѣмы, безъ голоса; у волка и лисицы замѣтна извѣстная степень смышлености,—рыбы напротивъ почти безо всякой смышлености, и глупость ихъ вошла въ поговорку. Вотъ сколько отличій имѣютъ рыбы отъ волка и лисицы и другихъ животныхъ. У нихъ есть и другія отличія, но объ нихъ вамъ разскажутъ, когда вы станете учиться естественной исторіи. Видѣвши столько отличій рыбы отъ волка и лисицы, замѣтьте, что то, чѣмъ мы отличаемъ одинъ предметъ отъ другаго, или то, почему мы признаемъ одинъ предметъ такимъ, а не другимъ, называется *признакомъ*, *примѣтою*. Попытайтесь-ка вспомнить, какіе признаки приписываются рыбамъ, или почему мы рыбы признаемъ за рыбъ. — Попробуемъ еще, хорошо ли вы выразумѣли, что называется признакомъ.

Вотъ мы нѣсколько разъ употребляли слово *животное*; а скажите, пожалуйста, чѣмъ мы отличаемъ животное отъ растеній? или за что вы признаете его животнымъ?

—Признаки животнаго? Животныя—это такія существа, которыя сами по своей волѣ движутся, перемѣняютъ одно мѣсто на другое, наприм. волкъ бѣгаетъ, рыба плаваетъ, змѣя ползаетъ, гусь летаетъ и т. п., а березка, дубъ стоятъ все на одномъ мѣстѣ,—животныя—это такія, существа, которыя способны *ощущать*, *чувствовать*, когда имъ холодно, голодно и больно: ударьте собаку, она завизжитъ, и тѣмъ покажетъ, что ей больно, но ударьте бе-

резку, покажетъ ли она вамъ чѣмъ-нибудь, что ей больно? Стало-быть есть два признака, по которымъ мы признаемъ извѣстныя существа *животными*: произвольное движеніе и способность чувствовать (ощущеніе).

Какъ ни многочисленны, ни разнообразны животныя, но всѣ они имѣютъ эти двѣ отличительныя примѣты,—поэтому всѣ животныя, составляютъ особый отдѣлъ въ природѣ, который называется *царствомъ* животнымъ; и человѣкъ, знакомясь съ ними, и изучая ихъ, дошелъ до того, что составилъ объ нихъ цѣлую науку; наука эта доселѣ у всѣхъ образованныхъ народовъ зовется греческимъ словомъ *Зоологіею*, порусски это будетъ наука о животныхъ, потому-что греческое слово *зоонъ* значитъ порусски *животное*, а *логосъ*—слово или ученіе.

7 *Видитъ*. Видѣть, это—ощущать дѣйствіе свѣта и съ помощью его узнавать, чувствовать, какую фигуру имѣетъ предлежащій предметъ, какой цвѣтъ, величину и положеніе т. е. спокойно-ли онъ остается на одномъ мѣстѣ или двигается: такъ старикъ видитъ, что лисичка свернулась калачикомъ (слѣдовательно видитъ *фигуру* лисицы), видитъ, она не ворохнется, лежитъ словно мертвая (слѣдовательно видитъ ея положеніе). Чувство это называется чувствомъ *зрѣнія*, потому-что для выраженія видѣть у насъ есть еще другое слово—*зрѣть*, отъ котораго образовалось слово зрѣніе; орудіе или органъ этого чувства—глаза. Но чтобы почувствовать и узнать, гладокъ или шероховатъ, твердъ или мягокъ какой-нибудь предметъ, для того надо его щупать, осязать или взять руками; чтобы почувствовать, чѣмъ пахнетъ цвѣтокъ или другое какое растеніе, надо приблизить или поднести на извѣстное разстояніе къ носу; чтобы по-

чувствовать сладокъ или горекъ предметъ, надо положить его на языкъ; а чѣмъ мы чувствуемъ, узнаемъ стукъ, громъ и вообще звуки отъ тѣлъ? слухомъ. Стало-быть, кромѣ зрѣнія у насъ есть еще чувство осязанія, чувство обонянія, чувство вкуса и чувство слуха. Сколько же чувствъ у человѣка? *Глаза, руки, носъ* (поздри), *языкъ, уши* суть тѣ орудія или органы, которыми мы испытываемъ ощущенія отъ соприкасающихся предметовъ. Чувства эти служатъ намъ для того, чтобы съ помощію ихъ душа наша знакомилась со всѣмъ, что насъ окружаетъ, или черезъ нихъ мы пріобрѣтаемъ себѣ познанія о всемъ, что существуетъ въ извѣстномъ мѣстѣ и въ извѣстное время. А если чувства у животныхъ?

8. *Дорога* — это тропа, которая проложена по землѣ собственно для ѣзды или ходьбы отъ одного мѣста къ другому. Дорога, которая идетъ по направленію между городами, называется *большою дорогой*, а которая лежитъ въ сторонѣ отъ этого направленія между селами и деревнями, называется *проселочною, проселками*. Объ удобствахъ большой дороги заботятся много, потому-что проѣзду по ней много, заботятся, чтобы она была и ровна и широка, и чтобы по ней проѣзжающимъ можно было найти все нужное и потребное; напротивъ о проселочныхъ дорогахъ мало думаютъ, оттого на нихъ такъ часто и такъ много жалуются. Одинъ изъ нашихъ извѣстнѣйшихъ писателей, кн. Вяземскій изложилъ свои жалобы даже въ прекрасныхъ стихахъ.

Дороги улучшаютъ искуственно: дѣлаютъ насыпи, настилаютъ эти насыпи битымъ камнемъ, и такая дорога зовется *шоссе*. Есть ли куда-нибудь шоссе отъ города, въ которомъ вы живете? Одинъ

изъ даровитыхъ нашихъ писателей П. С. Аксаковъ вотъ какъ описываетъ шоссе и обыкновенную дорогу :

Прямая дорога, большая дорога !
Простору не мало взяла ты у Бога,
Ты вдаль протянулась, пряма, какъ стрѣла,
Широкою гладью, что скатерть легла !
Ты камнемъ убита, жестка для копыта,
Ты мѣрена мѣрой, трудами добыта !...
Въ тебѣ что ни шагъ, мужикъ работалъ:
Прорѣзывалъ горы, мосты настилалъ;
Все дружною силой и съ пѣснями взято,—
Вколачивалъ молотъ, и рыла лопата,
И дебри топоръ вѣковыя просѣкъ...
Куда какъ упоренъ въ трудѣ человѣкъ !
Чего онъ не сможетъ, лишь было-бъ терпѣнье
Да разумъ, да воля, да Божье хотѣнье!...
А съ каменкой рядомъ, поодаль немножко,
Окольная вьется живая дорожка !
Дорожка, дорожка, куда ты ведешь,
Безъ званья ли ты, иль со званьемъ слывешь?
Идешь, колесишь ты, не зная разбору,
По рвамъ и долинамъ, чрезъ рѣчку и гору!
Не много ты мѣста себѣ отняла :
Просторомъ тележнымъ легла, гдѣ могла!
Тебя не ровняли топоръ и лопата,
Мягка ты копыту и пылью богата,
И кочки мѣстами и взрѣжетъ соха...
Грязна ты въ ненастье, а въ вёдро суха !

А естьли еще какая-нибудь дорога, которая лучше даже шоссе ? Есть, желѣзная; первый придумалъ ее англичанинъ Стефенсонъ. У насъ есть ли желѣзная дорога?

Прим. 1. Такъ, по нашему мнѣнію. слѣдуетъ разобрать всю пьесу до конца, и разборъ вещественный

долженъ сопровождать каждую пьесу въ продолженіе грамматическаго курса.

Примѣчаніе 2. Нѣкоторые изъ преподавателей при вещественномъ разборѣ объясняютъ значеніе каждаго слова; но намъ кажется, что такое объясненіе излишне. Мы думаемъ, чго при вещественномъ разборѣ слѣдуетъ ограничиваться собственно 1) словами, трудными для уразумѣнія дѣтей, 2) словами, по случаю которыхъ можно сообщить какое-нибудь дѣльное свѣдѣніе, которое могло бы въ послѣдствіи пригодиться и въ задачу для письменныхъ упражненій.

Примѣч. 3. Чтобы разборъ вещественный не остался безплоденъ для учениковъ, должно изъ объясненій учительскихъ образовать темы для письменнаго упражненія учениковъ. Напр. На основаніи сдѣланныхъ объясненій можно составить слѣд. задачи для письменныхъ упражненій учениковъ:

I. Что такое сказка? и не припомните ли вы какую-нибудь изъ тѣхъ, которыя вы слыхали отъ нянюшки или другаго кого, или сами когда читали?

II. Что такое животное вообще, волкъ и лисица въ особенности?

III. Чѣмъ отличаются рыбы отъ другихъ животныхъ?

IV. Кому данъ даръ слова и что значить говорить?

V. Сколько чувствъ у человѣка? чѣмъ они отличаются одно отъ другаго, и для чего служатъ человѣку?

II. разборъ отношенія мыслей.

Задача. Разскажите содержаніе сказки подробнѣе прежняго.

—

I. О комъ говорится прежде, нежели начался разсказъ о лисѣ? почему же надобно было прежде говорить о дѣдѣ и бабѣ? Что видитъ дѣдъ на дорогѣ? Что сдѣлалъ онъ, увидавши лисичку? Какою она показалась дѣду? Какъ поступилъ онъ, принявши ее за мертвую? Что на возу дѣлала лисичка? Отчего же онъ не замѣтилъ, какъ она, повыбросавъ рыбу, сама ушла? Когда узналъ дѣдъ продѣлки лисы? Почему старуха узнала первая объ нихъ? Что сдѣлала баба, не нашедши на возу ни лисицы, ни рыбы? За что же она ругала старика? Правильно и хорошо ли она поступала? О чемъ догадался старикъ послѣ брани старухи, и что онъ почувствовалъ отъ того?

Какая главная мысль объясняется во всемъ, нами разобранномъ? *Лисица обманула старика.*

Задача. Напишите теперь о томъ, какъ лиса ушла съ возу старика, и что почувствовалъ старикъ, узнавши о томъ.

II. Что сдѣлала лиса, ушедши съ возу старика? Кто къ ней подошелъ, когда она ѣла рыбу? Что лисица и волкъ говорили между собой, сошедшись вмѣстѣ? Чего попросилъ волкъ у лисицы? Какой ея былъ отвѣтъ волку? Почему волкъ отказывался самъ ловить рыбу? Какъ лиса учила волка ловить рыбу и какой совѣтъ прибавила? Послушался ли волкъ совѣта лисы? Что случилось съ волкомъ, когда онъ опустилъ хвостъ въ прорубь? Долго ли онъ его держалъ тамъ? Что онъ подумалъ, когда, попытавшись вытащить хвостъ, не могъ того сдѣлать? Что случилось съ волкомъ поутру? Кто первый увидѣлъ волка у проруби? Отчего и чѣмъ бабы стали бить волка? Что сдѣлалъ волкъ отъ побоевъ бабъ? Доволенъ ли онъ былъ совѣтомъ лисицы ловить рыбу?

Въ этомъ отдѣлѣ разсказа какая мысль развивается? *Лисица обманула волка.*

Задача. Напишите о томъ, какъ волкъ ловилъ рыбу хвостомъ, и что съ нимъ отъ того случилось?

III. Въ ту пору, какъ волкъ ловилъ рыбу, что дѣлала лисица? Въ какую избу она забралась? Куда попала? что сдѣлала? Кто ее встрѣтилъ? Что ей сказалъ волкъ при встрѣчѣ? Чѣмъ лисичка отговорилась и разжалобила волка? Повѣрилъ ли волкъ ея словамъ? Какое онъ сдѣлалъ лисѣ предложеніе? Воспользовалась ли она этимъ предложеніемъ? Что она говорила, сидя на спинѣ волка? Разслышалъ ли волкъ ея слова? Какъ она объяснила свои слова волку? Повѣрилъ ли онъ словамъ ея?

Этотъ отдѣлъ разсказа разъясняетъ какую мысль? *Лисица оправдалась въ своемъ обманѣ передъ волкомъ.*

Задача. Напишите, какъ лиса оправдалась передъ волкомъ въ своемъ обманѣ, и что для нея сдѣлалъ волкъ.

IV. Какое еще предложеніе сдѣлала лиса волку? Согласился ли онъ? Что сдѣлалось съ хаткой волка и отчего? Что послѣ этого хотѣлъ онъ сдѣлать съ лисою? Какъ она избавилась отъ угрозы волка— съѣсть ее? А здѣсь какая основная мысль?

Задача. Напишите, какъ лиса уговорила волка выстроить хатку, и что отъ того произошло.

Задача послѣ всего разбора. Скажите, какъ эти четыре отдѣла связываются между собою въ одно цѣлое? почему первый отдѣлъ нуженъ для втораго, второй для третьяго, третій для четвертаго? И можно ли переставить ихъ въ другомъ порядкѣ?

Прим. Разборъ отношенія мыслей или логическій не долженъ быть прерываемъ въ теченіе всего грамматическаго курса, какъ и разборъ вещественный.

III. разборъ отношенія словъ въ каждомъ предложеніи.

Задача. Разскажите со всѣми подробностями сказку о лисицѣ и волкѣ.

—

I. Жилъ себѣ дѣдъ да баба. Кто жилъ себѣ? Дѣдъ да баба. О комъ же здѣсь говорится—что служитъ предметомъ рѣчи? Что они дѣлали? Что же говорится про дѣда и бабу?

II. Дѣдъ говоритъ бабѣ. Что дѣлаетъ дѣдъ? говоритъ бабѣ. Кто говоритъ бабѣ? дѣдъ; стало-быть, что вы думаете о дѣдѣ? онъ *говоритъ бабѣ*. Что же именно говоритъ онъ?

III. Ты, баба, пеки пироги, — кто пеки пироги? ты. Что дѣлай? пеки пироги. Еще что онъ говоритъ?

IV. *А я пойду за рыбой*. Кто пойду за рыбой? я. Что я сдѣлаю? Пойду за рыбой. Стало-быть дѣло идетъ объ я, т. е. дѣдѣ, что жь сказано про я, т. е. дѣда? Поѣду за рыбой, и т. д.

Можно ли было кончить рѣчь словами «*говоритъ* бабѣ» и поставить точку? вполнѣ ли будетъ понятна слушающему ваша рѣчь и удовольствуется ли онъ ею безъ прибавленія «ты, баба, пеки пироги, а я поѣду за рыбой»? Нѣтъ; стало-быть послѣдующее съ предъидущимъ должно заключить въ одну точку.

Въ рѣчи жилъ дѣдъ и *баба*; слово «баба» оканчивается на *а*, а въ рѣчи «дѣдъ говоритъ бабѣ», тоже слово кончается на *ѣ*; выходитъ, что слово это измѣняется въ своихъ окончаніяхъ. Присмотритесь, хорошенько, оно ли одно измѣняется въ окончаніяхъ? нѣтъ, не оно одно, но и многія другія—напр. *жилъ* дѣдъ, живетъ дѣдъ,—и я *живу* въ городѣ. Но попробуйте, измѣнются ли слова: *а за*? Нѣтъ. Значитъ, есть слова

измѣняемыя по окончаніямъ и *неизмѣняемыя*. Такое различіе словъ намъ сейчасъ пригодится въ дѣло: слово *дѣдъ* какъ вы произносите? *дѣтъ*, а написано-то оно черезъ *т* ли? Нѣтъ, черезъ *д*.; видите, выговоръ и письмо наши не сходятся между собой,—и это бываетъ очень часто· измѣняйте это слово по окончаніямъ—говорится про *дѣда*, о *дѣдѣ*, иду съ *дѣдомъ*. При этихъ измѣненіяхъ что слышится т или д? д,—ну, такъ пишите д. Къ такимъ измѣненіямъ почаще прибѣгайте, чтобы правильно написать слово, которое выговаривается не по написанному. Воспользуйтесь-ка этимъ замѣчаніемъ въ словѣ «*рыбкѣ*».

Прим. 1. Разборъ каждаго предложенія продолжается до конца піесы.

Разборъ отношенія словъ видоизмѣняется сообразно съ намѣреніемъ преподавателя, т. е. сообразно съ тѣмъ, съ чѣмъ въ данный урокъ онъ хочетъ познакомить своего ученика.

Задача Теперь, послѣ тройнаго разбора сказки, изложите письмѣнно подробное ея содержаніе.

Примѣчаніе 2. Что одно и тоже содержаніе дается темою для письменнаго упражненія нѣсколько разъ, за это преподавателя упрекать не должно; ибо частое писанье одного и тогоже есть одно изъ надежнѣйшихъ средствъ для орѳографіи, особенно, если къ нему присоединяется еще частое переписываньe выучиваемаго наизустъ.

ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ.

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя:

То какъ звѣрь она завоетъ,
То заплачетъ какъ дитя,
То по кровлѣ обветшалой
Вдругъ соломой зашумитъ,
То, какъ путникъ запоздалой,
Къ намъ въ окошко застучитъ.

Наша ветхая лачужка
И печальна и темна,
Что же ты, моя старушка,
Пріумолкла у окна?
Или бури завываньемъ
Ты, мой другъ, утомлена,
Или дремлешь подъ жужжаньемъ
Своего веретена?

Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей, —
Выпьемъ съ горя; гдѣ же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй.
Спой мнѣ пѣсню, какъ *синица*
Тихо за моремъ жила; *
Спой мнѣ пѣсню, какъ *дѣвица*
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроетъ,

---

* Пушкинъ вспоминаетъ здѣсь слѣдующую изъ нашихъ хороводныхъ пѣсенъ:

За моремъ Синичка не пышно жила,
Не пышно жила, пиво варивала,

Вихри снѣжные крутя:
То какъ звѣрь она завоетъ,
То заплачетъ какъ дитя.
Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей,
Выпьемъ съ горя; гдѣ же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй.

А. Пушкинъ.

ГУСЬ.

Сѣрымъ гусемъ называютъ его старинныя русскія пѣсни, и называютъ вѣрно. Дикій гусь точно сѣръ и отличается отъ гусыни только тѣмъ, что

Солоду купила, хмѣлю въ займы взяла;
Черной Дроздъ пивоваромъ былъ.
Дай же намъ, Боже, пиво-то сварить,
Пиво-то сварить и вина накурить.
Созовемъ къ себѣ гостей, мѣлкихъ пташечекъ.
Совушка, вдовушка, не званая пришла.
Снигирюшка по сѣничкамъ похаживаетъ,
Соловушка головушку поглаживаетъ.
Стали всѣ птички межъ собой говорить:
Что же ты, Снигирюшка, не женишься?
Радъ бы я женился, да некого взять!
Взялъ бы я Пернатку—та матка моя;
Взялъ бы я Чечетку—та тетка моя;
Взялъ бы я Синичку—сестричка моя;
Взялъ бы я Сороку—щекотливая;
Есть за моремъ Перепелочка,
Та мнѣ ни матушка, ни тетушка;
Ту я люблю, ту за себя возьму.
Здравствуй хозяинъ съ хозяюшкою,
Со малыми дитятами!

спина его потемнѣе, грудь, или зобъ, покрыта черноватыми пятнышками, и самъ онъ нѣсколько поменьше. Дворовые русскіе гуси, по большей части бѣлые или пѣгіе, бываютъ иногда совершенно похожи перомъ на дикихъ, то есть, на прежнихъ самихъ себя. Вся разница состоитъ въ томъ, что вообще у русскихъ гусей носъ и ноги красноваты, и сами они потолще, пообъемистѣе; дикіе же гуси подбористѣе, складнѣе, щеголеватѣе, а носъ и лапки ихъ желтовато-зеленоватаго цвѣта. Весною, пролетомъ, гуси показываются очень рано; еще вездѣ бывало лежитъ снѣгъ, пруды не начинали таять, а стаи гусей вдоль по теченію рѣки летятъ да летятъ въ вышинѣ, прямо на сѣверъ. Стаи всегда пролетаютъ очень высоко; но гуси парами или въ одиночку летятъ гораздо ниже. Когда же время сдѣлается теплѣе, оттаютъ поля, разольются полыя воды,—стаи гусей летятъ гораздо ниже и спускаются на привольныхъ мѣстахъ отдохнуть, поѣсть и поплавать. Пища гусей преимущественно состоитъ

Русскіе поселяне, говоритъ И. П. Сахаровъ въ примѣчаніи къ этой пѣснѣ, олицетворили свою семейную жизнь хороводною игрою: свадьбою Снигиря съ Перепелкою. Синичка, какъ свекровь, дѣлаетъ приготовленія къ свадебнымъ пирамъ; Снигирь, какъ женихъ выбираетъ себѣ невѣстъ. Въ этой хороводной игрѣ женихъ—Снигирь ходитъ по хороводу, указываетъ на игроковъ, означая тѣмъ свой выборъ. Игроки поютъ пѣсню. Мнѣ часто, продолжаетъ онъ, случалось слышать эту пѣсню и на зимнихъ посидѣлкахъ, и въ это время пѣвцы измѣняли голосъ ея на тихій тонъ, между-тѣмъ какъ въ хороводѣ она имѣетъ быстрый и веселый напѣвъ.

изъ мелкой, молодой травы, сѣменъ растеній и хлѣбныхъ зеренъ. Гуси очень жадны. Когда кормъ приволенъ, то они до того обжираются, что не могутъ ходить; зобъ перетягиваетъ все тѣло; даже съ трудомъ могутъ летать. Весною гуси бываютъ очень сторожки и рѣдко подпускаютъ охотника съ подъѣзда, еще рѣже съ подхода. Надобно отъискивать благопріятную мѣстность, изъ-за которой можно бы было подкрасться къ нимъ поближе. Мѣстность эта можетъ быть: лѣсъ, кусты, пригорокъ, оврагъ, высокій берегъ рѣки, нескошенный камышъ на прудахъ и озерахъ. Пошатавшись по хлѣбнымъ полямъ, кое-гдѣ сохранившимъ насоренныя еще осенью зерна, наплававшись по разливамъ рѣкъ, озеръ и прудовъ, гуси разбиваются на пары и начинаютъ заботиться о гнѣздахъ, которыя вьютъ всегда въ самыхъ крѣпкихъ и глухихъ камышистыхъ и болотистыхъ уремахъ *, состоящихъ изъ таловыхъ кустовъ ольхи и березы, обыкновенно окружающихъ берега рѣкъ порядочной величины; я разумѣю рѣки, текущія по черноземной почвѣ. Я не одинъ разъ находилъ гусиныя гнѣзда и всегда въ такихъ непроходимыхъ мѣстахъ, что самъ бывало удивишься, какъ попалъ туда. Гнѣздо обыкновенно кладется на сухомъ мѣстѣ, или на высокой кочкѣ, просторное и круглое, свивается изъ сухой травы и устилается перышками и пухомъ, нащипанными гусыней изъ собственной хлупи. Охотники говорятъ, что яицъ

---

* *Урéмой* называются лѣсъ и кусты, растущіе около рѣкъ.

бываетъ до двѣнадцати, но я болѣе девяти не нахаживалъ. Они совершенно похожи на яйца русскихъ гусей, развѣ крошечку поменьше и не такъ бѣлы, а свѣтло-дикаго, неопредѣленнаго цвѣта. Во время сидѣнья гусыни на яйцахъ, гусь раздѣляетъ ея заботу: я самъ спугивалъ гуся съ гнѣзда и много разъ нахаживалъ обоихъ *стариковъ* * съ выводками молодыхъ. Исторія высиживанія яицъ у дикихъ гусей, какъ и у всякой птицы, выводящей дѣтей одинъ разъ въ годъ, оканчивается въ исходѣ мая или въ началѣ іюня: всѣ исключенія бываютъ слѣдствіемъ какого-нибудь несчастнаго случая, погубившаго первыя яйца. Молодые гусята вылупляются изъ яицъ, покрытые сѣрожелтоватымъ пухомъ; они скоро получаютъ способность плавать, нырять, и потому старики немедленно переселяютъ свою выводку на какую-нибудь тихую воду, то есть, на озеро, заводь или плесо рѣки, непремѣнно обросшей высокой травою, кустами, камышомъ, чтобы было гдѣ спрятаться въ случаѣ надобности. Мнѣ разказывали многіе, что гусыня перетаскиваетъ на воду поочередно за шею каждаго гусенка, если вода далеко отъ гнѣзда, или мѣстность такъ неудобопроходима, что гусенку и пролѣзть трудно. Я этого не оспариваю, но долженъ сказать, что и самые маленькіе гусята очень бойки и вороваты, и часто уходили у меня изъ глазъ въ такихъ мѣстахъ, что

---

* Стариками называются въ гусиной выводкѣ старый гусакъ и гусыня.

по истинѣ надобно имѣть много силы, чтобъ втискаться и даже бѣгать въ густой чащѣ высокой травы и молодыхъ кустовъ. Впрочемъ надобно вспомнить, что это переселенія бываетъ немедленно послѣ вылупленія гусятъ, и они должны быть еще въ то время очень слабы. Молодые гуси подрастаютъ въ пол-гуся и больше, и даже почти оперяются — хотя не могутъ еще летать * — къ исходу іюня или началу іюля.

Наконецъ подросли, выровнялись, поднялись гусята и стали молодыми гусями; перелиняли, окрѣпли старые, выводки соединились съ выводками, составились станицы, и начались ночныя, или правильнѣе сказать, утреннія и вечернія экспедиціи для опустошенія хлѣбныхъ полей, на которыхъ поспѣли не только ржаные, на и яровые хлѣба́. За часъ до заката солнца, стаи молодыхъ гусей поднимаются съ воды, и подъ предводительствомъ старыхъ летятъ въ поля. Сначала облетятъ большое пространство, высматривая, гдѣ имъ будетъ удобнѣе расположиться подальше отъ проѣзжихъ дорогъ или работающихъ въ полѣ людей, какой хлѣбъ будетъ посыт-

---

* Водяная птица въ этомъ отношеніи совершенно противоположна нѣкоторымъ породамъ степной дичи; перья въ крыльяхъ молодыхъ тетеревовъ, куропатокъ и перепелокъвыростаютъ прежде всего, и они еще въ пушку могутъ перелетывать; а у всей водяной дичи, напротивъ, перья въ крыльяхъ вырастаютъ послѣднія, такъ-что даже безобразно видѣть на выросшемъ и оперившемся тѣлѣ молодаго гуся, или утки голыя папоротки съ синими пеньками.

нѣе, и наконецъ опускаются на какую-нибудь десятину или загонъ. Гуси предпочтительно любятъ хлѣбъ безосый, какъ-то: гречу, овесъ и горохъ; но если не изъ чего выбирать, то ѣдятъ и всякій. Почти до темной ночи изволятъ они продолжать свой долгій ужинъ; но вотъ раздается громкое призывное гоготанье стариковъ; молодые, которые, жадно глотая сытный кормъ, разбрелись во всѣ стороны по хлѣбамъ, торопливо собираются въ кучу, переваливаясь передами отъ тяжести набитыхъ не въ мѣру зобовъ, перекликаются между собой, и вся стая съ зычнымъ крикомъ тяжело поднимается, летитъ тихо и низко, всегда по одному направленію къ тому озеру или берегу рѣки, или верховью уединеннаго пруда, на которомъ она обыкновенно ночуетъ. Прилетѣвъ на мѣсто, гуси шумно опускаются на воду,—распахнувъ ее грудью на обѣ стороны, жадно напиваются и сейчасъ садятся на ночлегъ, для чего выбирается берегъ плоскій, ровный, не заросшій ни кустами, ни камышомъ, чтобъ ни откуда не могла подкрасться къ нимъ опасность. Отъ нѣсколькихъ ночевокъ большой стаи примнется, вытолочется трава на берегу, а отъ горячаго ихъ помета покраснѣетъ и высохнетъ. Гуси завертываютъ голову подъ крыло, ложатся, или лучше сказать, опускаются на брюхо, и засыпаютъ. Но старики составляютъ ночную стражу и не спятъ поочередно, или такъ чутко дремлютъ, что ничто не ускользаетъ отъ ихъ внимательнаго слуха При всякомъ шорохѣ сторожевой гусь тревожно загого-

четъ, и всѣ откликаются, встаютъ, выправляются, вытягиваютъ шеи и готовы летѣть; но шумъ замолкъ, сторожевой гусь гогочетъ совсѣмъ другимъ голосомъ, тихо, успокоительно, и вся стая, отвѣчая ему такими же звуками, снова усаживается и засыпаетъ. Такъ бываетъ не одинъ разъ въ ночь, особенно уже въ довольно длинныя, сентябрскія ночи. Если же тревога была не пустая, если точно человѣкъ или звѣрь приблизится къ стаѣ; — быстро подпимаются старики и стремглавъ бросаются за ними молодые, оглашая зыбучій берегъ и спящія въ туманѣ воды, и всю окрестность такимъ пронзительнымъ, зычнымъ крикомъ, что можно услышать его за версту и болѣе.... и вся эта тревога бываетъ иногда отъ хорька и даже горностая, которые имѣютъ наглость нападать на спящихъ гусей. Когда же ночь проходитъ благополучно, то сторожевой гусь, едва забѣлѣетъ заря на востокѣ, разбудитъ звонкимъ крикомъ всю стаю, и она снова, вслѣдъ за стариками, полетитъ уже въ знакомое поле, и точно тѣмъже порядкомъ примется за ранній завтракъ, какой наблюдала недавно за поздпимъ ужиномъ. Снова набиваются едва просиженные * зобы, и снова по призывному крику стариковъ, при яркихъ лучахъ давно взошедшаго солнца, собирается стая и летитъ уже на другое озеро,

---

* Просиженный зобъ уже пустъ. Это значитъ, что пища сварилась и спустилась въ кишки.

плесо рѣки или заливъ пруда, на которомъ проводитъ день.

Плохо хозяину, который поздно узнаетъ о томъ, что гуси повадились летать на его хлѣбъ; они съѣдятъ зерна, лоскомъ положатъ высокую солому, и сдѣлаютъ такую толоку, какъ будто тутъ паслось мелкое стадо. Если же хозяинъ узнаетъ во время, то разными средствами можетъ отпугать незванныхъ гостей. *С. Аксаковъ.*

ОСЕНЬ И ЗИМА.

Ужь небо осенью дышало,
Ужь рѣже солнышко блистало,
Короче становился день;
Лѣсовъ таинственная сѣнь
Съ печальнымъ шумомъ обнажалась;
Ложился на поля туманъ;
Гусей крикливыхъ караванъ
Тянулся къ югу: приближалась
Довольно скучная пора;
Стоялъ ноябрь ужь у двора;

Встаетъ заря во мглѣ холодной;
На нивахъ шумъ работъ умолкъ;
Съ своей волчихою голодной
Выходитъ на дорогу волкъ;
Его почуя, конь дорожный
Храпитъ—и путникъ осторожный
Несется въ гору во весь духъ;
На утренней зарѣ пастухъ

Не гонитъ ужь коровъ изъ хлѣва,
И въ часъ полуденный въ кружокъ
Ихъ не зоветъ его рожокъ.
Въ избушкѣ распѣвая, дѣва
Прядетъ, и, зимнихъ другъ ночей,
Трещитъ лучина передъ ней.
И вотъ уже трещатъ морозы
И серебрятся средь полей....
Опрятнѣй моднаго паркета
Блистаетъ рѣчка, льдомъ одѣта,
Мальчишекъ радостный народъ
Коньками звучно рѣжетъ ледъ;
На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый,
Задумавъ плыть по лону водъ,
Ступаетъ бережно на ледъ,
Скользитъ и падаетъ; веселый
Мелькаетъ, вьется первый снѣгъ,
Звѣздами падая на брегъ. *А. Пушкинъ.*

ВОДЫ.

Все хорошо въ природѣ, но вода—красота всей природы. Вода жива; она бѣжитъ, или волнуется вѣтромъ; она движется и даетъ жизнь и движеніе всему ее окружающему. Разнообразны явленія водъ, и непонятны законы этого разнообразія. Изъ вершины высокой, первозданной горы, сложенной изъ каменнаго дикаго плитняка, бьетъ свѣтлая, холодная струя, скачетъ внизъ по уступамъ горы, и смотря по ея крутизнѣ, образуетъ или множество малень-

кихъ водопадовъ, или одно, много два, большія паденія воды. Если она сжата каменьями, то гнется узкою лентою; если катится съ плиты, то падаетъ широкимъ занавѣсомъ; если же поверхность горы не камениста и не крута, то вода выроетъ себѣ постоянное небольшое русло, — и какъ все живо, зелено и весело вокругъ него! Неизвѣстно, откуда возьмутся несвойственныя горамъ травы, цвѣты, кусты и деревья, незабудки, дикій нарцисъ, кукушкины слезки, тальникъ и березка. Нигдѣ по близости не ростутъ они; но видно вѣтеръ вездѣ разноситъ всякія сѣмена, да только не вездѣ они всходятъ и принимаются.

I. РУЧЬИ.

Но есть родники совсѣмъ другаго рода, которые выбиваются изъ земли въ самыхъ низкихъ, болотистыхъ мѣстахъ, и образуютъ около себя ямки или бассейны съ водой, большей или меньшей величины, смотря по мѣстоположенію: изъ нихъ текутъ *ручьи*. Если бассейнъ глубокъ, то кипѣніе видно только на днѣ: вода выкидывается изъ его отверзтій, вынося съ собой песокъ и мелкія земляныя частицы; прыгая и кружась, но далеко не достигая поверхности, онѣ опускаются и устилаютъ дно родника ровно и гладко. Но если бассейнъ мелокъ, относительно силы ключа; то вся вода, съ пескомъ, землей и даже мелкими камушками, ворочается со дна до верху, кипитъ и клокочетъ, какъ котелъ на

огнѣ. И горные ключи и низменные болотные родники бѣгутъ ручейками: иные текутъ скрытно, потаенно, углубясь въ землю, спрятавшись въ травѣ и кустахъ; слышишь, бывало, журчанье, а воды не находишь; подойдешь вплоть, раздвинешь руками чащу кустарника или навѣсъ густой травы — пахнетъ въ разгорѣвшееся лицо свѣжею сыростью, и наконецъ увидишь бѣгущую во мракѣ и прохладѣ струю чистой и холодной воды. Какая находка въ жаркій лѣтній день для усталаго охотника! Иногда ручей бѣжитъ по открытому мѣсту, по песку и мелкой галькѣ, извиваясь по ровному лугу или долочку. Онъ уже не такъ чистъ и прозраченъ— вѣтеръ наноситъ пыль и всякій соръ на его поверхность; не такъ и холоденъ — солнечные лучи прогрѣваютъ сквозь его мелкую воду. Но случается, что такой ручей *поникаетъ*, то есть, уходитъ въ землю, и пробѣжавъ полверсты или версту, иногда гораздо болѣе, появляется снова на поверхность, и струя его, процѣженная и охлажденная землей, катится опять, хотя и не надолго, чистою и холодною.

II. РѢЧКИ.

Изъ многихъ такихъ ручейковъ составляются *рѣчки*. Одна бѣжитъ по глубокому лѣсному оврагу, наливая попадающіяся на пути ямки и рытвины, и образуя изъ нихъ небольшіе омуточки. Сломленныя бурею и подмытыя весеннею водою, деревья мѣстами преграждаютъ ея теченіе, и запруженная какъ

будто плотиною, она разливается маленькимъ прудомъ, прибывая до тѣхъ поръ, пока найдетъ себѣ боковой выходъ, или перевысивъ толщину древеснаго ствола, начнетъ переливать черезъ него излишнюю, безпрестанно накопляющуюся воду, легкимъ шумомъ нарушая тишину лѣсной пустыни. Всякая птица держится около воды, а рябчики, какъ говорятъ охотники, любятъ, сидя на деревьяхъ, дремать подъ тихое журчанье лѣсной рѣчки, въ которой завелись уже и кутема, и пеструшка, и выпрыгиваютъ по вечернимъ зарямъ на поверхность воды, ловя толкущихся на ней мошекъ и сумеречныхъ бабочекъ. Мнѣ случалось заходить въ такіе лѣсистые, глухіе овраги, и не скоро уходилъ я: тамъ на верху еще жарко; лѣтнее солнце клонится къ западу, ярко освѣщены имъ до половины нагорныя деревья, вѣтерокъ звучно перебираетъ листьями, а здѣсь внизу— густая тѣнь, сумерки, прохлада, тишина!

Другая рѣчка бѣжитъ по ровной долинѣ или по широкому лугу. Извивистые берега ея обростаютъ мѣстами лозникомъ, вербою и ольхою, а мѣстами одною осокою и другими береговыми травами; дно ея ровно и гладко, и глубина почти вездѣ одинакова. Около такой небольшой рѣчки, смотря по мѣстности и почвѣ, не рѣдко бываютъ довольно большія болота, поддерживаемыя родниками и поросшія камышомъ, таловыми кустами и мелкими деревьями. На такихъ рѣчкахъ строятъ, если случаются берега повыше, незатѣйливыя мельницы на одинъ поставъ, рѣдко на два. Небольшіе пруды ихъ, распространяя

кругомъ мокроту и влажность, не только поддерживаютъ прежнія, но даже производятъ новыя болота и мочежины, новые пріюты и приволья для всякой дичи.

III. СТЕПНЫЯ РѢКИ.

Есть особенный видъ рѣкъ, которыя, по объему текущей воды, должно причислить къ рѣчкамъ, хотя при первомъ взглядѣ онѣ могутъ показаться гораздо большей величины: это рѣки *степныя*. Онѣ состоятъ изъ цѣпи омутовъ (по-московски, бочаговъ) или небольшихъ озеръ, очень глубокихъ и необыкновенно прозрачныхъ, соединяющихся между собой *перекатами*, то есть мелкою рѣчкою, иногда даже ручейкомъ. Всегда поросшія особенною породой мягкаго камыша и водяными лопухами, растущими и цвѣтущими на всякой глубинѣ, онѣ бѣгутъ на перекатахъ довольно быстро, но въ омутахъ почти неприметно никакого теченія. Очень рѣдко по берегамъ ихъ ростетъ мелкій кустарникъ. Если взглянуть на такую рѣку, извивающуюся по степи, съ высокаго мѣста, что случается довольно рѣдко; то представится необыкновенное зрѣлище: точно на длинномъ безконечномъ снуркѣ, прихотливо перепутанномъ, нанизаны синіе яхонты въ зеленой оправѣ, перенизанные серебрянымъ стеклярусомъ: текущая вода блеститъ, какъ серебро, а неподвижные омута синѣютъ, какъ яхонты.

IV. РѢКИ.

Нѣсколько рѣчекъ, большей или меньшей величины, постепенно впадаютъ одна въ другую. Обиль-

нѣйшая водою по праву, а счастливѣйшая иногда безъ всякаго права, поглощая въ себѣ имена другихъ, удерживаетъ свое собственное, и продолжаетъ теченіе уже многоводною и сильною *рѣкою*. Густая, разнообразная и обширная урема почти обыкновенно разрастается на ея берегахъ.

Смотря по возвышенной или низменной мѣстности, окрестности такой рѣки бываютъ сухи или болотисты. Въ послѣднемъ случаѣ, необозримые, безконечные камыши, проросшіе кустами и лѣсомъ, съ озерами болѣе или менѣе глубокими представляютъ самые благонадежныя, просторныя и крѣпкія мѣста для вывода и укрывательства съ молодыми всякой птицѣ и преимущественно водяной дичи.

Иногда рѣка на большое пространство протекаетъ дремучими, ненаселенными лѣсами, и получаетъ особенный уединенный, дикій и вмѣстѣ важный и торжественный образъ. Берега ея не измяты ни чьимъ прикосновеніемъ; изрѣдка забредетъ на нихъ охотникъ, но не оставитъ слѣдовъ своихъ надолго: сильная растительность, происходящая отъ избытка влаги, сейчасъ поднимаетъ смятыя травы и цвѣты. Свободно и могуче обрастаютъ берега ея широколистною и узкою осокою, аиромъ, палочникомъ и крупными незабудками; а по всѣмъ затишьямъ, необыкновенной величины темно-зеленые, круглые лопухи плаваютъ уединенно на длинныхъ стебляхъ своихъ, однообразно двигаясь теченіемъ рѣки. Водяная птица какъ будто боится уединенія, и утки перестаютъ жить и водиться на рѣкахъ, когда онѣ слиш-

комъ далеко углубляются въ лѣсную глушь. Рыба и земноводный звѣрь остаются ихъ хозяевами. Въ пустынномъ безмолвіи и мракѣ катятся вольныя многоводныя струи, и только вѣтви наклонившихся или упавшихъ въ воду столѣтнихъ деревъ, противясь теченію, производятъ неумолкаемый, но тихій и глухой ропотъ. Плеснется большая щука, переплыветъ рѣку порѣшина (порѣчина), нырнетъ выхухоль — и только; но и этотъ слабый шумъ скоро поглащается общимъ безмолвіемъ. Смотрится только въ воду разнообразное чернолѣсье: липа, осина, береза и дубъ, кладя то справа, то слѣва, согласно стоянію солнца, прямыя или косыя тѣни свои на поверхность рѣки.

Изъ сліянія многихъ такихъ полноводныхъ рѣкъ составляются большія рѣки *средней величины*, какъ напримѣръ, всѣмъ извѣстная Ока, Бѣлая въ Оренбургской губерніи, и множество другихъ; изъ нихъ-то наконецъ образуются рѣки *первой величины*, какъ Волга и Кама, изъ которыхъ послѣдняя немногимъ меньше первой, своей побѣдительницы. Не смотря на огромное различіе въ обилiи и силѣ водъ, и тѣ и другія рѣки имѣютъ одинъ уже характеръ: русло ихъ всегда песчано, всегда углублено; сбывая лѣтомъ, вода обнажаетъ луговую сторону, и рѣка катитъ свои волны въ широкоразметанныхъ желтыхъ пескахъ, перебиваемыхъ косами разноцвѣтной гальки: слѣдовательно, настоящіе берега ихъ голы, безплодны, и по моему не представляютъ ничего пріятнаго, отраднаго взору человѣческому. Конечно, нагорная, почти всегда правая по теченію, сторона нерѣдко

богата живописными, величественными видами; но на нихъ хорошо смотрѣть издали, на полотнѣ или на бумагѣ. У всякаго есть своя особенность; моя состоитъ въ томъ, что я не люблю большихъ рѣкъ, и громадныхъ, утесистыхъ ихъ береговъ, и песчаныхъ, печальныхъ отмелей луговой стороны. Мнѣ даже страшно смотрѣть на необъятную массу воды, такъ самовластно отдѣляющую меня отъ противуположнаго берега, черезъ которую безъ опасности нельзя иногда и попасть на другую сторону. Волга же или Кама во время бури—ужасное зрѣлище! Я не разъ видалъ ихъ въ грозѣ и гнѣвѣ. Желтые, бурые водяные бугры съ бѣлыми гребнями, и потопляемыя, какъ щепки, суда — живы въ моей памяти. Впрочемъ я не стану спорить съ любителями величественныхъ и грозныхъ образовъ, и охотно соглашусь, что не способенъ къ принятію грандіозныхъ впечатлѣній. *С. Аксаковъ.*

СОЛНЦЕ И МѢСЯЦЪ.

Ночью, въ колыбель младенца
Мѣсяцъ лучъ свой заронилъ.
«Отъ чего такъ свѣтитъ мѣсяцъ?»
Робко онъ меня спросилъ.

Въ день-деньской устало Солнце,
И сказалъ ему Господь:
«Лягъ, засни — и за тобою
Все задремлетъ, все заснетъ.

И взмолилось Солнце брату:
«Другъ мой, Мѣсяцъ золотой!
«Ты зажги фонарь — и ночью
«Обойди ты край земной.

«Кто тамъ молится, кто плачетъ,
«Кто мѣшаетъ людямъ спать, —
«Все развѣдай — и поутру
«Приходи и дай мнѣ знать».

Солнце спитъ, а Мѣсяцъ ходитъ,
Сторожитъ земли покой,
Завтра-жь рано — рано къ Солнцу
Постучится братъ меньшой.

Стукъ-стукъ—стукъ — отворятъ двери;
Солнце, встань! грачи летятъ;
Пѣтухи давно пропѣли,
И къ заутренѣ звонятъ!

Солнце встанетъ, — Солнце спроситъ:
«Что, голубчикъ — братецъ мой?
«Какъ тебя Господь-Богъ носитъ?
«Что ты блѣденъ? что съ тобой?»

И начнетъ разсказъ свой Мѣсяцъ,
Кто и какъ себя ведетъ.
Если ночь была спокойна,
Солнце весело взойдетъ.

Если нѣтъ, взойдетъ въ туманѣ,
Вѣтеръ дунетъ — дождь пойдетъ,

Въ садъ гулять не выдетъ няня,
И дитя не поведетъ. *Я. Полонскій.*

ПРИРОДА ДНЕМЪ И НОЧЬЮ.

Днемъ природа дѣйствуетъ рѣзко, осязательно для глаза и слуха. Съ восточной зарей пробуждается ея неугомонная дѣятельность, и цѣлый день слышится она, выраженная множествомъ звуковъ, пѣсенъ и криковъ животнаго міра. Но низится къ западу солнце, и глохнутъ звуки, замирая постепенно съ послѣднимъ мерцаньемъ сгорѣвшей зари. Замолкло пѣвучее племя, разсѣлось по вѣткамъ, попряталось въ чащу, листву кустарную, и спитъ, завернувъ подъ крыло утомленную голову. Только немногіе крики и пѣсни, потерянные днемъ среди общаго нестройнаго хора, выступаютъ теперь ярко среди общаго затишья. Громче слышится теперь бой перепеловъ, жадно бѣгущихъ, летящихъ на отклики самокъ. Громче кричитъ дергачъ на раздольѣ, и далеко несется по поемной луговинѣ его рѣзкій трескучій крикъ. Въ темныхъ рощахъ, въ частыхъ кустахъ, раздались трели соловьевъ, и въ перебой, въ переливъ, льются ихъ пѣсни, несутся на встрѣчу проснувшейся ночи; а съ ночью проснусась и новая жизнь. Не дремлетъ природа, но не криками сказывается теперь ея дѣятельность—безмолвно, тайно творитъ она свое дѣло.

Въ глухомъ оврагѣ проснулась сова, встряхнула перо и зорко глядитъ въ сумракъ, легшій на долы. Проснулись и сычъ и филинъ, ненавистники свѣта,

и широко распустили райки своихъ глазъ, сбираясь летѣть за заснувшей добычей. Вывела изъ логовища дѣтей волчица и фосфорическимъ огнемъ зажглись ея глаза. Вылѣзъ изъ норы и хорекъ, и фыркаетъ носомъ, жадно нюхая ночной вѣтеръ, не принесетъ ли онъ залогъ живой добычи, не пахнетъ ли онъ теплой, горячей кровью. А тамъ, на широкій, цвѣтистый лугъ, слетѣлись стаи ночныхъ мотыльковъ, и съ легкимъ шумомъ, какъ журчанье далекаго ручья, вьются надъ цвѣтами, высасывая изъ нихъ сахаристые соки. На прибрежьѣ широкаго пруда, въ сумракѣ нависшихъ кустовъ, разсыпались зеленыя искры, засвѣтились Ивановы червячки. Въ дуплѣ старой липы слышится писк, проснулась въ немъ семья летучихъ мышей, и вотъ показалась одна, вспорхнула, летитъ неслышнымъ полетомъ, за ней другая, третья... всѣ понеслись, стелятся, вьются надъ водой, рѣжутъ воздухъ, какъ рѣзвыя ласточки.

ВЕЧЕРЪ.

Потухаетъ на западѣ яркая зорька, и ясно отражается ея ранжевый отблескъ въ гладкой, свѣтлой поверхности недвижной воды. Тихо незамѣтно спускается сумракъ на кусты и деревья, и покрываетъ ихъ однообразнымъ мрачнымъ цвѣтомъ; рѣзко рисуются очерки ихъ черныхъ листьевъ и сучьевъ, на чистомъ безоблачномъ небѣ. Свѣжестью и прохладой вѣетъ отъ воды. Торчатъ изъ нея безобразно искривленные каржи, кочки узколистной осоки, острые, тонкіе листья косатика и разныхъ водяныхъ растеній. Въ потемнѣвшей глубинѣ ея чуть видятся

перистыя вѣтки водяной сосенки, чернѣется посреди ихъ потонувшее бревно, окутанное скользкой тиной. Не шелохнется листъ, покойно, неподвижно стоитъ осина, столѣтній вязъ и раскидистая липа; распустились ея бѣловатые цвѣтки, и чудный ароматъ несется отъ нихъ по всему лѣсу. Тишь и безмолвіе кругомъ. Только въ одномъ мѣстѣ всплываютъ изъ воды пузыри и булькаютъ на поверхности, да около густыхъ камышей порой всплеснетъ рыба и побѣгутъ оттуда круги все шире и шире, далеко по всей водѣ. Изрѣдка долетитъ Богъ знаетъ изъ какого неблизкаго поля говоръ людской и конское ржанье. И снова тишь,—невозмутимая, глубокая тишь....

Н. П. Вагнеръ.

О ТОМЪ, КАКЪ ЖИВАЛИ ВЪ СТАРИНУ.

Соизвольте выслушать, люди добрые, слово вѣстное;
Приголубьте рѣчью лебединою словеса немудрыя,
Какъ въ стары годы, прежніе, жили люди старые.
А и то-то, родимые, были вѣки мудрые,
Вѣки мудрые, народъ все православный!
Живали-то старики не по нашему,
Не по нашему, по заморскому,
А по своему, православному:
Вставали ранымъ-раненько, съ утренней зарей;
Умывались ключевой водой, со бѣлой росой;
Молились всѣмъ святымъ и угодникамъ;
Кланялись всѣмъ роднымъ отъ востока до запада;
Выходили на красёнъ крылецъ, со рѣшеточкой;
Созывали слугъ вѣрныхъ на добры дѣла;

Старики судъ рядили, молодые слушали;
Старики придумывали крѣпкія думушки,
Молодые бывали на посылушкахъ...
Бывали радости великія на великъ день;
Бывали бѣды со кручинами на велико сиротство.
А что было, то быльёмъ поросло;
А что будетъ, то будетъ не по старому, а по новому.
Русскимъ людямъ долгое житье, а родимой сторонѣ
долѣ того!
А царю бѣлому, государю русскому все на честь и
хвалу.

БАБА-ЯГА.

Жилъ себѣ дѣдъ да баба; дѣдъ овдовѣлъ и женился на другой женѣ, а отъ первой жены осталась у него дѣвочка. Злая мачиха ея не полюбила, била ее и думала, какъ бы вовсе извести. Разъ отецъ уѣхалъ куда-то: мачиха и говоритъ дѣвочкѣ: поди къ своей теткѣ, моей сестрѣ, попроси у нея иголочку и ниточку — тебѣ рубашку сшить. А тетка эта была Баба-Яга, костяная нога. Вотъ дѣвочка не была глупа, да зашла прежде къ своей родной теткѣ. — Здравствуй, тетушка. — Здравствуй, родимая! За чѣмъ пришла?—Матушка послала къ своей сестрѣ попросить иголочку и ниточку—мнѣ рубашку сшить. Та ее и научаетъ: тамъ тебя, племяннушка, будетъ березка въ глаза стегать—ты ее ленточкой перевяжи; тамъ тебѣ ворота будутъ скрипѣть и хлопать — ты подлей имъ подъ пяточки маслица; тамъ тебя собаки будутъ рвать — ты имъ

хлѣбца брось; тамъ тебѣ котъ будетъ глаза драть— ты ему ветчины дай. Пошла дѣвочка; вотъ идетъ, идетъ и пришла.

Стоитъ хатка, а въ ней сидитъ Баба-Яга, костяная нога, и ткетъ. Здравствуй, тетушка! — Здравствуй, родимая. — Меня матушка послала попросить у тебя иголочку и ниточку—мнѣ рубашку сшить. —Хорошо; садись покуда ткать. Вотъ дѣвочка сѣла за краснà; а Баба-Яга вышла и говоритъ своей работницѣ: ступай, истопи баню да вымой племянницу, да смотри хорошенько; я хочу ею позавтракать. Дѣвочка сидитъ ни жива, ни мертва, вся перепуганная, и проситъ она работницу: «родимая моя, ты не столько дрова поджигай, сколько водой заливай, рѣшетомъ воду носи» — и дала ей платочекъ. Баба-Яга дожидается; подошла она къ окну и спрашиваетъ: ткешь ли, племяннушка, ткешь ли, милая? —Тку, тетушка, тку, милая! Баба-Яга и отошла, а дѣвочка дала коту ветчинки и спрашиваетъ: нельзя ли какъ-нибудь уйти отсюдова? — «Вотъ тебѣ гребешокъ и полотенцо, говоритъ котъ, возьми ихъ и убѣжи; за тобою будетъ гнаться Баба-Яга, ты приклони ухо къ землѣ и какъ заслышишь, что она близко, брось сперва полотенцо—сдѣлается широкая, широкая рѣка; если жь Баба-Яга перейдетъ черезъ рѣку и станетъ догонять тебя, ты опять приклони ухо къ землѣ, и какъ услышишь, что она близко, брось гребешокъ—сдѣлается дремучій, дремучій лѣсъ: сквозь него она ужь не проберется!»

Дѣвочка, взяла полотенцо и гребешокъ, и побѣжала:

собаки хотѣли ее рвать — она бросила имъ хлѣбца, и онѣ ее пропустили; ворота хотѣли захлопнуться— она подлила имъ подъ пяточки маслица, и они ее пропустили; березка хотѣла ей глаза выстегать — она ее ленточкой перевязала, и та ее пропустила. А котъ сѣлъ за красна̀ и ткетъ: не столько наткалъ, сколько напуталъ. Баба-Яга подошла къ окну и спрашиваетъ: ткешь ли, племяннушка, ткешь ли, милая? — Тку, тетка, тку, милая, отвѣчаетъ грубо котъ. Баба-Яга бросилась въ хатку, увидѣла, что дѣвочка ушла, и давай бить кота и ругать, зачѣмъ не выцарапалъ дѣвочкѣ глаза. — Я тебѣ сколько служу, говоритъ котъ, ты мнѣ косточки не дала; а она мнѣ ветчинки дала. Баба-Яга накинулась на собакъ, на ворота, на березку и на работницу, давай всѣхъ ругать и колотить. Собаки говорятъ ей: мы тебѣ сколько служимъ, ты намъ горѣлой корочки не бросила, а она намъ хлѣбца дала; ворота говорятъ: мы тебѣ сколько служимъ, ты намъ водицы подъ пяточки не подлила, а она намъ маслица подлила; березка говоритъ: я тебѣ сколько служу, ты меня ниточкой не перевязала, а она меня ленточкой перевязала; работница говоритъ: я тебѣ сколько служу, ты мнѣ тряпочки не подарила, а она мнѣ платочекъ подарила.

Баба-Яга, костяная нога, поскорѣй сѣла на ступу, толкачомъ погоняетъ, помеломъ слѣдъ заметаетъ, и пустилась въ погоню за дѣвочкой. Вотъ дѣвочка приклонила ухо къ землѣ и слышитъ, что Баба-Яга гонится — и ужь близко, взяла да-и бросила

полотенцо: сдѣлалась рѣка такая широкая, широкая! Баба-Яга пріѣхала къ рѣкѣ, и отъ злости зубами заскрипѣла, воротилась домой, взяла своихъ быковъ и пригнала къ рѣкѣ: быки выпили всю рѣку дочиста. Баба-Яга пустилась опять въ погоню. Дѣвочка приклонила ухо къ землѣ и слышитъ, что Баба-Яга близко, бросила гребешокъ: сдѣлался лѣсъ такой дремучій да страшный! Баба-Яга стала его грызть, но сколь ни старалась—немогла прогрызть и воротилась назадъ.

А дѣдъ уже пріѣхалъ домой и спрашиваетъ: гдѣ же моя дочка? — Она пошла къ тетушкѣ, говоритъ мачиха. Немного погодя и дѣвочка прибѣжала домой; «гдѣ ты была?» спрашиваетъ отецъ. — Ахъ, батюшка, говоритъ она, такъ и такъ — меня матушка посылала къ теткѣ попросить иголочку съ ниточкой мнѣ рубашку сшить, а тетка—Баба-Яга меня съѣсть хотѣла.—Какъ же ты ушла, дочка?—Такъ и такъ, разсказываетъ дѣвочка. Дѣдъ какъ узналъ все это, разсердился на жену и разстрѣлилъ ее, а самъ съ дочкою сталъ жить да поживать, да добра наживать, и я тамъ былъ, медъ-пиво пилъ: по усамъ текло, въ ротъ не попало. (Народныя сказки, издан. въ 1855 г. А. Аѳанасьевымъ).

БѢСЫ.

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.

Ѣду, ѣду въ чистомъ полѣ;
Колокольчикъ динь-динь-динь...
Страшно, страшно поневолѣ
Средь невѣдомыхъ равнинъ!

Эй, пошелъ, ямщикъ!... «Нѣтъ мочи:
«Конямъ, баринъ, тяжело;
«Вьюга мнѣ слипаетъ очи;
«Всѣ дороги занесло;
«Хоть убей, слѣда не видно;
«Сбились мы. Что дѣлать намъ!
«Въ полѣ бѣсъ насъ водитъ, видно,
«Да кружитъ по сторонамъ.

«Посмотри: вонъ, вонъ играетъ,
«Дуетъ, плюетъ на меня;
«Вонъ-теперь въ оврагъ толкаетъ
«Одичалаго коня;
«Тамъ верстою небывалой
«Онъ торчалъ передо мной;
«Тамъ сверкнулъ онъ искрой малой,
«И пропалъ во тмѣ пустой.»

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо,. ночь мутна.
Силъ намъ нѣтъ кружиться долѣ;
Колокольчикъ вдругъ умолкъ;

Кони стали... — Что тамъ въ полѣ? —
«Кто ихъ знаетъ: пень иль волкъ?»

Вьюга злится, вьюга плачетъ;
Кони чуткіе храпятъ;
Вонъ ужь онъ далече скачетъ,
Лишь глаза во мглѣ горятъ!
Кони снова понеслися;
Колокольчикъ динь-динь-динь...
Вижу: духи собралися
Средь бѣлѣющихъ равнинъ.

Безконечны, безобразны,
Въ мутной мѣсяца игрѣ
Закружились бѣсы разны,
Будто листья въ ноябрѣ...
Сколько ихъ! куда ихъ гонятъ?
Что такъ жалобно поютъ?
Домоваго ли хоронятъ,
Вѣдьму-ль замужъ выдаютъ?

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна;
Мчатся бѣсы рой за роемъ
Въ безпредѣльной вышинѣ,
Визгомъ жалобнымъ и воемъ
Надрывая сердце мнѣ... *А. Пушкинъ.*

ПОСТРОЙКА МЕЛЬНИЦЫ НА БУГУРУСЛАНѢ.

По переселеніи въ Уфимское намѣстничество, первымъ дѣломъ дѣдушки было въ этотъ же годъ построить мельницу; ибо молоть хлѣбъ надо было ѣздить верстъ за сорокъ. Итакъ выбравъ заранѣе мѣсто, гдѣ вода была не глубока, дно крѣпко, а берега высоки и также крѣпки, съ обѣихъ сторонъ рѣки подвели къ ней плотину изъ хвороста и земли, какъ двѣ руки, готовыя схватиться, а для большей прочности оплели плотину плетнемъ изъ гибкой ивы; оставалось удержать быструю и сильную воду и заставить ее наполнить назначенное ей водоемище. Съ одной стороны, гдѣ берегъ казался пониже, заранѣе устроенъ былъ мельничный амбаръ на два мукомольные постава съ толчеей. Всѣ снасти были готовы и даже смазаны; на огромныя водяныя колеса черезъ деревянныя трубы *кауза* * должна была броситься рѣка, когда, прегражденная въ своемъ природномъ руслѣ, она наполнитъ широкій прудъ и станетъ выше кауза. Когда все уже было готово, и четыре длинныя дубовыя сваи крѣпко вколочены въ твердое, глинистое дно Бугуруслана, поперекъ будущаго вешняка, дѣдушка сдѣлалъ *помочь* на два дня; сосѣди были приглашены съ лошадьми, телегами, лопатами, вилами и топорами. Въ первый день огромныя кучи хвороста изъ нарубленнаго мелкаго лѣса и кустовъ, копны соломы, навозу и свѣжаго

---

* *Каузомъ* называется деревянный ящикъ, по которому вода бѣжитъ и падаетъ на колесо; около Москвы зовутъ его *дворецъ* (дверецъ), а въ иныхъ мѣстахъ—*скрыни*.

дерна, были нагромождены по обѣимъ сторонамъ Бугуруслана, до сихъ поръ вольно, неприкосновенно стремившаго свои воды. На другой день, на восходѣ солнца, около ста человѣкъ собрались *занимать заимку*, то-есть, запрудить рѣку. На всѣхъ лицахъ было что-то заботливое и торжественное; всѣ къ чему-то готовились; вся деревня почти не спала эту ночь. Дружно въ одно и тоже мгновенье, съ громкимъ крикомъ сдвинули въ рѣку съ обоихъ береговъ кучи хвороста, сначала связаннаго пучками; много унесло быстрое теченіе воды, но много его, задержаннаго сваями, легло поперекъ рѣчнаго дна; связанныя копны соломы съ каменьями полетѣли туда же, за ними слѣдовалъ навозъ и земля; опять настилка хвороста, и опять солома и навозъ, и сверху всего толстые слои дерна. Когда все это, кое-какъ затопленное, стало выше поверхности воды, человѣкъ двадцать крестьянъ, дюжихъ и ловкихъ, вскочили на верхъ запруды, и начали утаптывать и уминать ее ногами. Все это производилось съ такою быстротою, съ тикимъ общимъ рвеніемъ, безпрерывнымъ воплемъ, что всякой проѣзжій или прохожій испугался бы, услыхавъ его, еслибъ не зналъ причины. Но пугаться было некому: одни дикія степи и темные лѣса на далекое пространство оглашались неистовыми криками сотни работниковъ, къ которымъ присоединялось множество голосовъ женскихъ и еще больше ребячьихъ: ибо все принимало участіе въ такомъ важномъ событіи, все суетилось, бѣгало и кричало. Не скоро сладили съ упрямою

рѣкой; долго она рвала и уносила хворостъ, солому, навозъ и дернъ; но наконецъ люди одолѣли, вода не могла пробиться болѣе, остановилась, какъ бы задумалась, завертѣлась, пошла назадъ, наполнила берега своего русла, затопила, перешла ихъ, стала разливаться по лугамъ, и къ вечеру уже образовался прудъ, или лучше сказать всплыло озеро, безъ береговъ, безъ зелени, травъ и кустовъ, на нихъ всегда растущихъ; кое-гдѣ торчали верхи затопленныхъ погибшихъ деревъ. На другой день затолкала толчея, замолола мельница — и мелетъ и толчетъ до сихъ поръ... *С. Аксаковъ.*

ВОРОТЪ.

Спать пора, свѣча сгорѣла;
Да и ты, моя краса....
Голова отяжелѣла;
Кудри лѣзутъ на глаза.
Стань вотъ тутъ передъ иконы,
Я постельку стану стлать.
Не спѣши же класть поклоны,
Богородицу читать.
Видишь, глазки-то бѣдняжки
Такъ и просятся уснуть,
Только воротъ у рубашки
Надо прежде разстегнуть.
«Отъ чего же, няня, надо?»
Надо, другъ мой, чтобъ тобой,
Не сводя святаго взгляда,
Любовался Ангелъ твой.

Твой хранитель, Ангелъ Божій,
Прилетаетъ по ночамъ,
Какъ и ты, дитя, пригожій,
Только крылья по плечамъ.
Коль твою онъ видитъ душку,
Воротъ вскрытъ и тихъ твой сонъ:
Тихо справа на подушку
Улыбаясь сядетъ онъ;
А закрыта душка, спрячетъ
Душку воротъ, мутны сны:
Ангелъ взглянетъ и заплачетъ,
Сядетъ съ лѣвой стороны.
Надъ тобой Господня сила!
Дай, я воротъ распущу.
Ужь подушку я крестила —
И тебя перекрещу. *А. Фетъ.*

УТРЕННЯЯ ПРОГУЛКА ГР. РУМЯНЦЕВА ПО ЛАГЕРЮ.

Графъ Румянцевъ однажды рано утромъ расхаживалъ по своему лагерю. Какой-то майоръ въ шлафрокѣ и въ колпакѣ стоялъ передъ своею палаткою, и въ утренней темнотѣ не узналъ приближающагося фельдмаршала, пока не увидѣлъ его передъ собою лицомъ къ лицу. Майоръ хотѣлъ-было скрыться, но Румянцевъ взялъ его подъ руку, и, дѣлая ему разные вопросы, повелъ съ собою по лагерю, который между тѣмъ проснулся. Бѣдный майоръ былъ въ отчаяніи. Фельдмаршалъ, разгуливая такимъ образомъ, возвратился въ свою ставку, гдѣ уже вся свита ожидала его. Майоръ, умирая отъ стыда,

очутился посреди генераловъ, одѣтыхъ по всей формѣ. Румянцевъ, тѣмъ еще недовольный, имѣлъ жестокость напоить его чаемъ, и потомъ уже отпустилъ, не сдѣлавъ никакого замѣчанія. *А. Пушкинъ.*

ЦЫГАНСКІЙ ТАБОРЪ.

Цыганы шумною толпою
По Бессарабіи кочуютъ.
Они сегодня надъ рѣкой
Въ шатрахъ изодранныхъ ночуютъ.
Какъ вольность, веселъ ихъ ночлегъ
И мирный сонъ подъ небесами.
Между колесами телегъ,
Полузавѣшанныхъ коврами,
Горитъ огонь; семья кругомъ
Готовитъ ужинъ; въ чистомъ полѣ
Пасутся кони; за шатромъ
Ручной медвѣдь лежитъ на волѣ.
Все живо посреди степей:
Заботы мирныя семей,
Готовыхъ съ утромъ въ путь недальній,
И пѣсни женъ и крикъ дѣтей
И звонъ походной наковальни.
Но вотъ на таборъ кочевой
Нисходитъ сонное молчанье,
И слышно въ тишинѣ степной
Лишь лай собакъ, да коней ржанье.
Огни вездѣ погашены,
Спокойно все, луна сіяетъ
Одна съ небесной вышины,
И тихій таборъ озаряетъ. *А. Пушкинъ.*

ДВА ОТВѢТА СУВОРОВА ПОТЕМКИНУ.

I. Всѣмъ извѣстенъ анекдотъ, хоть можетъ быть и вымышленный, о томъ, какъ Потемкинъ, видѣвшій всегда Суворова такимъ страннымъ чудакомъ, и долго не довѣрявшій ни уму его, ни дарованіямъ, долженъ былъ наконецъ перемѣнить свое убѣжденіе: разсказываютъ, будто-бы императрица Екатерина, умѣвшая лучше оцѣнить истинныя достоинства Суворова, призвала однажды его въ свой кабинетъ, и завела съ нимъ разговоръ о важныхъ дѣлахъ государственныхъ, между-тѣмъ—какъ Потемкинъ спрятанъ былъ за ширмами. Услышавъ основательныя, глубокомысленныя сужденія Суворова, Потемкинъ не могъ удержать своего изумленія, вышелъ изъ-за ширмъ и сказалъ съ нѣкоторымъ упрекомъ: «Какъ худо зналъ я васъ до сихъ поръ, Александръ Васильевичъ; отчего же вы не всегда такъ говорите, какъ теперь?» Но Суворовъ въ тоже мгновеніе перемѣнился, началъ опять шутить, и съ обычными своими ужимками отвѣчалъ сильному временщику: «Этотъ языкъ берегу я только для одной матушки царицы.»

II. Взятіе Измаила (1791 г.) было однимъ изъ блистательнѣйшихъ и громкихъ подвиговъ Суворова; но послѣдствіемъ былъ окончательный разрывъ съ Потемкинымъ. Пріѣхавъ къ нему въ Яссы, Суворовъ былъ оскорбленъ пріемомъ Потемкина, который, обнявъ побѣдителя, сказалъ ему: «чѣмъ могу я наградить васъ, Александръ Васильевичъ?» Вспыльчивый Суворовъ надменно возразилъ на это: «Кро-

мѣ Бога и матушки-государыни, никто наградить меня не можетъ». Потемкинъ въ бѣшенствѣ не нашелъ ни одного слова; они разстались непримиримыми врагами и болѣе уже не видались. *Д. Милютинъ.*

СКАЗОЧНЫЯ ЧУДЕСА.

У лукоморья дубъ зеленый,
Златая цѣпь на дубѣ томъ:
И днемъ и ночью котъ ученый
Все ходитъ по цѣпи кругомъ;
Идетъ направо—пѣснь заводитъ,
Налѣво—сказку говоритъ.

Тамъ чудеса: тамъ лѣшій бродитъ;
Русалка на вѣтвяхъ сидитъ;
Тамъ на невѣдомыхъ дорожкахъ
Слѣды невиданныхъ звѣрей;
Избушка тамъ на курьихъ ножкахъ
Стоитъ безъ оконъ, безъ дверей;
Тамъ лѣсъ и долъ видѣній полны;
Тамъ о зарѣ прихлынутъ волны
На брегъ песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасныхъ
Чредой изъ водъ выходятъ ясныхъ
И съ ними дядька ихъ морской;
Тамъ королевичъ мимоходомъ
Плѣняетъ грознаго царя;
Тамъ въ облакахъ передъ народомъ
Черезъ лѣса, черезъ моря
Колдунъ несетъ богатыря;

Въ темницѣ тамъ царевна тужитъ,
А бурый волкъ ей вѣрно служитъ;
Тамъ ступа съ бабою-ягой
Идетъ-бредетъ сама собой;
Тамъ царь Кощей надъ златомъ чахнетъ,
Тамъ Русской духъ... тамъ Русью пахнетъ.
И тамъ я былъ, и медъ я пилъ;
У моря видѣлъ дубъ зеленый,
Подъ нимъ сидѣлъ; и котъ ученый
Свои мнѣ сказки говорилъ. *А. Пушкинъ.*

ЛЕБЕДЬ.

Лебедь, по своей величинѣ, силѣ, красотѣ и величавой осанкѣ, давно и справедливо названъ царемъ всей водяной, или водоплавающей птицы. Бѣлый, какъ снѣгъ, съ блестящими, прозрачными небольшими глазами, съ чернымъ носомъ и черными лапами, съ длинною, гибкою и красивою шеей, онъ невыразимо прекрасенъ, когда спокойно плыветъ между зеленыхъ камышей по темно-синей, гладкой поверхности воды. Но и всѣ его движенія исполнены прелести: начнетъ ли онъ пить—и, зачерпнувъ носомъ воды, подниметъ голову вверхъ и вытянетъ шею; начнетъ ли купаться, нырять и плескаться своими могучими крыльями, далеко разбрасывая брызги воды, скатывающейся съ его пушистаго тѣла; начнетъ ли потомъ охорашиваться, легко и свободно закинувъ дугою назадъ свою бѣлоснѣжную шею, поправляя и чистя носомъ на спинѣ, бокахъ и въ хвостѣ смятыя или замаранныя перья; распу-

стить ли крыло по воздуху, какъ будто длинный косой парусъ, и начнетъ также носомъ перебирать въ немъ каждое перо, провѣтривая и суша его на солнцѣ,—все живописно и великолѣпно въ немъ.

С. Аксаковъ.

ЗИМА.

Въ тотъ годъ осенняя погода
Стояла долго на дворѣ;
Зимы ждала, ждала природа;
Снѣгъ выпалъ только въ ноябрѣ —
На третье въ ночь. Проснувшись рано,
Въ окно увидѣла Татьяна
Поутру побѣлѣвшій дворъ,
Куртины, кровли и заборъ, —
На стеклахъ легкіе узоры,
Деревья въ зимнемъ серебрѣ,
Сорокъ веселыхъ на дворѣ,
И мягко устланныя горы
Зимы блистательнымъ ковромъ:
Все ярко, все бѣло кругомъ.
Зима.... Крестьянинъ, торжествуя,
На дровняхъ обновляетъ путь;
Его лошадка, снѣгъ почуя,
Плетется рысью какъ-нибудь;
Бразды пушистыя взрывая,
Летитъ кибитка удалая;
Ямщикъ сидитъ на облучкѣ
Въ тулупѣ, въ красномъ кушакѣ.
Вотъ бѣгаетъ дворовой мальчикъ,
Въ салазки Жучку посадивъ,

Себя въ коня преобразивъ;
Шалунъ ужь заморозилъ пальчикъ:
Ему и больно и смѣшно,
А мать грозитъ ему въ окно.... *А. Пушкинъ.*

ЖИЗНЬ СУВОРОВА ВЪ ОТСТАВКѢ.

Село Кончанское, родовое имѣніе Суворовыхъ, находится въ самой глуши Новгородской губерніи, въ сѣверовосточной части Боровицкаго уѣзда, въ Сопинскомъ погостѣ. Здѣсь (1797 г.) знаменитый герой Рымника, Измаила и Праги поселился въ совершенномъ уединеніи, подъ присмотромъ полицейскаго чиновника. Тяжко было такое изгнаніе для человѣка честолюбиваго, но Суворовъ перенесъ свое несчастіе истиннымъ христіяниномъ. Сохраняя обычную свою твердость духа, онъ проводилъ часы одиночества надъ книгами, и внимательно слѣдилъ за ходомъ политическихъ событій; однакожь и здѣсь, въ глуши деревенской, не переставалъ быть тѣмъ же чудакомъ, какимъ привыкъ уже показываться при дворѣ и передъ войскомъ: онъ вмѣшивался въ крестьянскія забавы, игралъ съ деревенскими мальчишками, а въ праздники читалъ въ церкви апостолъ, пѣлъ на клиросѣ и звонилъ въ колокола.

Д. Милютинъ.

УРОЖАЙ.

Краснымъ полымемъ
Заря вспыхнула;
По лицу земли
Туманъ стелится;
Разгорѣлся день
Огнемъ солнечнымъ,
Подобралъ туманъ
Выше темя горъ;

Нагустилъ его
Въ тучу черную;
Туча черная
Понахмурилась —

Понахмурилась, —
Что задумалась,
Словно вспомнила
Свою родину...

Понесутъ ее
Вѣтры буйные
Во всѣ стороны
Свѣта бѣлаго...

Ополчается
Громомъ, бурею,
Огнемъ, молніей,
Дугой-радугой;

Ополчилася,
И расширилась,
И ударила,
И пролилася

Слезой крупною —
Проливнымъ дождемъ
На земную грудь
На широкую.

И съ горы небесъ
Глядитъ солнышко,
Напилась воды
Земля до́сыта.

На поля, сады,
На зеленые,
Люди сельскіе
Не насмотрятся.

Люди сельскіе
Божьей милости
Ждали съ трепетомъ
И молитвою;

За-одно съ весной
Пробуждаются
Ихъ завѣтныя
Думы мирныя.

Дума первая:
Хлѣбъ изъ за́крома
Насыпа́ть въ мѣшки,
Убирать воза.

А вторая ихъ
Была думушка:
Изъ села гужомъ
Въ пору выѣхать.

Третью думушку
Какъ задумали, —
Богу-Господу
Помолилися.

Чѣмъ-свѣтъ по полю
Всѣ разъѣхались,
И пошли гулять
Другъ за дружкою,

Горстью полною
Хлѣбъ раскидывать,
И давай пахать
Землю плугами,

Да кривой сохой
Перепахивать,
Бороны зубьемъ
Порасчёсывать.

Посмотрю пойду,
Полюбуюся,
Что̀ послалъ Господь
За труды людямъ:

Выше пояса
Рожь зернистая
Дремитъ колосомъ
Почти до̀ земли.

Словно божій гость,
На всѣ стороны,
Дню веселому
Улыбается.

Вѣтерокъ по ней
Плыветъ-лоснится,
Золотой волной
Разбѣгается...

Люди сѐмьями
Принялися жать,
Косить по̀дъ корень
Рожь высокую.

Въ копны частыя
Снопы сложены;
Отъ возовъ всю ночь
Скрыпитъ музыка.

На гумнахъ, вездѣ,
Какъ князья, скирды
Широко сидятъ,
Поднявъ головы.

Видитъ солнышко —
Жатва кончена:
Холоднѣй оно
Пошло къ осени;

Но жарка свѣча
Поселянина
Предъ иконою
Божьей Матери.

А Кольцовъ.

СКАЗКА О РЫБАКѢ И РЫБКѢ.

Жилъ старикъ со своею старухой
У самаго синяго моря;
Они жили въ ветхой землянкѣ

Ровно тридцать лѣтъ и три года.
Старикъ ловилъ неводомъ рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.
Разъ онъ въ море закинулъ неводъ,
Пришелъ неводъ съ одною тиной;
Онъ въ другой разъ закинулъ неводъ,
Пришелъ неводъ съ травою морской;
Въ третій разъ закинулъ онъ неводъ,
Пришелъ неводъ съ золотой рыбкою,
Съ непростою рыбкой, золотою.
Какъ взмолится золотая рыбка,
Голосомъ молвитъ человѣчьимъ:
«Отпусти ты, старче, меня въ море,
«Дорогой за себя дамъ откупъ:
«Откуплюсь, чѣмъ только пожелаешь.»
Удивился старикъ, испугался:
Онъ рыбачилъ тридцать лѣтъ и три года,
И не слыхивалъ, чтобъ рыба говорила.
Отпустилъ онъ рыбку золутою,
И сказалъ ей ласковое слово:
Богъ съ тобою, золотая рыбка!
Твоего мнѣ откупа не надо;
Ступай себѣ въ синее море,
Гуляй тамъ себѣ на просторѣ.
Воротился старикъ ко старухѣ,
Разсказалъ ей великое чудо.
—Я сегодня поймалъ-было рыбку,
Золотую рыбку, не простую;
По нашему говорила рыбка,
Домой въ море синее просилась,

Дорогою цѣною откупалась:
Откупалась, чѣмъ только пожелаю;
Не посмѣлъ я взять съ нея выкупъ;
Такъ пустилъ ее въ синее море.
Старика старуха забранила:
«Дурачина ты, простофиля!
Не умѣлъ ты взять выкупа съ рыбки!
Хоть бы взялъ ты съ нея корыто:
Наше-то совсѣмъ раскололось.»
Вотъ пошелъ онъ къ синему морю,
Видитъ: море слегка разыгралось.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка и спросила:
«Чего тебѣ надобно, старче?»
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, государыня рыбка!
Разбранила меня моя старуха,
Не даетъ старику мнѣ покою:
Надобно ей новое корыто;
Наше-то совсѣмъ раскололось.
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Будетъ вамъ новое корыто.»
Воротился старикъ ко старухѣ;
У старухи новое корыто.
Еще пуще старуха бранится:
«Дурачина ты, простофиля!
Выпросилъ, дурачина, корыто!
Въ корытѣ много ли корысти?
Воротись, дурачина, ты къ рыбкѣ;

Поклонись ей, выпроси ужь избу.»
Вотъ пошелъ онъ къ синему морю
(Помутилося синее море);
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила.
«Чего тебѣ надобно, старче?»
Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, государыня рыбка!
Еще пуще старуха бранится,
Не даетъ старику мнѣ покою:
Избу проситъ сварливая баба.
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Такъ и быть: изба вамъ ужь будетъ.»
Пошелъ онъ ко своей землянкѣ,
А землянки нѣтъ ужь и слѣда;
Передъ нимъ изба со свѣтелкой,
Съ кирпичною, бѣленою трубою,
Съ дубовыми, тесовыми вороты.
Старуха сидитъ подъ окошкомъ,
На чемъ свѣтъ стоитъ мужа ругаетъ.
«Дурачина ты, прямой простофиля!
Выпросилъ, простофиля, избу!
Воротись, поклонись рыбкѣ:
Не хочу быть черною крестьянкой,
Хочу быть столбовою дворянкой.»

Пошелъ старикъ къ синему морю
(Не спокойно синее море);
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;

Приплыла къ нему рыбка, спросила:
«Чего тебѣ надобно, старче?»
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, государыня рыбка!
Пуще прежняго старуха вздурилась,
Не даетъ старику мнѣ покою:
Ужь не хочетъ быть она крестьянкой,
Хочетъ быть столбовою дворянкой.
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!»
Воротился старикъ ко старухѣ;
Чтожь онъ видитъ? Высокій теремъ.
На крыльцѣ стоитъ его старуха
Въ дорогой собольей душегрѣйкѣ,
Парчевая на маковкѣ кичка,
Жемчуги окружили шею,
На рукахъ золотые перстни,
На ногахъ красные сапожки.
Передъ нею усердные слуги;
Она бьетъ ихъ, за чупрунъ таскаетъ.
Говоритъ старикъ своей старухѣ:
Здравствуй, барыня сударыня дворянка!
Чай, теперь твоя душенька довольна.
На него прикрикнула старуха,
На конюшнѣ служить его послала.

Вотъ недѣля другая проходитъ;
Еще пуще старуха вздурилась;
Опять къ рыбкѣ старика посылаетъ.
«Воротись, поклонися рыбкѣ:

Не хочу быть столбовою дворянкой,
А хочу быть вольною царицей.»
Испугался старикъ, взмолился:
Что ты, баба, бѣлены объѣлась?
Ни ступить, ни молвить не умѣешь,
Насмѣшишь ты цѣлое царство.
Осердилася пуще старуха,
По щекѣ ударила мужа.
«Какъ ты смѣешь, мужикъ, спорить со мною,
Со мною, дворянкой столбовою?
Ступай къ морю, говорятъ тебѣ честью;
Не пойдешь, поведутъ поневолѣ.»
Старичекъ отправился къ морю
(Почернѣло синее море);
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
«Чего тебѣ надобно, старче?»
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, государыня рыбка!
Опять моя старуха бунтуетъ:
Ужь не хочетъ быть она дворянкой,
Хочетъ быть вольною царицей.
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Добро! будетъ старуха царицей!»
Старичекъ къ старухѣ воротился.
Чтожь? Предъ нимъ царскія палаты,
Въ палатахъ видитъ свою старуху,
За столомъ сидитъ она царицей,
Служатъ ей бояре да дворяне,

Наливаютъ ей заморскія вины,
Заѣдаетъ она пряникомъ печатнымъ;
Вкругъ стоитъ ея грозная стража,
На плечахъ топорики держатъ.
Какъ увидѣлъ старикъ, испугался;
Въ ноги онъ старухѣ поклонился,
Молвилъ: здравствуй, грозная царица!
Ну, теперь твоя душенька довольна.
На него старуха не взглянула,
Лишь съ очей прогнать его велѣла.
Подбѣжали бояре и дворяне,
Старика въ-зашеи затолкали.
А въ дверяхъ-то стража подбѣжала,
Топорами чуть не изрубила;
А народъ-то надъ нимъ насмѣялся:
«По дѣломъ тебѣ, старый невѣжа!
Впередъ тебѣ, невѣжа, наука:
Не садися не въ свои сани!»

Вотъ недѣля—другая проходитъ,
Еще пуще старуха вздурилась,
Царедворцевъ за мужемъ посылаетъ.
Отыскали старика, привели къ ней.
Говоритъ старику старуха:
«Воротись, поклонися рыбкѣ:
Не хочу быть вольною царицей,
Хочу быть владычицей морскою,
Чтобъ жить мнѣ въ окіянѣ-морѣ,
Чтобъ служила мнѣ рыбка золотая,
И была бъ у меня на посылкахъ.»

Старикъ не осмѣлился перечить,
Не дерзнулъ поперегъ слова молвить.
Вотъ идетъ онъ къ синему морю;
Видитъ, на морѣ черная буря —
Такъ и вздулись сердитыя волны,
Такъ и ходятъ, такъ воемъ и воютъ.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку,
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
«Чего тебѣ надобно, старче?»
Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, государыня рыбка!
Что мнѣ дѣлать съ проклятою бабой?
Ужь не хочетъ быть она царицей,
Хочетъ быть владычицей морскою,
Чтобъ жить ей въ окіянѣ-морѣ,
Чтобы ты сама ей служила
И была бы у нея на-посылкахъ.
Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостомъ по водѣ плеснула
И ушла въ глубокое море.
Долго у моря ждалъ онъ отвѣта,
Не дождался, къ старухѣ воротился....
Глядь: опять передъ нимъ землянка,
На порогѣ сидитъ его старуха,
А передъ нею разбитое корыто.

А. Пушкинъ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

СОСТАВЪ ПРЕДЛОЖЕНІЙ.

ГЛАВА I.

ПРЕДЛОЖЕНІЕ И РѢЧЬ.

§ 1. ЧТО ТАКОЕ СУЖДЕНІЕ. ЧѢМЪ И ДЛЯ ЧЕГО ОНО ВЫРАЖАЕТСЯ. КАКЪ ОНО НАЗЫВАЕТСЯ ВЪ ГРАММАТИКѢ. СПОСОБЫ ВЫРАЖАТЬ СУЖДЕНІЕ ВЪ СЛОВѢ. ЧЛЕНОРАЗДѢЛЬНЫЕ ЗВУКИ И БУКВЫ. РАЗЛИЧІЕ БУКВЪ ПО ВЫГОВОРУ И НАЧЕРТАНІЮ.

ЛИСИЦА И ВИНОГРАДЪ.

Голодная кума—Лиса залѣзла въ садъ;
Въ немъ винограду кисти рдѣлись.
У кумушки глаза и зубы разгорѣлись;
А кисти сочныя, какъ яхонты, горятъ;
Лишь то бѣда, висятъ онѣ высоко;
Отколь и какъ она къ нимъ ни зайдетъ,
Хоть видитъ око,
Да зубъ нейметъ.
Пробившись попусту часъ цѣлой,
Пошла и говоритъ съ досадою: «Ну что жь!
На взглядъ-то онъ хорошъ,
Да зеленъ—ягодки нѣтъ зрѣлой:
Тотчасъ оскомину набьешь.» *Крыловъ* *.

---

* Русской баснописецъ Ив. Андр. Крыловъ родился 1768 г., 2 января. Первыя изъ басенъ его (Дубъ и Трость, Разборчивая Невѣста, Старикъ и трое молодыхъ, перев. изъ Лафонтена) явились въ 1806 г., а первое изданіе ихъ было въ 1808 г. Крыловъ умеръ 1844 г., 8 января.—Полное собраніе его сочиненій съ портретомъ и біографіею, написанною П. А. Плетневымъ, издано въ 3 томахъ, въ Санктпетербургѣ 1847 года.

«Голодная кума-Лиса залѣзла въ садъ». О комъ здѣсь идетъ дѣло? кто залѣзъ въ садъ? *голодная кума-Лиса;* стало-быть, *голодная кума-Лиса* есть предметъ нашей рѣчи. Что́ сдѣлала голодная кума-Лиса? *залѣзла въ садъ* — стало-быть, *залѣзла въ садъ* есть то, что́ мы сказали о предметѣ нашей рѣчи.

«Въ немъ кисти винограду рдѣлись». О комъ здѣсь идетъ рѣчь? *кисти винограду*; стало-быть, *кисти винограду* есть предметъ нашей рѣчи. Что кисти винограду дѣлали? *рдѣлись въ немъ* т. е. *въ саду*, стало-быть, слова эти составляютъ то, что́ мы говоримъ о предметѣ нашей рѣчи.

«На взглядъ-то онъ хорошъ.» А здѣсь о комъ дѣло идетъ? кто хорошъ на взглядъ? *онъ* т. е. виноградъ, — стало-быть, *виноградъ* есть предметъ нашей рѣчи. *Каковъ* виноградъ? *на взглядъ-то хорошъ*, — стало-быть, *хорошъ на взглядъ-то* есть то, что́ говоримъ *о* предметѣ нашей рѣчи.

А когда мы говоримъ, что *предметъ дѣлаетъ*, или *каковъ предметъ;* тогда мы произносимъ приговоръ въ умѣ своемъ, что́ мы думаемъ о предметѣ,—рѣшаемъ для себя, чѣмъ какой-нибудь предметъ отличается отъ другихъ предметовъ, другими словами: приписывая предмету извѣстный признакъ, мы судимъ о предметѣ. Сужденія мы составляемъ для того, чтобы предложить другимъ, но про нихъ могутъ узнать лишь тогда, когда мы ихъ скажемъ или напишемъ.

§ 2. Различіе предложеній по составу, или числу сужденій: предложеніе простое и сложное. Рѣчь.

ДЕРЕВЕНСКІЙ ВЕЧЕРЪ.

Жаръ свалилъ. Повѣяла прохлада.
Длинный день покончилъ рядъ заботъ;
По дворамъ давно загнали стадо,
И косцы вернулися съ работъ.
Потемнѣть заря уже готова;
Тихо все. Часъ ночи не далекъ.
Подымался и улегся снова
На закатѣ легкой вѣтерокъ!...
Говоръ смолкъ; лишь изрѣдка собачій

Слышенъ лай; промолвятъ голоса...
Пыль слеглась; остылъ песокъ горячій,
Пала сильно на землю роса.
По краямъ темнѣющаго свода
Тѣни всѣ, широкія, слились;
Встрѣтить ночь готовится природа,
Запахи отвсюду понеслись.
Въ тишинѣ жизнь новая творится:
Зрячею проснулася сова,
И встаетъ и будто шевелится,
И растетъ и шепчется трава!...

Гдѣ жь крестьяне? День работавъ бодро,
Всѣ теперь за ужиномъ они:
Толкъ идетъ, чтобъ устояло вёдро,
Чтобъ еще продлились эти дни!
Нѣтъ, ужь дождь ихъ къ утру не разбудитъ,
Облака давно сбѣжали прочь!...
Что за вечеръ!... И какая будетъ
Теплая и мѣсячная ночь! *И. Аксаковъ.*

1. «Жаръ свалилъ.» Въ этихъ словахъ находится *одинъ только* предметъ, о которомъ идетъ рѣчь «жаръ», и предмету этому приписывается *одно только* дѣйствіе «*свалилъ*», а потому эти слова нельзя разложить на два или на три предложенія; а когда нельзя раздѣлить ихъ на два или нѣсколько предложеній,—значитъ, тутъ только *одно* предложеніе, и по составу оно зовется *простымъ* или несложнымъ. А сколько будетъ предложеній въ этихъ словахъ: «Повѣяла прохлада?» какое же оно по составу?

2. «*Длинный день покончилъ рядъ заботъ; по дворамъ давно загнали стадо, и косцы вернулися съ работъ*». Въ этихъ словахъ во 1 хъ есть предметъ, о которомъ говорится *день*, и дѣйствіе, которое ему приписывается *покончилъ*,—во 2-хъ есть другой предметъ рѣчи, скрытный, невыговоренный—*они*, ко-

торому приписывается другое дѣйствіе «*загнали*....; въ 3-хъ есть еще предметъ рѣчи—*косцы*, которому приписывается особое дѣйствіе—*вернулися*... Стало-быть, тутъ есть три особыхъ предмета, о которыхъ идетъ рѣчь, и три особыхъ дѣйствія, которыя приписаны этимъ предметамъ; а потому всѣ эти слова можно разложить на три отдѣльныя предложенія: *Длинный день.... заботъ*—разъ, *подворамъ... стадо*, два,—*и косцы... съ работъ*, три; значитъ, тутъ *сложено*, соединено три предложенія, а потому его называютъ *сложнымъ*. Такое предложеніе, очевидно, совершенно отлично по составу своему отъ простаго, предъ симъ разобраннаго.

3. Отъ словъ «*Жаръ свалилъ*.... до *растетъ* и *шепчется трава*» сколько можно насчитать предложеній? Много, тутъ болѣе двадцати предложеній, а между-тѣмъ они соединены между собою, составляютъ одно неразрывное цѣлое. Что же соединяетъ ихъ между собой въ одно цѣлое? то, что они объясняютъ и рисуютъ одинъ и тотъже предметъ — *деревенск:й лѣтній вечеръ*, а потому они составляютъ одну *рѣчь*.

§ 3. УДАРЕНІЕ И ПАУЗЫ ВЪ УСТНОЙ РѢЧИ. ВИДЫ УДАРЕНІЙ. ЗНАКИ ПРЕПИНАНІЯ ВЪ РѢЧИ ПИСЬМЕННОЙ. БОЛЬШАЯ БУКВА ПОСЛѢ ТОЧКИ. НЕОБХОДИМОСТЬ УДАРЕНІЙ, ПАУЗЪ И ЗНАКОВЪ ПРЕПИНАНІЯ.

При произношеніи предложеній: «Жаръ свалилъ. Повѣяла прохлада» мы повышаемъ голосъ надъ *свалилъ* и надъ *прохлада*, и останавливаемся нѣсколько времени послѣ «*свалилъ*» и *прохлада*,—а не произносимъ ихъ, не переводя духъ, безъ отдыха—да и въ силахъ ли мы произнести нѣсколько предложеній безъ отдыха? При произношеніи этихъ ли только предложеній вы замѣчаете остановки, повышенія и пониженія голоса? Нѣтъ, и при другихъ тоже самое. Всегда, когда мы говоримъ какую-нибудь рѣчь, обыкновенно дѣлаемъ и разстановки и различныя измѣненія въ голосѣ, то повышаемъ или ударяемъ, то понижаемъ его: повышаемъ голосъ надъ тѣми словами, которыя для насъ представляются важнѣе, значительнѣе другихъ, а понижаемъ голосъ надъ тѣми, которыя менѣе важны.

А когда вы произносите слова отдѣльно, не въ составѣ предложенія, то дѣлаете ли гдѣ-нибудь повышеніе и пониженіе голоса? Да,-надъ одною изъ гласныхъ буквъ мы тоже повышаемъ голосъ, напр. въ *свали́лъ*, *прохлда* мы ударяемъ въ первомъ надъ *и*, а во вто-

ромъ—надъ *à*. Повышеніе голоса (иногда) и остановки въ произношеніи (всегда) отмѣчаются на письмѣ знаками.

§ 4. РАЗДѢЛЕНІЕ РѢЧИ ОТЪ ПОСЛѢДОВАТЕЛЬНОСТИ УДАРЕНІЙ НА *стихи* И *прозу*. ПРАВОПИСАНІЕ ВЪ СТИХАХЪ.

Пы́ль слегла́сь, осты́лъ песо́къ горя́чій,
Пала сильно на землю роса.

Въ первой строчкѣ мы нарочно поставили ударенія надъ словами, какъ эти ударенія слышатся: присмотритесь, что за этими удареніями замѣтить можно. Первое надъ пы́ отстоитъ отъ втораго ла́ только на одну гласную букву, — а второе отъ третьяго, третье отъ четвертаго на сколько гласныхъ отстоитъ? — Стало-быть здѣсь ударенія размѣщены такъ, что одно отъ другаго приходится на извѣстномъ, опредѣленномъ разстояніи, — стало-быть, разстоянія эти размѣрены, отъ того-то въ нихъ и находится *ладъ*. Но такъ-ли расположены ударенія въ слѣдующей рѣчи?

«Одно́го изъ гре́ческихъ мудрецо́въ, и́менемъ Θале́са, спроси́ли однажды: «что всего труднѣе, и что всего легче?» Труднѣе всего, отвѣчалъ Θалесъ, познать самаго себя и свои недостатки; а легче всего находить недостатки и пороки въ другихъ.» Здѣсь, вы видите, нѣтъ размѣреннаго разстоянія одного ударенія отъ другаго. Какъ та и другая рѣчь называется?

ГЛАВА II.

ОБРАЗОВАНІЕ ПРОСТАГО ПРЕДЛОЖЕНІЯ.

§ 5. ЧАСТИ ПРЕДЛОЖЕНІЯ — ПОДЛЕЖАЩЕЕ И СКАЗУЕМОЕ. ЗНАЧЕНІЕ ИХЪ ВЪ ПРЕДЛОЖЕНІИ. ПРЕДЛОЖЕНІЕ ПРОСТОЕ НЕРАСПРОСТРАНЕННОЕ.

1. «*Жаръ свалилъ*» *Кто* свалилъ? *Жаръ;* значитъ, слово *жаръ* въ этомъ предложеніи показываетъ тотъ *предметъ*; о которомъ идетъ рѣчь, тотъ предметъ, который подлежитъ нашему сужденію, нашей рѣчи. *Что сдѣлалъ* жаръ? *свалилъ*, стало-быть слово *свалилъ* показываетъ то, что говорится, *сказывается* нами о предметѣ нашей рѣчи «*жаръ*».

«Повѣяла прохладная» *Кто* повѣяла? *прохлада*, слѣд. здѣсь слово *прохлада* выражаетъ предметъ, который *подлежитъ* нашей рѣчи, за то оно зовется *подлежащимъ* или *понятіемъ о предметѣ Что сдѣлала* прохлада? *повѣяла*, слѣд. слово «повѣяла» выражаетъ намъ то, что *сказывается* о предметѣ нашей рѣчи «прохлада» и за то оно зовется *сказуемымъ*.

Сказывая о предметѣ его дѣйствіе или состояніе или качество какое-нибудь, мы тѣмъ даемъ знать, что́ мы *признаемъ* въ этомъ предметѣ, чтобы отличить его отъ другихъ предметовъ, значитъ, сказуемое можно назвать понятіемъ *о признакѣ* предмета, какъ подлежащее назвали понятіемъ о *предметѣ*.

2. Признакъ нельзя представлять себѣ безъ предмета, къ которому онъ принадлежитъ; равно и предметъ не можетъ быть представляемъ безъ признака, по которому мы отличаемъ его отъ другихъ предметовъ: *предметъ и признакъ* неотдѣлимы другъ отъ друга. Слѣдовательно въ каждомъ предложеніи необходимы два члена: *подлежащее* (какъ понятіе о предметѣ) и *сказуемое* (какъ понятіе о признакѣ), и оба они неразрывно связаны между собою.

§ 6. другія части предложенія: слова опредѣлительныя, дополнительныя и обстоятельственныя. значеніе ихъ въ предложеніи. прд. простое распространенное. число частей въ немъ.

а. «*Длинный день покончилъ рядъ заботъ*». Кто покончилъ рядъ заботъ? *День*, стало-быть это слово составляетъ предметъ рѣчи—и, какъ часть предложенія, есть *подлежащее*, Что́ сдѣлалъ день? *покончилъ*... стало-быть слово» *покончилъ*» выражаетъ то, что́ сказывается нами о предметѣ рѣчи, и, какъ часть предложенія, есть *сказуемое*. Значитъ, въ этомъ предложеніи слова «*день* и *покончилъ*» суть главные члены предложенія. Но кромѣ ихъ есть еще другія слова, которыя составляютъ части тогоже предложенія, и относятся къ поясненію главныхъ членовъ. *Какой* день покончилъ рядъ заботъ? *Длинный*: стало-быть это слово относится къ поясненію понятія о предметѣ, указывая особое его отличіе отъ другихъ дней, *опредѣляя* ему мѣсто между днями; а потому оно въ отличіе отъ главныхъ частей предложенія должно называться особымъ именемъ,—и оно, дѣйствительно, называется... *опредѣлительнымъ словомъ*.

Что покончилъ длинный день? *рядъ*. *чего* рядъ? *заботъ*. Слѣдовательно слово *рядъ* относится къ поясненію сказуемаго или понятія о признакѣ «*покончилъ*», выражая тотъ предметъ, на который переходитъ дѣйствіе подлежащаго, и безъ котораго предложеніе было бы не полно и не вразумительно, какъ не докончennое. Скажите длинный день покончилъ» и на этомъ остановитесь; слушающій сейчасъ же спроситъ васъ: *что* покончилъ? — до-

канчивайте же вашу рѣчь, договаривайте, что день покончилъ. Безъ прибавки, безъ дополненія слова *рядъ* предложеніе будетъ не полно; а потому то слово въ предложеніи, котораго недостатокъ, отсутствіе чувствуется слушающимъ, и безъ котораго онъ счелъ бы рѣчь недоконченною и неполною, называется *дополненіемъ*. — Далѣе, — слово *рядъ* обозначаетъ понятіе о предметѣ, на которой переходитъ дѣйствіе,—а слово *заботъ* относится къ поясненію его, опредѣляя, какой именно рядъ покончилъ, напр. не рядъ домовъ, улицъ, происшествій, но рядъ заботъ, — значитъ слово «заботъ» есть такое же опредѣлительное къ *рядъ*, какъ *длинный* къ *день*.

b. *По дворамъ давно загнали стадо*» Кто загнали стадо? они т. е. деревенскіе жители, — стало-быть подлежащее здѣсь подразумѣвается *они*. Что *сдѣлали*? *загнали*,—это—сказуемое *Что* загнали? *стадо*,-это будетъ то слово, безъ котораго предложеніе слушающій счелъ бы не конченнымъ, не полнымъ,-слѣдовательно *стадо* есть дополненіе. *Когда загнали* стадо? *давно*, это слово поясняетъ время сказуемаго *загнали*. *Куда загнали*? *по дворамъ*; это слово поясняетъ мѣсто дѣйствія. Эти слова относятся къ поясненію понятія о признакѣ,—слѣдовательно они въ ближайшемъ родствѣ съ дополненіемъ, а не съ опредѣленіемъ. Но такъ ли они необходимы при сказуемомъ, какъ дополненіе? Совсѣмъ нѣтъ; и безъ нихъ предложеніе было бы полно; но при нихъ оно становится только еще яснѣе, еще опредѣленнѣе. Слова эти стоятъ при сказуемомъили *обстоятъ* сказуемое для большаго его уясненія, а потому называются *обстоятельственными*.

Итакъ, въ простомъ предложеніи кромѣ главныхъ его частей—*подлежащаго* да *сказуемаго*, бываютъ еще другія слова, которыя относятся или *къ поясненію понятія о предметѣ*, какъ напр. *длинный* къ *день*, *заботъ* къ *рядъ*, или *къ поясненію понятія о признакѣ*, какъ напр. *рядъ* къ *покончилъ*, *стадо* къ *загнали*, *по дворамъ давно* къ томуже *загнали*.

c. Есть предложенія, какъ мы видѣли (Жаръ свалилъ), которыя совсѣмъ обходятся безъ словъ опредѣлительныхъ, дополнительныхъ и обстоятельственныхъ; значитъ, слова эти — не главныя части предложенія, и имѣютъ важность не первой, но второй степени. Они служатъ къ распространенію предложенія въ объемѣ.

1. «Гдѣ жь крестьяне?» Въ этомъ предложеніи всѣ ли части его находятся на лицо? нѣтъ, — если бы оно было со всѣми своими частями, тогда бы было выражено такъ: гдѣ жь *находятся крестьяне?* Стало-быть, здѣсь пропущено и подразумѣвается сказуемое *находятся.*

Стало-быть, части предложенія не всегда бываютъ на лицо, иногда опускаются и подразумѣваются; это конечно бываетъ тогда, когда не трудно отгадать и понять подразумѣваемую часть предложенія.

§ 7. ОБРАЩЕНІЕ, МѢСТО ОБРАЩЕНІЯ ВЪ ПРЕДЛОЖЕНІИ И ЗНАКИ ПРЕПИНАНІЯ ПРИ НЕМЪ.

«Отпусти ты, *старче,* меня въ море.» Кромѣ подлежащ. *ты,* сказ. *отпусти,* дополнит. *меня* и обстоятельств. мѣста *въ море,* есть еще слово «*старче*», которое не подходитъ ни подъ одинъ разрядъ частей предложенія, намъ уже извѣстныхъ. Слово *старче* показываетъ предметъ, къ которому рыбка *обращается* съ рѣчью, и оно части предложенія не составляетъ.

§ 8. ПРЕДЛОЖЕНІЯ ЛИЧНЫЯ И БЕЗЛИЧНЫЯ. ВИДЫ ПРЕДЛОЖЕНІЙ ПО ОТНОШЕНІЮ ИХЪ КЪ ЛИЦУ ГОВОРЯЩЕМУ: a) ВОПРОСИТЕЛЬНЫЯ, b) ПОВѢСТВОВАТЕЛЬНЫЯ И c) ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫЯ. УДАРЕНІЕ. ЗНАКИ ПРЕПИНАНІЯ: ВОПРОСИТЕЛЬНЫЙ И ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫЙ. ПРАВОПИСАНІЕ.

ВЕЧЕРЪ НА РОЖДЕСТВО *.

Надъ степью блѣдный мѣсяцъ плылъ;
Голодный звѣрь въ ущельи вылъ;
Въ селѣ далекомъ лаялъ песъ;
Въ ту пору путникъ шелъ чрезъ лѣсъ
Въ пустыню, гдѣ былъ кровъ его.
Морозитъ; завтра Рождество.

Глухою, снѣжною тропой,
Усталый, онъ спѣшитъ домой
Къ женѣ, къ малюткамъ дорогимъ,

---

* У нашихъ Финновъ, Шведовъ и Норвежцевъ.

И хлѣбъ для праздника роднымъ
Несетъ онъ съ барскаго двора;
Имъ въ пищу служитъ лишь кора.

Но меркнетъ, меркнетъ въ вышинѣ;
Вдругъ отрокъ виденъ въ сторонѣ:
Къ сугробу молча прислоненъ;
Дыханьемъ руки грѣетъ онъ,
И мнится, пламя жизни въ немъ
Погаснуть хочетъ вмѣстѣ съ днемъ.

«Куда твой путь, бѣдняжка мой?
Приди погрѣться къ намъ домой.»
И онъ озябшаго беретъ,
Вотъ наконецъ онъ у воротъ!
Вотъ онъ вошелъ на пиръ къ роднымъ
Съ гостинцемъ, съ другомъ молодымъ.

У печки тамъ жена его
Младенца кормитъ своего:
«Какъ ты себя заставилъ ждать!
Приди жь къ огню, поближе сядь;
Ты также!» Ласкова, нѣжна,
Дитя къ огню ведетъ она.

И черезъ мигъ, послушно ей,
Взвивалось пламя ужь рѣзвѣй;
Не помня нужды, весела,
Тогда свой хлѣбъ она взяла,
На столъ снесла его, потомъ
И кринку съ жидкимъ молокомъ.

Ихъ полъ, для жданнаго денька,
Соломой былъ прикрытъ слегка.
Съ него всталъ рой ребятъ къ столу;
Одинъ лишь гость еще въ углу.
Хозяйка бѣднаго беретъ,
И также къ ужину ведетъ.

Когда молитва отошла,
Хозяйка хлѣбецъ почала.
«Благословенъ убогихъ даръ!»
Промолвилъ отрокъ. Дивный жаръ
Съ слезой въ очахъ его сіялъ,
Когда свою онъ долю взялъ.

Мать рѣжетъ хлѣбъ и для дѣтей,
Но хлѣбъ все цѣлъ да цѣлъ у ней.
На гостя юнаго она
Вперяетъ взоръ, изумлена!
И смотритъ, смотритъ: что же съ нимъ?
Внезапно сталъ онъ весь другимъ.

Въ очахъ, какъ на небѣ, свѣтло;
Блеститъ таинственно чело;
Слетаетъ съ нѣжныхъ плечъ покровъ,
Какъ передъ утромъ паръ съ луговъ.
Привѣтный Ангелъ обнаженъ;
Какъ Божій рай, прекрасенъ онъ.

Денница радости взошла;
Въ сердцахъ надежда расцвѣла,
И незабвенъ былъ вечеръ сей

Подъ кровомъ набожныхъ людей.
Гдѣ пиръ прекраснѣе бывалъ?
Здѣсь добрый Ангелъ пировалъ.

Чрезъ много зимъ, на мѣстѣ томъ
И я былъ ночь предъ Рождествомъ.
Еще стоялъ смиренный кровъ,
И жилъ тамъ правнукъ тѣхъ жильцовъ.
И онъ ужь старъ былъ, ужь сѣдѣлъ,
Но у тогожь стола сидѣлъ.

Такъ чудно было, такъ свѣтло!
Жена сидѣла близъ него.
И рядъ дѣтей ихъ окружалъ,
Молитвой воздухъ тамъ дышалъ;
И вѣрилось — обитель та,
Какъ нѣкій храмъ, была свята.

Горѣла свѣчка на столѣ,
(Одна лишь и была въ семьѣ!)
Тамъ бѣлый хлѣбъ и молоко;
Но ихъ не трогаетъ никто.
«Чье это мѣсто? я спросилъ.
«Тамъ» мнѣ сказали, Ангелъ былъ.»

Съ шведскаго *Я. Гротъ.*

1. «Надъ степью блѣдный мѣсяцъ плылъ.» Подлежащее есть мѣсяцъ, и оно представляется дѣйствующимъ, какъ лицо — *что дѣлалъ мѣсяцъ? плылъ.* Во второмъ предложеніи «*Голодный звѣрь въ ущельи былъ*» подлежащее — *звѣрь* тоже представляется дѣйствующимъ — *что дѣлалъ звѣрь?* былъ.

Но въ предложеніи *морозитъ* гдѣ подлежащее? *кто* морозитъ? неизвѣстно. Въ этомъ предложеніи въ самомъ сказуемомъ

заключается подлежащее; когда мы такъ выражаемся, то мы какъ бы отмѣчаемъ только, что есть извѣстное дѣйствіе или состояніе, но не представляемъ себѣ, кто именно производитъ это дѣйствіе или состояніе

2. «Куда твой путь, бѣдняжка мой?» Путникъ не знаетъ, куда лежитъ путь отроку, а потому онъ спрашиваетъ его.

»Въ корытѣ много ли корысти?» Здѣсь хотя все извѣстно для старухи, да ей кажется сомнительно, чтобы въ корытѣ было много корысти,—а потому, чтобы разрѣшить свое недоумѣніе, она спрашиваетъ старика.

Стало-быть, предложеніе предлагается въ видѣ вопроса, когда говорящему что-нибудь неизвѣстно, или сомнительно, — если же все извѣстно и несомнѣнно для говорящаго, то онъ высказываетъ предложеніе въ видѣ разсказа, просто *повѣствуетъ* свою мысль.

СТАТЬИ ДЛЯ ПОВТОРЕНІЯ ПРОЙДЕННАГО.

Отличите слова измѣняемыя отъ неизмѣняемыхъ, отдѣлите (*устно* и *письменно*) въ слѣд. статьяхъ а) предложенія простыя, b) сложныя; укажите въ нихъ подлежащія, сказуемыя и другія части предложенія; отличите предложенія личныя отъ безличныхъ, повѣствовательныя и восклицательныя отъ вопросительныхъ. Какой знакъ препинанія ставится послѣ предложенія вопросительнаго и восклицательнаго и при обращеніи? Выберите понятія о предметахъ (пріятель, палата) и придайте имъ качества, дѣйствія и вообще признаки, имъ приличные, и такимъ образомъсоставьте свои предложенія. Какія буквы по начертанію употребляются въ началѣ каждаго стиха, каждой статьи, послѣ точки и др. знаковъ преп.? Какія изъ этихъ статей написаны прозой, и какія—стихами?

ЛЮБОПЫТНЫЙ.

«Пріятель дорогой, здорово! Гдѣ ты былъ?»
«Въ Кунтскамерѣ, мой другъ! Часа тамъ три ходилъ;
Все видѣлъ, высмотрѣлъ; отъ удивленья,
Повѣришь ли, не станетъ ни умѣнья
Пересказать тебѣ, ни силъ.
Ужь подлинно, что тамъ чудесъ палата!
Куда на выдумки природа таровата!
Какихъ звѣрей, какихъ тамъ птицъ я не видалъ!

Какія бабочки, букашки,
Козявки, мушки, таракашки!
Однѣ какъ изумрудъ, другія какъ кораллъ!
Какія крохотны коровки!
Есть, право, менѣе булавочной головки!» —
«А видѣлъ ли слона? Каковъ собой на взглядъ!
Я чай, подумалъ ты, что гору встрѣтилъ» —
«Да развѣ тамъ онъ?» — Тамъ. — «Ну, братецъ виноватъ:
Слона-то я и не примѣтилъ» *Крыловъ.*

ПОСѢЩЕНІЕ ПЕТРОЗАВОДСКА СУВОРОВЫМЪ.

Въ Петрозаводскѣ ожидали Суворова въ назначенный день, готовились къ торжественному пріему такого знаменитаго гостя. Но Суворовъ до сроку прискакалъ въ Петрозаводскъ въ тележкѣ, въ простой солдатской курткѣ, и прямо на Александровскій пушечнолитейный заводъ. На вопросъ часоваго у заставы: «Скоро ли будетъ князь италійскій?» отвѣчалъ: «Князь слѣдуетъ за мною.» Войдя на заводъ, онъ потребовалъ, чтобы ему все показали, прибавивъ, что онъ самъ Суворовъ. Пока онъ грызъ сухари, таская ихъ изъ кармановъ своей куртки, и грѣлся у доменной печи; явились намѣстникъ Тутолминъ и начальникъ завода Гаскоинъ. Перваго онъ отправилъ домой подъ предлогомъ, что отвлекаетъ его отъ дѣлъ. Пока смотръ завода продолжался, всѣ возможныя тамошнія издѣлія были вынесены къ тому мѣсту, гдѣ Суворову надлежало возвращаться. Съ одной стороны лежали хозяйствен-

ныя вещи, съ другой артиллерійскіе снаряды. Отъ первыхъ онъ скоро отвернулся съ гримасой, и, разсматривая пирамиды ядеръ, приговаривалъ: «Помилуй Богъ, какъ хорошо! помилуй Богъ, какой славный гостинецъ Шведамъ!» По выходѣ изъ завода принялъ отъ купцовъ хлѣбъ—соль, поблагодарилъ Гаскоина, сѣлъ въ тележку и ускакалъ. Возвратясь въ Петербургъ, онъ донесъ Императрицѣ: «Слава намѣстнику! Гаскоинъ великъ. Составные его лафеты отнюдь не подозрительны. Петрозаводскъ знаменитъ.»

ОБВАЛЪ.

Дробясь о мрачныя скалы,
Шумятъ и пѣнятся валы,
И надо мной кричатъ орлы;
И ропщетъ боръ,
И блещутъ средь волнистой мглы
Вершины горъ.

Оттоль сорвался разъ обвалъ,
И съ тяжкимъ грохотомъ упалъ,
И всю тѣснину между скалъ
Загородилъ,
И Терека могущій валъ
Остановилъ.

Вдругъ, истощась и присмирѣвъ,
О Терекъ, ты прервалъ свой ревъ;
Но заднихъ волнъ упорный гнѣвъ
Прошибъ снѣга...

Ты затопилъ, освирѣпѣвъ,
Свои брега.

И долго прорванный обвалъ
Неталой грудою лежалъ,
И Терекъ злой подъ нимъ бѣжалъ,
И пылью водъ
И шумной пѣной орошалъ
Ледяный сводъ.

И путь по немъ широкій шелъ:
И конь скакалъ, и влекся волъ
И своего верблюда велъ
Степной купецъ,
Гдѣ нынѣ мчится лишь эолъ,
Небесъ жилецъ. *А. Пушкинъ* *.

ДОСТОПАМЯТНЫЙ ОТВѢТЪ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ЕКАТЕРИНѢ II.

Императрица Екатерина II, испытывая образъ мыслей своего юнаго внука Александра Павловича, однажды спросила его: какой поступокъ изъ всей исторіи ему особенно нравится? Александръ отвѣчалъ: » Поступокъ Генриха IV, когда онъ посылаетъ хлѣбъ осажденному имъ Парижу.»

МЛАДЕНЕЦЪ.

Въ бурю, въ легкомъ челнокѣ,
Окруженный тучи мглою,

---

* Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ родился 1799 г., мая 26, воспитывался въ Царскосельскомъ Лицеѣ, умеръ 1837 г., января 29. Послѣднее изданіе сго сочиненій было сдѣлано въ 1855 г. П. В. Анненковымъ въ шести томахъ.

Плылъ младенецъ по рѣкѣ,
И несло челнокъ волною.
Буря вкругъ него кипитъ,
Челнъ ужасно колыхаетъ —
Беззаботно онъ сидитъ,
И весломъ своимъ играетъ.
Волны плещутъ на челнокъ —
Онъ веселыми глазами
Смотритъ, бросивъ въ нихъ цвѣтокъ,
Какъ цвѣтокъ кружитъ волнами.
Челнъ, ударясь у береговъ
Объ утесы, развалился....
И на брегѣ межъ цвѣтовъ
Мореходецъ очутился.
Челнъ забытъ; а гибель? страхъ?
Ихъ невинность и не знаетъ....
Улыбаясь, на цвѣтахъ
Мой младенецъ засыпаетъ.
Вотъ примѣръ: безпечно въ свѣтъ!
Пусть гроза, пускай волненье;
Намъ погибели здѣсь нѣтъ:
Правитъ челнъ нашъ Провидѣнье. *Жуковскій**.

СИЛА ДОБРОДУШІЯ.

Въ аравійскихъ пустыняхъ славилась одна кобылица. Все племя Нежжде знало ее. Поэты сочиня-

---

* Василій Андреевичъ Жуковскій родился 1783 г., въ селѣ Мышенскомъ бѣлевскаго уѣзда, тульской губерніи, умеръ 1852 г., 11 апрѣля, въ Баденъ-Баденѣ, погребенъ въ Невской Лаврѣ подлѣ Карамзина.

ли ей похвальные стихи. Бедуину Дагеру до такой степени хотѣлось имѣть ее, что онъ объ этомъ только и думалъ день и ночь, и едва не помѣшался. Онъ предлагалъ ея хозяину стада своихъ верблюдовъ, все свое имущество, все свое богатство; напрасно, — хозяинъ не хотѣлъ отдавать ее ни за что. Тогда Дагеръ рѣшился увести лошадь, которая грезилась ему наяву и во снѣ. Для этого онъ прибѣгнулъ къ такой хитрости: вымазалъ себѣ лицо сокомъ какой-то травы, одѣлся въ лохмотье, перевязалъ себѣ шею и ноги, какъ увѣчный нищій, пошелъ и сѣлъ на дорогѣ, по которой долженъ былъ проѣзжать владѣлецъ лошади, Набекъ.

Вотъ Набекъ ѣдетъ. Дагеръ слабымъ, изнемогающимъ голосомъ говоритъ ему: «Остановись: я бѣдный странникъ; три дня не могу сойти съ мѣста, три дня ничего не ѣлъ и умираю съ голоду. Помоги мнѣ: Богъ наградитъ тебя!»

«Садись, говоритъ Набекъ, поѣдемъ ко мнѣ.»

— У меня нѣтъ силы подняться. Сострадательный Набекъ соскочилъ съ лошади, и съ большимъ усиліемъ посадилъ на нее Дагера. Обманьщикъ ударилъ лошадь острымъ стременемъ, помчался, и, оборотясь, крикнулъ Набеку: «Я — Дагеръ; я у тебя увожу лошадь.«

— Остановись! закричалъ ему Набекъ; послушай!

Зная, что его нѣтъ возможности преслѣдовать, да и не кому, Дагеръ остановился, однакожь на довольно далекомъ разстояніи, потому-что у Набека въ рукахъ было копье. Не трогаясь съ мѣта, На-

бекъ сказалъ Дагеру: «Ты завладѣлъ моею лошадью: такъ, конечно, угодно Аллаху, и я желаю тебѣ счастья. Но умоляю тебя, не сказывай никому, какъ она тебѣ досталась.»

— Это почему?

«Потому–что слухъ объ этомъ разнесется; другой въ самомъ дѣлѣ будетъ валяться на дорогѣ, больной, изможденный, будетъ просить помощи, а помощи ему не окажутъ, опасаясь быть обманутыми, подобно мнѣ: ты будешь причиною, что на землѣ угаснетъ состраданіе.»

Дагеръ на минуту задумался, потомъ слѣзъ съ лошади, отдалъ ее хозяину, и поцѣловалъ его. Набекъ пригласилъ Дагера къ себѣ въ гости. Они провели три дня вмѣстѣ, и поклялись въ вѣчной дружбѣ. (Журналъ для дѣтей, М. Чистякова и Разина)

ПРИТЧА О СѢЯТЕЛѢ И СѢМЕНАХЪ.

Шелъ сѣятель съ зернами въ полѣ и сѣялъ,
И вѣтеръ повсюду тѣ зерна развѣялъ.
Одни при дорогѣ упали; порой
Ихъ топчетъ прохожій небрежной ногой,
И птицъ, изъ окрестныхъ степей пролетая,
На нихъ нападаетъ голодная стая.
Другія на камень безплодный легли,
И вскорѣ безъ влаги и корня взошли;
И въ пламенный полдень дневное свѣтило
Былинку палящимъ лучомъ изсушило.
Средь тернія пало иное зерно —
И въ терніи дикомъ заглохло оно.

Напрасно шелъ дождь, и съ прохладной зарею
Поля освѣжались небесной росою :
Одни за другими проходятъ года —
Отъ зеренъ тѣхъ нѣтъ и не будетъ плода.
Но въ добрую землю упавшее сѣмя,—
Какъ жатвы настанетъ урочное время,
Готовя стократно умноженный плодъ,—
Высоко и быстро и сильно растетъ,
И блещетъ красою и жизнію дышетъ....
Имѣющій уши, чтобъ слышать, да слышитъ!

А. Жемчужниковъ.

НАРОДНОЕ ПРЕДАНІЕ ОБЪ ОЗЕРѢ ГИДДЕНѢ.

На Балтійскомъ морѣ есть островъ *Рюгенъ*. На этомъ островѣ есть озеро Гидденъ. Объ немъ въ народѣ разсказывается слѣдующее преданіе.

«На Рюгенѣ когда-то жили двѣ женщины: одна— добрая, сострадательная, другая — жестокая и скупая. Однажды вечеромъ, въ дождь и бурю, какой-то старикъ, одѣтый бѣдно, какъ нищій, дрожа отъ холода, пришелъ къ злой женщинѣ, просилъ у нея пріюта на ночлегъ и куска хлѣба. Злая женщина была богата, но не дала бѣдному старику ничего, и выгнала его изъ своего дома. Старикъ пошелъ къ другой женщинѣ. Она приняла его охотно и ласково, и раздѣлила съ нимъ послѣдній кусокъ хлѣба. Переночевавъ въ ея хижинѣ, онъ по утру поблагодарилъ ее отъ всей души, и, уходя, сказалъ: «За твое доброе дѣло, у тебя будетъ нынче цѣлый день споро все, за что ты возьмешься въ первый

разъ.» Женщина улыбнулась, считая это добродушною шуткой, выражавшей благодарность прохожаго.

Проводивъ его, она пошла въ комодъ, и вынула оттуда кусокъ полотна, чтобы сшить рубашку своему ребенку. Полотна было всего три аршина: но когда она смѣрила ихъ, — видитъ, что его стало больше. Она отмѣрила еще три аршина, а полотна все остается; она стала мѣрить больше и больше, — полотно все выростаетъ, все тянется. Она намѣрила столько, что завалила имъ всю свою избу, весь свой дворъ; наконецъ пошла она бродить по своимъ полямъ,—полотно и тутъ тянулось и вилось за ней нескончаемыми дорожками. Такъ проработала она до самаго вечера, и удивлялась и радовалась до чрезвычайности. Она сдѣлалась богата.

Узнали объ этомъ всѣ сосѣди, узнала и злая женщина.

Досадно ей стало, что она не дала у себя старику ночлега, и грубо обошлась съ нимъ. Думая, какъ-бы поправить свою ошибку и, можетъ быть, еще больше доброй женщины получить выгоды за гостепріимство, она отъискала, гдѣ жилъ чудный старикъ, пришла къ нему и позвала его къ себѣ. Онъ пошелъ къ ней. Съ притворнымъ добродушіемъ, подъ которымъ скрывалось одно низкое корыстолюбіе, она приготовила ему мягкую постель, и угощала его всѣмъ, что было у ней лучшаго. На слѣдующій день старикъ поблагодарилъ ее, и, уходя сказалъ: «У тебя будетъ нынче споро все, за что ты возьмешься въ первый разъ.»

Не успѣлъ онъ выдти за порогъ, она бросилась къ своимъ деньгамъ, дрожа отъ одной мысли, что насчитаетъ ихъ ужасное множество. Но, чтобы кто-нибудь не увидѣлъ и не ограбилъ ея, она зашла въ уединенное глухое мѣсто. Еще не принимаясь считать, она захотѣла прежде всего обмыть нѣкоторыя почернѣвшія монеты: но начавъ обливать ихъ водой, она никакъ немогла остановиться — все лила; а вода не изсякала, текла все больше и больше, такъ-что наконецъ затопила ея домъ и поля. На этомъ-то самомъ мѣстѣ теперь и стоитъ озеро Гиденъ.

ЗАГАДКИ.

1. Живетъ безъ тѣла,
Говоритъ безъ языка,
Никто его не видитъ,
А всякой слышитъ.

2. Кричитъ безъ языка,
Поетъ безъ горла,
Радуетъ и бѣдуетъ,
А сердце не чуетъ

3. Летѣлъ панъ
На воду палъ,
Воды не замутилъ.

ГЛАВА III.

ОБРАЗОВАНІЕ СЛОЖНАГО ПРЕДЛОЖЕНІЯ.

§ 9. Виды сложнаго предложенія по образованію; составное и слитное. паузы и знаки препинанія въ слитномъ прдл.

ОБИТАТЕЛЬ ПРЕДМѢСТІЯ.

Не выѣзжая изъ города, пользуюся всѣми удовольствіями деревни, затѣмъ-что живу въ предмѣстіи. Я вижу жатву изъ окошка. Съ восхожденія

солнца земледѣлецъ жнетъ неутомимо полосу свою, и связываетъ снопы. Косцы, поставленные строемъ одинъ за другимъ, вмѣстѣ взносятъ и опускаютъ косы свои. Какой пріятный запахъ отъ сѣна, разбросаннаго по лугу! Съ какимъ удовольствіемъ, когда скажу трудолюбивымъ селянамъ, проходя мимо ихъ: *Богъ помочь, друзья!* они отвѣтствуютъ мнѣ: *спасибо, добрый баринъ*! Мой домикъ очень малъ и невиденъ; но я не промѣняю его на великолѣпнѣйшія зданія, восходящія къ облакамъ, и поддерживаемыя столбами.

Хотите ли видѣть описаніе моего дома? Онъ стоитъ на концѣ широкой уединенной улицы, которая выходитъ въ поле. Передъ нимъ, со стороны города, строеніе обывательское перерывается. Въ пріятной лощинѣ извивается ручей, по берегамъ котораго разбросано нѣсколько кустовъ орѣшника. Ручей бѣжитъ по песку и по камешкамъ. Вода его чиста и холодна.

Напротивъ дома приходская церковь, весьма древняго строенія. Одинъ князь, котораго не упомню имени, построилъ ее въ благодарность за побѣду, одержанную надъ Татарами. Основаніе ея вросло въ землю. Оградою служатъ ей старые дубы, которые далеко кругомъ себя кидаютъ тѣнь свою.

Подлѣ церкви живетъ священникъ, старый и почтенія достойный человѣкъ. Онъ имѣетъ попеченіе о своихъ прихожанахъ, какъ отецъ о дѣтяхъ, помогаетъ бѣднымъ, утѣшаетъ несчастныхъ. Онъ всѣхъ старѣе въ приходѣ, и почти каждаго запомнитъ

рожденіе и младенчество. Мы его слушаемся, затѣмъ-что опытомъ своимъ знаемъ благоразуміе его совѣтовъ. Въ нашемъ предмѣстіи очень много счастливыхъ; ибо онъ научилъ насъ находить счастіе въ добродѣтели и исполненіи должностей нашихъ, а не въ удовольствованіи ежечасныхъ прихотей, которыя никогда не кончатся.

Домъ мой на возвышеніи. Позади высокая роща изъ кленовыхъ и ясневыхъ деревьевъ. Я пью иногда чай въ прохладной темнотѣ ихъ, когда посѣтитъ меня священникъ, или человѣкъ, другой, пріятелей.

Я имѣю пріятелей, потому-что безъ дружества человѣку жизнь была бы непріятна. Какъ можно жить одному, любить только самого себя, никому не быть полезну!... Нѣтъ, чувствую живо въ сердцѣ моемъ, что человѣкъ сотворенъ для общества: я получаю отъ него столько выгодъ! Оно имѣло попеченіе о воспитаніи моемъ; оно меня покровительствуетъ, защищаетъ отъ насилія непріятелей оружіемъ, отъ обидъ согражданина моего—законами. Оно меня удостоиваетъ довѣренности, украшаетъ честьми и общимъ почтеніемъ, которое еще драгоцѣннѣе почестей; оно снисходитъ даже до изысканія мнѣ невинныхъ забавъ, — а я не захочу служить ему! Я отниму руку свою отъ участія въ общихъ трудахъ; не раздѣлю ни бдѣній градоначальника, ни опасностей воина, когда отечество благоволитъ пріобщить меня къ онымъ! Да удалится отъ меня такое чувствованіе! Я желаю любить друга своего, сродника,

благодѣтеля, болѣе нежели самого себя, и болѣе нежели ихъ, если возможно, мое отечество.

Воспоминаю примѣръ сего славнаго грека, который вознесъ отечество свое на верхъ сіянія и могущества, но съ удовольствіемъ и съ почтеніемъ исполнялъ самыя низкія должности, наложеніемъ которыхъ неблагодарное гражданство думало его унизить.

Сколь пріятно отдохновеніе, когда вкушаешь его послѣ трудовъ своей должности! Самыя простыя и ежедневныя забавы кажутся новыми и несравненными, когда обращаешься къ нимъ съ покойною совѣстію.

При окончаніи такого дня съ умиленіемъ возвращаюсь въ мою хижину. Въ ней, кажется, нашелъ бы я счастіе, если бы уже не имѣлъ его въ моемъ сердцѣ. Тутъ уединюсь, вхожу въ самого себя, вопрошаю въ безмолвіи сердце мое о всѣхъ его движеніяхъ, о всѣхъ помыслахъ, дѣйствіяхъ, поступкахъ; и ежели найду подозрѣніе худаго дѣла, крою-шагося во глубинѣ сердца, краснѣюсь и пріемлю твердое намѣреніе исправить себя.

Потомъ оставляю хижину свою. Скорыми шагами пробѣгаю горы и долы. Дышу свѣжимъ воздухомъ при закатѣ солнечномъ, или развожу маленькій садикъ свой, и поливаю благоуханныя розы, и хожу за своими вишневыми деревьями. Иногда, какъ смѣлый всадникъ, стремлюсь на рѣзвомъ конѣ; посѣщаю хижину земледѣльца и спокойное хозяйство деревенскаго помѣщика. Въ другое время ищу произведеній

природы, цвѣтовъ, растеній, камней, и стараюсь проникнуть силы и свойства ихъ.

Наконецъ, журчаніе источника и зыблющаяся тѣнь ивы, или тополя приманиваютъ меня къ себѣ. Сажусь на раждающійся дернъ, и читаю книгу полезную или пріятную: повѣсти прошедшихъ вѣковъ, или трогающія истины правоучителей. Въ такомъ упражненіи находитъ на меня сонъ сладкій и безпрерывный до-тѣхъ-поръ, когда заря, озлативъ горы, возвѣститъ слѣдующее утро *М. Н. Муравьевъ* *.

1. *Не выѣзжая изъ города, пользуюсь всѣми удовольствіями деревни, затѣмъ-что живу въ предмѣстьи.*» Изъ одного ли предложенія состоитъ эта рѣчь? Нѣтъ; ее можно раздѣлить на два предложенія, а именно 1. *не выѣзжая изъ города, пользуюсь всѣми удовольствіями деревни,* и 2: *за тѣмъ-что живу въ предмѣстьи,*—и послѣднее предложеніе относится къ первому, какъ причина. — А какъ мы называли предложеніе, состоящее изъ двухъ или нѣсколькихъ предложеній? Какъ же оно сложено? Первое предложеніе имѣетъ свои особыя части—свое особое подлеж., сказ., дополненіе и опредѣленія; второе точно также имѣетъ свои члены; — слѣд. два отдѣльныя предложенія, изъ которыхъ каждое имѣетъ свои особые члены, соединились здѣсь въ одно цѣлое, *составили* одно *сложное* предложеніе. — Слѣдующее предложеніе «*Я вижу жатву изъ окошка*» сходно ли по своему составу съ прежнимъ?

2. «*Съ восхожденія солнца земледѣлецъ жнетъ неутомимо полосу свою, и связываетъ снопы.*» Можно ли эту рѣчь раздѣлить на нѣсколько предложеній? конечно; въ 1-хъ на предложеніе «*съ восхожденія солнца земледѣлецъ жнетъ неутомимо свою полосу,* и во 2-хъ на пред. *съ восхожденія солнца земледѣлецъ связываетъ снопы*: слѣд. здѣсь два предложенія сложены въ одно, слѣд. это будетъ предложеніе *сло-*

---

* Муравьевъ Михайло Никитичъ родился 1757 г., 25 октября, умеръ въ Санктпетербургѣ 1807, іюля 28-го.

жнос, а потому оно похоже на первый разобранный примѣръ, а не второй. Но по образу составленія своего совершенно ли сходно съ первымъ примѣромъ «не выѣзжая....? Какую же разницу можно указать между ними? въ первомъ примѣрѣ мы видѣли, что каждое изъ двухъ предложеній имѣетъ свои особыя части,— а въ послѣднемъ находимъ, что оба предложенія имѣютъ разныя сказуемыя и дополненія, но подлежащее (земледѣлецъ) и обстоятельственное слово времени—одни и тѣже: а потому чтобы не повторять одинакихъ частей, мы во второмъ предложеніи ихъ опустили, и такимъ образомъ *слили* въ одно цѣлое. Итакъ сложное предложеніе по самому образу своего сложенія различается:— оно или *составляется* изъ предложеній, которыя имѣютъ свои особыя части, или *сливается* изъ предложеній, которыя имѣютъ какія-либо одинакія части.

§ 10. виды предложеній въ составномъ по значенію ихъ: главное и придаточное. виды предл. придаточныхъ. паузы и знаки препинанія.

1. «Въ пріятной лощинѣ извивается ручей, по берегамъ котораго разбросано нѣсколько кустовъ орѣшника»

Эту рѣчь можно раздѣлить на два предложенія: a) Въ пріятной лощинѣ.... b) по берегамъ котораго.... Стало-быть это— предл. *сложное*; а такъ-какъ въ каждомъ предложеніи есть свои особыя части; то оно есть *составное*, а не *слитное*.

Первое предложеніе, сказанное и отдѣльно, безъ втораго, будетъ для насъ понятно, и безъ него можетъ существовать: напротивъ, второе «по берегамъ котораго... отдѣльно сказанное, не имѣетъ значенія, и безъ предъидущаго существовать и сказано быть не можетъ; оно имѣетъ значеніе только потому, что *придано* къ поясненію части перваго «*ручей*.»

a. «*Мы* его *слушаемся*, b. *затѣмъ-что опытомъ своимъ знаемъ благоразуміе его совѣтовъ*.» Въ этомъ составномъ предложеніи второе придано для поясненія сказуемаго *слушаемся* по вопросу *почему?*

Итакъ видите, что въ составномъ предложеніи бываютъ иногда такія предложенія, изъ которыхъ одно поясняется, а другое поясняетъ одну изъ его частей: первое имѣетъ значеніе, если мы скажемъ его отдѣльно, напротивъ второе—поясняющее часть другаго, имѣетъ для насъ значеніе и смыслъ тодько, какъ приданное

къ части объясняемаго предложенія. Слѣдовательно такія предложенія, по отношенію ихъ другъ къ другу, не одинаковаго значенія: одно изъ нихъ есть *главное*, другое *придаточное или зависимое*.

a. «Чувствую живо въ сердцѣ моемъ, что человѣкъ сотворенъ для общества.» Въ этомъ составномъ предложеніи придаточное *что человѣкъ...* относится къ поясненію сказуемаго въ главномъ — *чувствую*, и относится къ нему, какъ прямое дополненіе по вопросу *что*? Оно собою совершенно замѣняетъ дополнительное слово, изъ него *образуется*, а потому и называется придаточнымъ *дополнительнымъ*.

b. «Сколь пріятно отдохновеніе, когда вкушаешь его послѣ трудовъ своей должности!» Въ этомъ же составномъ предлож. придаточное: *когда вкушаешь....* относится къ поясненію сказуемаго въ главномъ — сколь *пріятно*, и показываетъ обстоятельство времени, *когда* пріятно отдохновеніе; оно собою замѣняетъ слово обстоятельственное времени, изъ него *образуется*, а потому называется *обстоятельственнымъ — именно обстоятельственнымъ времени*.

c, «Домъ состоитъ на концѣ широкой уединенной улицы, которая выходитъ въ поле.» А въ этомъ составномъ предложеніи придаточное, *которая....* относится къ поясненію въ главн. предл. «*улицы*», и относится къ нему, какъ слово опредѣлительное, собою замѣняетъ опредѣлительное слово, изъ него образуется, а потому и называется придаточнымъ *опредѣлительнымъ*.

Придаточныя предложенія относятся всегда къ объясненію какой-нибуть части въ другомъ предложеніи, поясняютъ (какъ и второстепенныя части простаго предложенія) или *понятіе о признакѣ*, или *понятіе о предметѣ*, замѣняютъ собою второстепенныя части предложенія, какъ то: дополнительныя слова, обстоятельственныя и опредѣлительныя, изъ нихъ образуются, и отъ нихъ получаютъ свои названія.

§ 11. ВНОСНОЕ ПРЕДЛОЖЕНІЕ И ВНОСНАЯ РѢЧЬ. ЗНАКИ ПРЕПИНАНІЯ.

ПОХОДЪ ОЛЕГА И ИГОРЯ НА ГРЕКОВЪ.

Въ 907 году, пошелъ Олегъ на Грековъ, а Игоря оставилъ въ Кіевѣ; взялъ съ собой Варяговъ множество, Новгородцевъ, и Чуди, и Кривичей, и дру-

гихъ народовъ. Со всѣми съ ними пошелъ Олегъ на коняхъ и въ корабляхъ, и пришелъ къ Царюгороду; Греки замкнули гавань и затворили городъ. Олегъ вышелъ изъ корабля, велѣлъ корабли вытащить на берегъ, и повоевалъ городскія окрестности. Русскіе перебили множество Грековъ, разорили дома, пожгли церкви, однимъ словомъ, поступали такъ, какъ обыкновенно поступаютъ непріятели. Греки, видя все это, испугались, выслали къ Олегу изъ города, и сказали ему: «возьми дани, сколько хочешь». Олегъ согласился и возвратился въ Кіевъ, неся золото, драгоцѣнныя ткани, плоды и вина. Народъ прозвалъ его Вѣщимъ (волшебникомъ).

По смерти Олега (912 г.), началъ княжить Игорь. Древляне затворились отъ него; Игорь пошелъ на нихъ, побѣдилъ и наложилъ дань больше, чѣмъ Олегъ. Въ 941 году, пошелъ Игорь на Грековъ. Болгары послали вѣсть къ царю, что идетъ Русь на Царьгородъ. Русскіе опустошали азіятскіе берега до тѣхъ поръ, пока не пришли греческіе воеводы съ востока и окружили ихъ со всѣхъ сторонъ. Русскіе, посовѣтовавшись, вышли на Грековъ, и послѣ злой сѣчи Греки едва могли одолѣть. Русскіе сѣли ночью въ лодки и побѣжали. Но греческій воевода встрѣтилъ ихъ въ лодкахъ съ огнемъ, и началъ пускать трубами огонь на русскія лодки, такъ-что страшно было смотрѣть. Русскіе, увидавъ пламень, пометались въ морскую воду, чтобъ уйдти какъ-нибудь, и такимъ-образомъ возвратились домой. Пришедши, каждый разсказывалъ своимъ о чудесномъ огнѣ.

«У Грековъ въ рукахъ точно молніе небесное, которое они пускали и жгли насъ; вотъ почему и не одолѣли мы ихъ», говорили воины Игоря. Игорь же, пришедши, началъ собирать большое войско, и послалъ звать Варяговъ изъ-за моря: онъ опять хотѣлъ идти на Грековъ. Въ 944 году, Игорь въ самомъ-дѣлѣ отправился къ Царюгороду въ лодкахъ и на коняхъ. Корсунцы, услыхавъ объ этомъ, послали сказать императору Роману: «идетъ Русь; кораблей у нихъ множество; покрыли все море корабли.» Также и Болгары послали вѣсть: «идутъ Русскіе, наняли и Печенѣговъ.» Тогда царь послалъ къ Игорю лучшихъ бояръ съ просьбою: «не ходи, но возьми дань, какую бралъ Олегъ; придамъ и еще къ той дани.» Игорь, дошедши до Дуная, созвалъ дружину, и началъ думать съ нею о предложеніи царя. Дружина игорева сказала: «если царь такъ говоритъ, то что же намъ еще больше: безъ битвы возьмемъ золото, серебро и дорогія ткани. Вѣдь не извѣстно, кто одолѣетъ: мы или они? Съ моремъ нельзя заранѣе уговариваться; теперь мы не по землѣ ходимъ, но по глубинѣ морской: здѣсь одна смерть грозитъ намъ всѣмъ!». Игорь послушался дружины, и велѣлъ Печенѣгамъ воевать болгарскую землю; а самъ, взявши у Грековъ золото и ткани на всѣхъ воиновъ, возвратился назадъ и пришелъ къ Кіеву домой.

Несторъ *.

---

* Преподобный Несторъ, монахъ кіевопечерскій, какъ полагаютъ, родился 1036, умеръ 1111 г. Лѣтопись его переведена съ древняго русскаго языка на современный московскимъ про-

«Корсунцы, услыхавъ объ этомъ (т. е. о походѣ Игоря), послали сказать императору Роману:» Идетъ Русь; кораблей у нихъ множество; покрыли все море кораблями.» Здѣсь къ главному предложенію въ поясненіе приданы такія предложенія, которыя говоритъ не отъ себя лѣтописецъ, но которыя были сказаны Корсунцами; слѣдовательно, Несторомъ здѣсь внесена чужая рѣчь, внесены чужія слова. Всѣ эти предложенія относятся къ поясненію слова *сказать*, какъ дополненіе къ нему по вопросу *что?* И такія предложенія могутъ занимать мѣсто и послѣ и прежде главнаго, а иногда главное стоитъ посреди ихъ.

§ 12. Предложеніе составное изъ однихъ главныхъ. Паузы и знаки препинанія. Способы образованія составнаго предложенія вообще

КРЕЩЕНІЕ РОССІИ.

Наставленный херсонскимъ митрополитомъ въ тайнахъ и нравственномъ ученіи христіянства, Владиміръ спѣшилъ въ столицу свою озарить народъ свѣтомъ крещенія. Истребленіе кумировъ служило пріуготовленіемъ къ сему торжеству: одни были изрублены, другіе сожжены. Перуна, главнаго изъ нихъ, привязали къ хвосту конскому, били тростями и свергнули съ горы въ Днѣпръ. Чтобы усердные язычники не извлекли идола изъ рѣки, воины княжескіе отталкивали его отъ береговъ, и проводили до самыхъ пороговъ, за коими онъ былъ изверженъ волнами на берегъ (и сіе мѣсто долго называлося Перуновымъ). Изумленный народъ не смѣлъ защитить своихъ мнимыхъ боговъ, но проливалъ слезы, бывшія для нихъ послѣднею данію суевѣрія: ибо Владиміръ на другой день велѣлъ объявить въ го-

---

Фессоромъ русской исторіи С. Соловьевымъ, и напечатана въ «Новой Библіотекѣ для воспитанія» подъ заглавіемъ: *Русская лѣтопись для первоначальнаго чтенія.*

родѣ, чтобы всѣ люди русскіе, вельможи и рабы, бѣдные и богатые, шли креститься—и народъ, уже лишенный предметовъ древняго обожанія, устремился толпами на берегъ Днѣпра, разсуждая, что новая вѣра должна быть мудрою и святою, когда великій князь и бояре предпочли ее старой вѣрѣ отцовъ своихъ. Тамъ явился Владиміръ, провождаемый соборомъ греческихъ священниковъ, и по данному знаку безчисленное множество людей вступило въ рѣку: большіе стояли въ водѣ по грудь и шею; отцы и матери держали младенцевъ на рукахъ; іереи читали молитвы крещенія, и пѣли славу Вседержителя. Когда же обрядъ торжественный совершился; когда священный соборъ нарекъ всѣхъ гражданъ кіевскихъ христіянами: тогда Владиміръ, въ радости и восторгѣ сердца устремивъ взоръ на небо, громко произнесъ молитву: «Творецъ земли и неба! «благослови сихъ новыхъ чадъ Твоихъ; дай имъ «познать Тебя, Бога истиннаго; утверди въ нихъ «Вѣру правую. Будь мнѣ помощію въ искушеніяхъ «зла, да восхвалю достойно святое имя Твое!..» Въ сей великій день, говоритъ Лѣтописецъ, земля и небо ликовали. *Карамзинъ.* *

а. «Истребленіе кумировъ служило приготовленіемъ къ сему торжеству: b. одни были изрублены, с. другіе сожжены.» Это составное предложеніе заключаетъ въ себѣ три предложенія: предложенія эти таковы, что ни первое не объясняетъ у втораго никакой части, ни второе у перваго, ни третье у того и другаго: каждое пред-

---

* Карамзинъ Николай Михайловичъ родился 1765 г., 1 декабря, въ селѣ Михайловѣ бузулуцкаго уѣзда, оренбургской г., умеръ въ С. Петербургѣ 1826 г., 22 мая.

ложеніе самостоятельно, одно безъ другаго имѣетъ смыслъ и значеніе, и не замѣняетъ собою какой-нибудь второстепенной части другаго предложенія, какъ придаточное: всѣ эти предложенія по значенію своему равны между собою — всѣ *главныя* или *независимыя*.

§ 13. ВВОДНОЕ ПРЕДЛОЖЕНІЕ. СОКРАЩЕНІЕ ЕГО. ЗНАКИ ПРЕПИНАНІЯ.

«Въ сей великій день, говоритъ лѣтописецъ, земля и небо ликовали.» Въ этомъ составномъ предложеніи предложеніе «*говоритъ лѣтописецъ*» не поясняетъ собою какой-нибудь части другаго предложенія, какъ дополненіе, обстоятельство или опредѣленіе,—и не относится къ нему, какъ равносильное, — но *введено*, вставлено въ составное предложеніе затѣмъ, чтобы объяснить намъ, что сказуемое съ подлежащимъ въ другомъ предложеніи соединено не самимъ лицомъ говорящимъ, но лицомъ стороннимъ.

СТАТЬИ ДЛЯ ПОВТОРЕНІЯ ПРОЙДЕННАГО.

Отличите въ слѣдующихъ піесахъ а) предложенія слитныя отъ составныхъ; укажите, какія въ составныхъ предложеніяхъ главныя, и какія придаточныя, и какія между послѣдними—дополнительныя, обстоятельственныя и опредѣлительныя—какими знаками препинанія отдѣлены предложенія между собою и почему. Изъ этихъ піесъ составьте (на словахъ и письменно) свои собственные примѣры на пред. слитныя, составныя изъ главнаго съ придаточнымъ и на составныя изъ однихъ главныхъ. Вопросы всего прежде пройденнаго, само собою разумѣется, должны быть повторены.

АНГЕЛЪ.

По небу полуночи Ангелъ летѣлъ,
И тихую пѣсню онъ пѣлъ,
И мѣсяцъ, и звѣзды, и тучи толпой
Внимали той пѣсни святой.

Онъ пѣлъ о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ
Подъ кущами райскихъ садовъ,

О Богѣ Великомъ онъ пѣлъ, и хвала
Его не притворна бѣла.

Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
Для міра печали и слезъ;
И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой.

И долго на свѣтѣ томилась она,
Желаніемъ чуднымъ полна,
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли. *Лермонтовъ.*

АЛТАРЬ ДЛЯ ЖЕРТВЫ.

Діонъ, богатый юноша, сдѣлался очень боленъ, и долгое время пролежалъ въ постелѣ; но наконецъ стало ему легче, и онъ выздоровѣлъ. Вышедши въ первый разъ въ садъ, онъ былъ какъ бы новорожденный, полонъ радости и славословилъ Господа громкимъ голосомъ, и въ избыткѣ благодарныхъ чувствъ, обращая взоры и сердце свое къ небу, произнесъ: «О Всеблаженный и Вседовольный! Если бы человѣкъ могъ что-либо воздать Тебѣ.... о, какъ охотно отдалъ бы я все свое имѣніе!»

Слова эти слышалъ одинъ благочестивый старецъ, и, подошедши къ богатому юношѣ, сказалъ: «Благіе дары исходятъ свыше; туда послать ты ничего не можешь. Но иди, слѣдуй за мною.»

---

* Лермонтовъ Юрій Михайловичъ родился въ Москвѣ 1815 г., умеръ въ Пятигорскѣ, 1841 г., 15 іюля. Сочиненія его изданы въ двухъ томахъ.

Юноша послѣдовалъ за благочестивымъ старцемъ, и они пришли въ одну мрачную полуразвалившуюся хижину, гдѣ встрѣтила ихъ ужасная нищета и горесть. Отецъ лежалъ больной, мать плакала, дѣти были наги и просили хлѣба.

Ужаснулся юноша. Тогда старецъ сказалъ ему: «Вотъ—здѣсь алтарь для твоей жертвы! Это меньшіе братья Господни,»

Юноша простеръ къ нимъ благодѣющую руку,— и утѣшенные несчастные благословили его и назвали ангеломъ Божіимъ.

Но старецъ, улыбаясь, сказалъ ему: «Такъ всегда—сначала обращай благодарный взоръ свой на небо, а потомъ на землю.»

СЕЛЬСКАЯ СИРОТКА.

Разсталась я съ тяжелымъ сномъ,
Не встрѣтясь съ радостной мечтою;
Я вмѣстѣ съ утренней зарею
Была на холмѣ луговомъ.
Запѣла птичка тамъ надъ свѣжими кустами;
Въ душистой рощицѣ привольно ей летать;
Вдругъ съ кормомъ нѣжно къ ней стремится...,
вѣрно мать—
И залилася я слезами.
Ахъ! мнѣ не суждено, какъ птичкѣ молодой,
Въ тиши безвѣстной жить у матери родной.
Дубъ мирное гнѣздо отъ бури укрываетъ;
Привѣтный вѣтерокъ его тамъ колыхаетъ;
А я, бѣдняжка, что имѣю на земли?

И колыбели я не знала:
У храма сельскаго, когда меня нашли,
На камнѣ голомъ я лежала.
Покинутая здѣсь, далеко отъ своихъ,
Не улыбалась я родимой ласкѣ ихъ!
Скитаюся одна; вездѣ чужія лицы;
Слыву въ деревнѣ сиротой;
Подружки лѣтъ моихъ—окружныхъ селъ дѣвицы
Стыдятся звать меня сестрой.
И люди добрые сиротку не пускаютъ;
На вечеринкахъ ихъ нѣтъ мѣста мнѣ одной;
Со мною бѣдной не играютъ
Вкругъ яркаго огня семейною игрой;
Украдкой пѣснямъ я приманчивымъ внимаю,
И передъ сладкимъ сномъ, въ ту пору, какъ дѣтей
Отецъ, благословя, прижметъ къ груди своей,
Вечерній поцѣлуй я издали видаю.
И тихо, тихо въ храмъ святой
Иду я съ горькими слезами;
Лишь онъ сироткѣ не чужой,
Лишь онъ одинъ передо мной
Всегда съ отверстыми дверями.
И часто я ищу на камнѣ роковомъ
Слѣда сердечныхъ слезъ, которыя на немъ,
Быть-можетъ, мать роняла,
Когда она меня въ чужбинѣ оставляла.
Пятнадцать разъ уже весна
Въ слезахъ сиротку здѣсь встрѣчаетъ;
Цвѣтокъ безрадостный, она
Отъ непогоды увядаетъ.

Родная, гдѣ же ты? Увидимся ль съ тобой?
Приди: я жду тебя все также сиротою —
И все на камнѣ томъ, и все у церкви той,
Гдѣ я покинута тобою! *Козловъ* *

ТРИ ДРУГА.

Три аравитянина спорили однажды между собою о томъ, кто изъ соотечественниковъ ихъ самый великодушный человѣкъ. Одинъ называлъ Абдаллу, магометова родственника, другой Каиса, сына саадова, а третій Арабаха. Но какъ ниодинъ изъ спорящихъ не хотѣлъ уступить, то и рѣшено было разрѣшить споръ испытаніемъ. Каждый изъ нихъ долженъ былъ идти къ своему другу просить помощи, чтобы видѣть, какъ они поступятъ.

Первый пошелъ къ Абдаллѣ, который въ это время готовился отправляться въ путь; ему былъ подведенъ верблюдъ. и онъ занесъ уже ногу въ стремя. — «Дядя Магомета!» сказалъ пришедшій, «я собираюсь въ дорогу, но не имѣю съ чѣмъ отправиться!» Абдалла вынулъ ногу изъ стремени, отдалъ другу своему верблюда со всѣмъ, что было на немъ навьючено, и просилъ только беречь висящій при сѣдлѣ мечъ, потому-что онъ достался ему въ наслѣдство отъ Али, магометова зятя. Другъ нашелъ на верблюдѣ множество шелковаго платья и четыре тысячи червонцевъ; но драгоцѣннѣе всего былъ аліевъ мечъ.

---

* Козловъ Ив. Ив. родился 1774 г., умеръ 1838 г. Сочиненія его изданы въ двухъ частяхъ.

Второй пошелъ къ другу своему Каису, и нашелъ его спящимъ. Невольникъ спрашивалъ, какую надобность имѣетъ онъ до его господина.—«Я собираюсь въ дорогу,» отвѣчалъ другъ, «и не имѣю денегъ.» Невольникъ сказалъ, что не смѣетъ разбудить своего господина; но далъ ему семь тысячъ червонцевъ, увѣряя при томъ, что въ домѣ болѣе не остается денегъ.—«Но,» прибавилъ онъ, «поди къ надзирателю стадъ нашихъ, и требуй отъ него верблюда и невольника.»—Когда проснувшись, Каисъ узналъ о томъ, какъ поступилъ невольникъ; то, въ знакъ удовольствія своего, даровалъ ему свободу, и сказалъ: — «Длячего не разбудилъ ты меня? я далъ бы другу моему еще болѣе.»

Третій нашелъ друга своего Арабаха готовящимся идти на молитву. Два невольника вели его подъ руки, ибо онъ былъ старъ и лишился зрѣнія. Услыша о нуждѣ друга своего, онъ всплеснулъ руками и воскликнулъ: — «Какое несчастіе, я не имѣю денегъ! По-крайней-мѣрѣ, другъ мой, возьми обоихъ невольниковъ и продай ихъ!»—Другъ на это не соглашался; но Арабахъ увѣрялъ, что не приметъ ихъ обратно, и дастъ имъ свободу. Сказавъ это, онъ оттолкнулъ невольниковъ своихъ, и, пробираясь ощупью подлѣ стѣны, пошелъ далѣе.

«Изъ трехъ друзей нашихъ Арабахъ самый великодушный,» воскликнули споривше аравитяне, возвратясь съ полученными подарками.

БОГАЧЪ И БѢДНЯКЪ.

Сей свѣтъ таковъ, что кто богатъ,
Тотъ каждому и другъ и братъ.
Хоть не имѣй заслугъ, ни чина,
Хоть родомъ будь изъ конюховъ,
И кто бы ни былъ ты таковъ,—
Дѣтина будешь какъ дѣтина.
А бѣдный, будь хоть изъ князей,
Хоть разумъ ангельскій имѣй,
И всѣ достоинства достойнѣйшихъ людей —
Того почтенья не дождется,
Какое ото всѣхъ богатымъ отдается.

Бѣднякъ въ какой-то домъ пришелъ.
Онъ знанье, умъ и чинъ съ заслугами имѣлъ,
И Бѣдняка никто не только-что не встрѣтилъ,
Никто и не примѣтилъ,
Иль, можетъ быть, никто примѣтить не хотѣлъ.
Бѣднякъ нашъ то къ тому, то къ этому подходитъ;
Со всѣми разговоръ и такъ и сякъ заводитъ;
Но каждый Бѣдняку въ отвѣтъ:
Короткое иль *да*, иль *нѣтъ*.
Привѣтствія ни въ комъ Бѣднякъ нашъ не находитъ;
Съ учтивствомъ подойдетъ, а съ горестью отходитъ.
Потомъ
За Бѣднякомъ
Богачъ пріѣхалъ въ тотъже домъ.
Хотя заслугой, ни умомъ,
Ни чиномъ онъ не отличался,
Но только въ двери показался —

Сказать нельзя какой пріемъ!
Всѣ встали передъ Богачомъ;
Всякъ Богача съ почтеніемъ встрѣчаетъ,
Всякъ стулъ и мѣсто уступаетъ;
И подъ руки его берутъ;
То тутъ,
То тамъ его сажаютъ;
Поклоны чуть ему земные не кладутъ,
И мѣры нѣтъ, какъ величаютъ.

Бѣднякъ, людей увидя лесть,
Къ Богатому неправу честь,
Къ себѣ неправое презрѣнье,
Вступилъ о томъ съ своимъ сосѣдомъ въ разсужденье.
«Зачѣмъ» онъ говоритъ ему,
«Достоинствамъ, уму,
Богатство свѣтъ предпочитаетъ?»
— Легко, мой другъ! понять:
Достоинства нельзя занять,
А деньги всякой занимаетъ.— *И. Хемницеръ*.

ЧЕРВЯЧОКЪ.

«Смотри-ка, Миша, говорила Лизанька, остановившись возлѣ цвѣтущаго кустарника, кто-то наклеилъ на листокъ хлопчатую бумагу; не ты-ли это?»

— Нѣтъ, отвѣчалъ Миша, развѣ Саша или Володя.

---

* И. И. Хемницеръ родился въ Петербургѣ въ 1744, умеръ въ Смирнѣ 1784 г., погребенъ въ Николаевѣ.

«Гдѣ Володѣ это сдѣлать! продолжала Лизанька; посмотри, какъ искусно растянуты эти тоненькія ниточьки, и какъ крѣпко онѣ держатся на зеленомъ листкѣ.«

— Смотри-ка, сказалъ Миша, тамъ что-то круглое! — Съ сими словами проказникъ хотѣлъ было сдернуть наклееную хлопку.

«Ахъ, нѣтъ! не трогай! вскричала Лизанька, удерживая Мишу, и присматриваясь къ листочку: тутъ червячокъ, видишь, шевелится.»

Дѣти не ошиблись: въ самомъ дѣлѣ на листкѣ цвѣтущаго кустарника, подъ легкимъ прозрачнымъ одѣяльцемъ, похожимъ на хлопчатую бумагу, въ тонкой скорлупѣ, лежалъ червячокъ. Уже давно лежалъ онъ тамъ, давно уже вѣтерокъ качалъ его колыбельку, и онъ сладко дремалъ въ своей воздушной постелькѣ. Разговоръ дѣтей пробудилъ червячка, онъ просверлилъ окошко въ своей скорлупкѣ, выглянулъ на Божій свѣтъ, смотритъ — свѣтло, хорошо и солнышко грѣетъ; задумался нашъ червячокъ. «Что это, говоритъ онъ, никогда мнѣ еще такъ тепло не бывало; видно, не дурно на Божіемъ свѣтѣ; дай подвинусь подальше.»

Еще разъ онъ стукнулъ въ скорлупку, и окошечко сдѣлалось дверцей; червячокъ просунулъ головку, еще, еще — и наконецъ совсѣмъ вылѣзъ изъ скорлупки; смотритъ сквозь свой прозрачный занавѣсъ, а возлѣ него на листкѣ капля сладкой росы, и солнышко въ ней играетъ, и какъ будто радужное сіяніе ложится отъ нея на зелень.

«Дай-ка напьюся сладкой водицы,» сказалъ червячокъ; потянулся, анъ не тутъ-то было; кто это? вѣрно маменька червячка такъ крѣпко прикрѣпила занавѣску, нельзя и приподнять ее даже! что же дѣлать? Вотъ нашъ червячокъ посмотрѣлъ, посмотрѣлъ да и принялся подтачивать, то ту ниточку, то другую; работалъ, работалъ, и наконецъ поднялась занавѣска; червячокъ подлѣзъ подъ нее, и напился сладкой водицы. Весело ему на свѣжемъ воздухѣ: теплый вѣтерокъ пашетъ на червячка, колышетъ струйку росы, и съ цвѣтковъ сыплетъ на него душистую пыль.

«Нѣтъ, говоритъ червячокъ, ужь впередъ меня не обманутъ. Зачѣмъ мнѣ опять идти подъ душное одѣяло и сосать сухую скорлупку? останусь-ка я лучше на просторѣ; здѣсь много душистыхъ цвѣтовъ, много и крючечковъ разсыпано по листьямъ, есть за что уцѣпиться....»

Не успѣлъ червячокъ выговорить, какъ вдругъ смотритъ, листья между собою зашумѣли, и мошки въ тревогѣ зажужжали, небо потемнѣло, само солнышко со страха спряталось за тучку, вороны каркаютъ, утки гогочутъ, и вотъ дождикъ полился ливнемъ; подъ бѣднымъ червячкомъ цѣлое море; волною захлеснуло малютку; дрожь пробѣжала по его тонкой кожицѣ; и холодно и страшно ему стало, едва онъ опомнился и наконецъ собралъ силы, и снова, поматывая головкой, побрелъ подъ хлопчатую занавѣску, въ родимую постельку.

Вотъ согрѣлся малютка; между-тѣмъ дождикъ

пересталъ, солнышко опять показалось и разсыпалось мелкими искрами по дождевымъ каплямъ.

«Нѣтъ, сказалъ опять червячокъ, теперь меня не обманутъ; зачѣмъ мнѣ выходить изъ родимаго гнѣздышка на холодъ и сырость? видишь, солнышко какое хитрое: приманитъ, пригрѣетъ—а нѣтъ чтобы отъ дождя защитить.»

Вотъ прошелъ день, прошелъ и другой, прошелъ и третій; червячокъ все лежитъ въ хлопчатомъ одѣяльцѣ, съ боку на бокъ переваливается, иногда выставитъ головку, пощиплетъ листокъ, и опять въ колыбельку; вотъ онъ смотритъ: у него на тѣлѣ волоски стали пробиваться; не прошло недѣли, какъ у червячка явилась теплая узорчатая шубка. Еслибъ вы видѣли, какіе цвѣты разсыпала по ней природа! она опоясала ее красными лентами, вдоль посадила желтыя, мохнатыя пуговки, къ шейкѣ пустила черныя и зеленыя жилки.

Ге! ге! сказалъ червякъ самъ въ себѣ, не ужели въ самомъ дѣлѣ мнѣ цѣлый вѣкъ лежать на моей постелькѣ, да смотрѣть на занавѣску? Не ужели только и дѣла на семъ свѣтѣ?—Мнѣ ужь, признаться, надоѣла постелька,—тѣсно въ ней, скучно—еслибъ на свѣтъ посмотрѣть, себя показать—можетъ-быть я на что и другое гожусь. Ну что, въ самомъ дѣлѣ, не ужели дождя боятъся? да мнѣ, въ моей шубкѣ, и дождикъ не страшенъ; дай попробою пощеголяю въ моемъ новомъ нарядѣ.»

Вотъ червячокъ снова приподнялъ занавѣску, смотритъ, надъ нимъ цвѣточикъ только-что распу-

стился, каплетъ изъ него сахарный медъ и манитъ къ себѣ малютку; не утерпѣлъ червячокъ, приподнялся, крѣпко обвился вокругъ шейки цвѣтка, и жадно поцѣловалъ своего новаго друга; смотритъ, надъ нимъ другой цвѣтокъ еще лучше того; онъ къ нему, — потомъ еще третій, еще лучше: всѣ они шепчутся между собою, играютъ съ малюткой и брызжутъ въ него липчатымъ медомъ; зарѣзвился нашъ червячокъ, забылся,—нежданно повѣялъ вѣтеръ и стряхнулъ червячка на землю.

Что-то будетъ съ нашимъ щеголемъ? какъ найдти ему родимое гнѣздышко? Однако жь онъ приподнялъ головку, осмотрѣлся. «Ну что жь, думалъ, бѣда еще не велика — оплошалъ, такъ оплошалъ! — въ другой разъ наука;—не за чѣмъ же мнѣ опять въ колыбельку. Нѣтъ, нечего колыбельки держаться, пора жить и своимъ умомъ.» Сказалъ и поползъ, куда глаза глядятъ; вотъ доползъ онъ до вѣтки; разчипалъ ее—жестоко! онъ дальше, еще, еще — и доползъ до листка; попробовалъ — вкусно.

«Нѣтъ, сказалъ червячокъ, теперь буду умнѣе, не стряхнетъ меня вѣтерокъ!» и закинулъ на листокъ паутинку.

Сглодалъ онъ листокъ, на другой потащился, а потомъ и на третій. Весело червячку! вѣтеръ ли пахнетъ, — онъ прикорнетъ къ паутинѣ; тучка ли набѣжитъ,— его шубка дождя не боится; солнышко ли сильно печетъ, — онъ подъ листокъ, да и смѣется надъ солнцемъ, насмѣшникъ.

Но были для червячка и горькія минуты. То

смотритъ, птичка летитъ, глазки въ него уставляетъ, а иногда подлетитъ, да и носикомъ толкъ его подъ бокъ; но червячокъ не простакъ, онъ притворится, притаится будто мертвый, а птичка и прочь отъ него. Было и горше этого; онъ потащился на новый листокъ, а смотритъ — на немъ сидитъ большой, мохнатый паукъ съ крючьями на ногахъ, шевелитъ кровавою пастью, и растягиваетъ сѣтку надъ червячкомъ.

Иногда проходили мимо червячка злые люди, и говорили между собою: «Ахъ, проклятые червяки! побросать бы ихъ всѣхъ на землю, да растоптать хорошенько.»

Червячокъ, слыша такія рѣчи, уходилъ въ глубокую чащу и по цѣлымъ днямъ не смѣлъ показываться.

А иногда и Лизанька съ Мишей брали его въ руки, чтобы полюбоваться его разноцвѣтной шубкой, и хотя они были добрыя дѣти, не хотѣли сдѣлать зла червячку, но такъ неосторожно мяли его въ рукахъ, что потомъ бѣдный червячокъ ужь, едва дыша, всползалъ на родимую вѣтку.

Вотъ между-тѣмъ лѣто прошло, уже много цвѣтковъ поблекло, и на ихъ мѣстѣ шумѣли головки съ сочными зернами; раньше солнце стало уходить за горку, и чаще прежняго повѣвалъ вѣтерокъ, и чаще накрапывалъ крупный дождикъ. Лизанька и Миша уже вспоминали о своей шубкѣ, и спорили, чья лучше: у нихъ или у червячка. Червячокъ замѣтилъ, что листки уже стали не такъ душисты и

сочны, солнце не такъ тепло, да и самъ ужь онъ сдѣлался не такъ живъ, и все ему на свѣтѣ сдѣлалось уже не такъ утѣшно, какъ прежде.

«Что жь, думаетъ онъ, довольно я на свѣтѣ пожилъ, поработалъ, испыталъ и горе и радость, пилъ и горькую и сладкую росу, пощеголялъ и шубкой, дружился съ цвѣтками; не вѣкъ же ползать попустому на землѣ, пора быть чѣмъ-нибудь лучше.»

Онъ спустился съ листка, протянулся мимо блестящей капли росы, вспомнилъ, какъ ея струйки веселили его, малютку, и поползъ далѣе въ чащу зелени; онъ сталъ искать тѣнистаго, скромнаго мѣста, удаленнаго отъ шума и свѣта, нашелъ его, пріютился и началъ важную работу въ своей жизни. Когда Лизанька съ Мишей отыскали своего червячка—они очень удивились, что ихъ старый знакомый ничего не ѣлъ и не пилъ, а цѣлые часы безпрестанно трудился надъ своимъ дѣломъ. Въ чемъ же была работа червячка? Эта работа была важная, любезныя дѣти: червячокъ готовился умереть и строилъ себѣ могилку!

Долго трудился надъ ней; наконецъ скинулъ съ себя свою узорчатую шубку, примолвивъ: «Тамъ въ ней не будетъ нужды,» и заснулъ сномъ покойнымъ. Не стало червячка, лишь на листкѣ качался его безжизненный гробъ и свернутая въ комокъ шубка.

Но недолго спалъ червячокъ! Вдругъ онъ чувствуетъ—забилось въ немъ новое сердце, маленькія ножки пробились изъ-подъ брюшка, и на спинкѣ

что-то зашевелилось; еще минута — и распалась его могилка: червячокъ смотритъ—онъ не червякъ, ему не надобно ползать по землѣ и цѣпляться за листки; развились у него большія, радужныя крылья; онъ живъ, онъ свободенъ, онъ гордо поднимается на воздухъ.

Такъ бываетъ и не съ однимъ червячкомъ, любезныя дѣти. Не рѣдко видите вы, что тотъ, съ которымъ вы вмѣстѣ рѣзвились и играли на мягкомъ лугу, завтра лежитъ блѣдный, бездыханный; надъ нимъ плачутъ родные, друзья, и онъ не можетъ имъ улыбнуться; его кладутъ въ сырую могилку,— и нашего друга какъ не бывало! Но не вѣрьте! вашъ другъ не умеръ, раскрывается его могила — и онъ, невидимо для насъ, въ образѣ свѣтлаго ангела возлетаетъ на небо.

Древніе замѣтили это сходство между превращеніемъ бабочки и безсмертіемъ человѣка, и оттого на своихъ картинахъ и статуяхъ изображали человѣка съ бабочкиными крыльями длятого, чтобы люди не забывали, что они, проживя свой вѣкъ, испытавъ горе и радость, снова, какъ бабочка, возвратятся въ новую жизнь, и что смерть есть только перемѣна одежды. Такъ, можетъ быть, встрѣтите изображеніе Платона, мудреца древности, съ бабочкиными крыльями: его изображали такъ потому, что онъ краснорѣчивѣе другихъ говорилъ о безсмертіи души и о жизни послѣ смерти. *Кн. Одоевскій.*

ПОСЛОВИЦЫ О ЗНАЧЕНІИ ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Ученье свѣтъ, а неученье — тьма.

Ученье красота, а неученье — сухота.

Ученье атаманъ, а неученье комаръ.

Ученье лучше богатства.

Ученье въ счастьи украшаетъ, а при не счастьи утѣшаетъ.

Ученаго учить лишь портить.

Учись доброму, такъ худое на умъ не пойдетъ.

Корень ученья горекъ, да плодъ сладокъ.

ИСТОЧНИКЪ ЖИВОЙ ВОДЫ.

Въ жаркій полдень три путника сошлись на краю большой дороги у чистаго, студенаго ключа. Густые сочные кусты нависли надъ источникомъ, и берегли его свѣжесть своею тѣнью. Вода собиралась тамъ въ большой сосудъ, высѣченный изъ камня; изъ сосуда бѣжала она свѣтлыми, прозрачными струйками, и обливала надпись: «Будь похожъ на этотъ источникъ.» Струйки собирались на крупномъ пескѣ, и текли небольшимъ ручейкомъ все дальше и дальше по цвѣтистому лугу.

Путники напились, прочитали надпись, и стали обдумывать, что она значитъ.

— Это хорошій совѣтъ, сказалъ одинъ изъ путниковъ, какъ видно, купецъ; за плечами у него была котомка, и въ широкомъ кожанномъ поясѣ было что–то тяжелое завернуто или зашито, прочные сапоги его были покрыты густымъ слоемъ пыли, накопившейся во время продолжительной ходьбы.

«Источникъ течетъ безпрестанно, течетъ далеко, ростетъ, принимаетъ въ себя воду другихъ ключей, становится большою рѣкой, и какъ будто говоритъ своимъ примѣромъ: буль дѣятеленъ, не останавливайся никогда и — успѣешь въ исполненіи своихъ намѣреній.»

Другой путникъ, старикъ, съ книгою въ рукѣ, покачалъ головой.

— Здѣсь урокъ гораздо выше, сказалъ онъ; этотъ ключъ готовъ для всякаго, утоляетъ жажду всякаго прохожаго, не требуетъ благодарности, и этимъ ясно говоритъ людямъ: Дѣлай добро изъ любви къ добру, и не ищи вознагражденія.

Третій путникъ не говорилъ ничего. Это былъ прекрасный бѣлокурый юноша, который въ первый разъ и недавно только разстался съ своею матерью. Товарищи спросили его, какъ онъ думаетъ? Онъ призадумался немного, слегка покраснѣлъ и сказалъ:

— А мнѣ этотъ ключъ говоритъ другое. Зачѣмъ это непрерывное движеніе, зачѣмъ эта готовность утолить жажду всякаго прохожаго, еслибы вода этого ключа была мутна? Главное достоинство его въ томъ, что онъ чистъ и ясенъ. Не о прилежаніи и не о великодушіи нашемъ говоритъ эта надпись. Будь похожъ на этотъ источникъ, — значитъ: сохрани свою душу въ такой чистотѣ, чтобы въ ней хорошо отражались, какъ въ этомъ ключѣ, всѣ цвѣты земли и всѣ лучи неба.

ГУСИ.

Предлинной хворостиной
Мужикъ Гусей гналъ въ городъ продавать;
И, правду истинну сказать,
Не очень вѣжливо честилъ свой гуртъ гусиной:
На барыши спѣшилъ къ базарному онъ дню
(А гдѣ до прибыли коснется,
Не только тамъ гусямъ, и людямъ достается).
Я мужика и не виню;
Но Гуси иначе объ этомъ толковали,
И, встрѣтяся съ прохожимъ на пути,
Вотъ какъ на мужика пеняли:
«Гдѣ можно насъ, Гусей, несчастнѣе найти?
Мужикъ такъ нами помыкаетъ,
И насъ, какъ будто бы простыхъ Гусей, гоняетъ;
А этого не смыслитъ неучъ сей,
Что онъ обязанъ намъ почтеньемъ;
Что мы свой знатный родъ ведемъ отъ тѣхъ Гусей,
Которымъ нѣкогда былъ долженъ Римъ спасеньемъ;
Тамъ даже праздники имъ въ честь учреждены!»
— «А вы хотите быть за что отличены?»
Спросилъ прохожій ихъ.—«Да наши предки...»
«Знаю,
И все читалъ; но вѣдать я желаю,
Вы сколько пользы принесли?»
«Да наши предки Римъ спасли!
—«Все такъ, да вы что сдѣлали такое?
— «Мы? Ничего!» — «Такъ что жь и добраго въ
васъ есть?
Оставьте предковъ вы въ покоѣ:

Имъ по-дѣломъ была и честь:
А вы, друзья, лишь годны на жаркое.»
Баснь эту можно бы и болѣ пояснить,
Да чтобъ гусей не раздразнить. *Крыловъ.*

СКУКА ВНУШАЕТЪ СУРОВОСТЬ.

Екатерина II въ разсматриваніи дѣлъ, особливо касающихся до обвиненія людей, или до рѣшенія участи человѣческой, была такъ осторожна, что, кажется, сама благость не могла превзойти ее въ человѣколюбіи. Однажды, занимаясь дѣлами, читаетъ она бумаги. Въ кабинетѣ у ней была тогда дѣвица Александра Васильевна Энгельгардтъ, племянница князя Потемкина, которую она очень любила. Екатерина, по прочтеніи бумаги, хотѣла подписать; но вдругъ остановилась, подумала немного, выдвинула ящикъ, положила ее туда, и опять задвинула. Потомъ, обратилась къ дѣвицѣ Энгельгардтъ и спросила у нея:

— «Знаешь ли ты, зачѣмъ я эту бумагу спрятала?»

«Не знаю, Государыня.»

—«Затѣмъ, продолжала Екатерина: «что надобно подписать приговоръ, а я чувствую себя скучною. Скука внушаетъ суровость. Въ такомъ расположеніи духа не должно приступать къ рѣшенію подобныхъ дѣлъ: я уже это надъ собою испытала. Мнѣ случалось, что я, въ веселый часъ прочитавъ то, что

рѣшила въ скучный, находила себя слишкомъ строгою, и сама рѣшеніемъ своимъ была недовольна.«

*Шишковъ,**

ОСЕЛЪ И СОЛОВЕЙ.

Оселъ увидѣлъ соловья,
И говоритъ ему: «Послушай-ка, дружище!
Ты, сказываютъ, пѣть великій мастерище:
Хотѣлъ бы очень я
Самъ посудить, твое услышавъ пѣнье,
Велико ль, подлинно, твое умѣнье?»
Тутъ Соловей являть свое искусство сталъ:
Защолкалъ, засвисталъ
На тысячу ладовъ, тянулъ, переливался;
То нѣжно онъ ослабѣвадъ,
И томной вдалекѣ свирѣлью отдавался,
То мелкой дробью вдругъ по рощѣ разсыпался.
Внимало все тогда
Любимцу и пѣвцу Авроры;
Затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры,
И прилегли стада.
Чуть-чуть дыша, пастухъ имъ любовался,
И только иногда,
Внимая Соловью, пастушкѣ улыбался.
Скончалъ пѣвецъ. Оселъ, уставясь въ землю лбомъ,
«Изрядно,» говоритъ, «сказать неложно,
Тебя безъ скуки слушать можно;

---

* Шишковъ Александръ Семеновичъ родился въ 1754 году, воспитывался въ Морскомъ корпусѣ, и умеръ въ 1840 г.

А жаль, что незнакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ:
Еще бъ ты болѣ навострился,
Когда бы у него немножко поучился.»
Услыша судъ такой, мой бѣдный Соловей
Вспорхнулъ и — полетѣлъ за тридевять полей.

—

Избави Богъ и насъ отъ этакихъ судей. *Крыловъ*

ВСТРѢЧА СУВОРОВА СЪ ІОСИФОМЪ, ИМПЕРАТОРОМЪ АВСТРІЙСКИМЪ

Въ числѣ приближенныхъ особъ, окружавшихъ императрицу Екатерину II во время путешествія ея по новымъ странамъ, присоединеннымъ къ Россіи послѣ покоренія Крыма, находился и Суворовъ. Онъ пріѣхалъ въ Кіевъ съ Потемкинымъ, и шутилъ среди гостей и царедворцовъ, не боясь угрюмаго Румянцова. Станиславъ встрѣтилъ его, какъ стараго знакомаго. Въ Кременчугѣ Екатерина любовалась маневрами войскъ, предводимыхъ Суворовымъ. Онъ сопровождалъ Императрицу въ Херсонъ. Здѣсь нечаянно подошелъ къ нему какой-то австрійскій офицеръ, безъ всякихъ знаковъ отличія — то былъ Іосифъ. Суворовъ говорилъ съ нимъ, притворясь, будто вовсе не знаетъ, съ кѣмъ говоритъ, и на вопросъ его: «Знаете ли вы меня?» съ улыбкой отвѣчалъ — «Не смѣю сказать, что знаю,» и потомъ прибавилъ шопотомъ: «Говорятъ, будто бы вы императоръ римскій!» — «Я довѣрчивѣе васъ,» отвѣчалъ Іосифъ, «и вѣрю, что говорю съ русскимъ фельдмаршаломъ—какъ мнѣ сказали.»

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ЧАСТИ РѢЧИ И ФОРМЫ ИХЪ ДЛЯ ВЫРАЖЕНІЯ ЧАСТЕЙ ПРЕДЛОЖЕНІЯ И ОТНОШЕНІЯ МЕЖДУ НИМИ И ЦѢЛЫМИ ПРЕДЛОЖЕНІЯМИ.

ГЛАВА IV.

А. Для выраженія подлежащаго и дополненія и отношеній ихъ въ предложеніи.

§ 14. имя существительное. виды его a) по предметамъ, имъ означаемымъ, b) по числу предметовъ, подъ ними понимаемыхъ. правописаніе.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ И ЛОЦМАНЪ АНТИПЪ.

Мая 1 (1694 г.) выѣхалъ Царь изъ Моствы, проплылъ, не останавливаясь, мимо Холмогоръ, и 18 былъ въ Архангельскѣ. Сюда явился архіепископъ Аѳанасій, и долженъ былъ отправиться вмѣстѣ съ Царемъ въ Соловецкій Монастырь, хотя и боялся морскаго пути. Передъ отъѣздомъ служили молебенъ. Царь пѣлъ звучнымъ басомъ съ пѣвчими, и 29 мая отплылъ съ Аѳанасіемъ и свитою на яхтѣ архіепископской, весьма неудобной и неловкой. Къ ужасу спутниковъ Царя, едва выплала яхта на средину Бѣлаго моря, возстала страшная

буря. Тщетно убѣждалъ, ободрялъ другихъ Царь. Всѣ отъ страха потеряли голову, молились, плакали, прощались одни съ другими. Не унывалъ только Петръ. Душа его какъ будто радовалась борьбѣ съ раздраженною стихіею. По счастію, на яхтѣ нашелся опытный лоцманъ, служитель Соловецкаго монастыря, Антипъ Тимоѳеевъ. Видя, что только Антипъ сохраняетъ присутствіе духа, Царь обратился къ нему и совѣтовался съ нимъ. Антипъ сказалъ, что осталось одно средство спастись отъ погибели—направить корабль къ ближайшей гавани: Унскіе Рога. Царь велѣлъ отдать ему руль и команду, но не вытерпѣлъ самъ и началъ вмѣшиваться въ распоряженія. «Поди прочь!» закричалъ разсерженный Антипъ: «я знаю, что дѣлать! Если ты мнѣ отдалъ руль, что же ты мѣшаешься въ мое дѣло?» Смиренно отошелъ отъ него Царь. Антипъ искусно управилъ судно къ берегу, и счастливо провелъ его среди опасныхъ каменьевъ, коими усѣянъ входъ въ Унскую гавань. «Помнишь-ли, пріятель, какъ ты отпочивалъ меня на морѣ?» смѣясь, спросилъ тогда Царь у Антипа. Испуганный лоцманъ упалъ къ ногамъ его. «Нѣтъ, ты былъ правъ, а я виноватъ, вмѣшиваясь не свое дѣло,» отвѣчалъ царь, поцѣловалъ Антипа, и подарилъ ему на память свое мокрое дорожное платье. *Н. Полевой.* *

---

* Николай Алексѣевичъ Полевой родился въ Иркутскѣ 22 іюня, 1796 г., умеръ въ Спб. 1846 г., 22 февраля.

1. «Антипъ искусно управилъ судно къ берегу.» Здѣсь подлежащее есть Антипъ, потому-что слово это обозначаетъ *понятіе о предметѣ*, о которомъ идетъ рѣчь; *судно* есть дополненіе, потому-что означаетъ *понятіе о предметѣ*, на который переходитъ дѣйствіе подлежащаго; *къ берегу* есть обстоят. мѣста, и выражено также словомъ, которое обозначаетъ *понятіе о предметѣ*, къ которому направлено дѣйствіе подлежащаго. И слова: *Антипъ, судно, берегъ* всегда въ рѣчи выражаютъ *понятія о предметахъ;* а такъ-какъ всякій предметъ существуетъ въ дѣйствительности, — то *слова,* выражающія понятія о предметахъ, называются существительными именами, и такъ называются они уже не потому — что занимаютъ извѣстную часть въ предложеніи, но потому, что они выражаютъ собою особый, опредѣленный отдѣлъ или разрядъ понятій — именно разрядъ понятій о предметахъ. А какъ понятіе составляетъ только часть мысли, а не цѣлую мысль; то и слово, выражающее его, составляетъ часть рѣчи, а потому *существительное имя* зовется уже не частью предложенія, но *частью рѣчи.*

2. Словами *Царь, Москва, Архангельскъ, монастырь, яхта, корабль* и т. п. обозначаются такіе предметы, которые существуютъ въ извѣстномъ мѣстѣ, которые можемъ видѣть: они подлежатъ одному изъ нашихъ внѣшнихъ чувствъ — *чувству зрѣнія.* Предметы, которые мы можемъ видѣть, слышать, ощупывать и т. п. однимъ словомъ, предметы, которые подлежатъ нашимъ внѣшнимъ чувствамъ: зрѣнію, слуху, осязанію, обонянію и вкусу, называются *чувственными.* Между чувственными предметами мы замѣчаемъ, что одни изъ нихъ могутъ перемѣнять свое положеніе, свое мѣсто сами собою, по своей волѣ; *лоцманъ, спутникъ;* другіе же напротивъ сами собою перемѣнить мѣста не могутъ: *корабль, монастырь.* Тѣ предметы, которые сами собою по своей волѣ измѣняютъ свое положеніе, свое мѣсто, называютъ *одушевленными: Царь, архіепископъ, спутникъ, лоцманъ.* Тѣже предметы, которые сами собою, по своей волѣ не могутъ перемѣнять своего мѣста, своего положенія, называются *неодушевленными: монастырь, яхта, корабль.* Но словами: *время, отъѣздъ, молебенъ* означаются ли предметы, которые занимаютъ извѣстное пространство, какъ *монастырь, корабль?* Нѣтъ: они представляются только въ умѣ нашемъ, и потому называются *умственными.*

3. Существительными «Москва, Архангельскъ, Петръ, Антипъ» мы называемъ предметы особенные, *единичные: Москвой* — нашу древнюю столицу, *Архангельскомъ* — одинъ изъ нашихъ губернскихъ городовъ,—*Петромъ*—нашего перваго императора, *Антипомъ* — того лоцмана, который провожалъ яхту съ Петромъ въ Унскіе Рога;—подъ каждымъ изъ этихъ существительныхъ разумѣется *собственно* только одинъ особенный предметъ: а потому такія существительныя называются именами *собственными.* Но названіе *царь* принадлежитъ Петру Великому и отцу его Алексѣю Михайловичу, и дѣду его Михаилу Ѳеодоровичу и другимъ, — названіе *архіепископъ* принадлежитъ и Аѳанасію и Ѳеофану Прокоповичу, и Стефану Яворскому и др.; слѣд. эти существительныя означаютъ названія, которыя могутъ принадлежать многимъ или всѣмъ предметамъ одного разряда или рода; подъ ними всегда представляется цѣлый отдѣлъ однородныхъ предметовъ, они *общи* всѣмъ предметамъ одного рода: а потому такія существительныя имена называются *общими.*

§ 15. ВИДЫ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХЪ a) ОТЪ НАШЕГО ПРЕДСТАВЛЕНІЯ ВЕЛИЧИНЫ ПРЕДМЕТОВЪ И b) ПО СОЧУВСТВІЮ НАШЕМУ КЪ ПРЕДМЕТАМЪ.

САРДАМСКІЙ ДОМИКЪ.

Пребываніе Петра Великаго въ Сардамѣ сдѣлало навсегда достопамятнымъ сей маленькій городокъ. Никто не бываетъ нынѣ въ Амстердамѣ безъ того, чтобы не заѣхать въ Сардамъ. Донынѣ уцѣлѣлъ тамъ смиренный домикъ, гдѣ жилъ Петръ Великій, и сохраняется въ немъ мебель, имъ самимъ сдѣланная: тесовая кровать его и простой столъ. Домикъ называютъ *Княжескимъ Домомъ,* и его сохраняютъ, какъ драгоцѣнность, подъ особеннымъ каменнымъ навѣсомъ. Онъ принадлежитъ нынѣ королевѣ нидерландской, праправнукѣ великаго царя. Его посѣщали императоръ Іосифъ, король шведскій

Густавъ III и Наполеонъ. Императоръ Павелъ благоговѣйно разсматривалъ его въ 1782 году; Александръ Благословенный, возвращаясь побѣдителемъ въ отечество, былъ въ Сардамѣ и оставилъ памятникомъ въ домикѣ великаго предка своего надпись, начертанную золотыми буквами на мраморѣ: Petro Magno Alexander (Петру Великому Александръ). Надпись надъ входомъ въ домикъ говоритъ посѣтителю «Ничто не мало великому человѣку.» Вспомнимъ, что домику Петра Великаго воздалъ поклоненіе и нынѣ благополучно царствующій Монархъ Россіи, посѣщавшій его вмѣстѣ съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ. Въ немъ благодатный наслѣдникъ его, будущій царь русскій, былъ угощаемъ своею Августѣйшею Теткою въ 1838 г. Онъ написалъ на стѣнѣ домика имя свое, и подъ его именемъ прибавилъ спутникъ его, поэтъ, котораго именовать не нужно (кто не узнаетъ его по мелодическимъ стихамъ?):

Надъ бѣдной хижиною сей
Летаютъ Ангелы Святые.
Великій Князь! благоговѣй:
Здѣсь колыбель Имперіи Твоей, —
Здѣсь родилась Великая Россія! *Н. Полевой.*

Существ. *домикъ* показываетъ названіе предмета, который по величинѣ своей малъ. Напротивъ слово: *домина* или *домище* показываетъ, что предметъ очень великъ въ своемъ размѣрѣ. Но *домъ* показываетъ предметъ обыкновеннаго размѣра: не очень малъ, не очень великъ. Предметы въ природѣ не всѣ одного размѣра и величины; одни изъ нихъ малы, другіе напротивъ — большіе: *столѣтній дубъ и пятилѣтній дубъ, изба и дво-*

рецъ, ручей и рѣка и т. п. Само собою разумѣется, что при представленіи нашемъ о предметахъ, ихъ величина и размѣръ производятъ на насъ различныя впечатлѣнія, и обозначаются въ языкѣ особою формою существительнаго. Существительныя имена, отмѣчая своимъ окончаніемъ различіе величины предметовъ, получаютъ различныя названія.

2. Одни предметы въ природѣ влекутъ къ себѣ наше расположеніе, сочувствіе; мы любимъ, возвышаемъ ихъ и *ласкаемся* къ нимъ: другіе напротивъ не пользуются нашимъ сочувствіемъ, — мы ихъ не любимъ и *унижаемъ*. Это впечатлѣніе предметовъ на душу нашу обозначается также окончаніемъ именъ существительныхъ,— и даетъ имъ особыя названія.

§ 16. Роды именъ существительныхъ. Способъ опредѣлять родъ именъ существительныхъ.

Между людьми мы различаемъ мужчину и женщину: *братъ* и *сестра*, *внукъ* и *внучка*, *дядя* и *тетка*, и вообще предметы одушевленные мы раздѣляемъ на два пола — *мужской* и *женской*: *голубь* и *голубка*. Это различіе по поламъ мы переносимъ даже на предметы неодушевленные и умственные, въ которыхъ нѣтъ собственно различія половъ: *домъ* относимъ къ мужскому полу, а *кровать* — къ женскому. Такое различіе предметовъ по ихъ полу обозначается въ существительныхъ особою формою или окончаніемъ: *король—королева—внукъ, внука*.

§ 17 Значеніе числа. Число единственное и множественное. Имя числительное. Соотвѣтствіе его окончаніямъ, обозначающимъ число. Виды числительныхъ именъ и отношеніе ихъ къ предложенію.

Іосифъ въ темницѣ.

Измаильтяне, прибывъ въ Египетъ, *продали Іосифа Пентефрію*, одному изъ первыхъ вельможъ царя египетскаго. Пентефрій, замѣтя въ Іосифѣ необыкновенный умъ, честность, скромность и благочестіе, сдѣлалъ его первымъ человѣкомъ въ домѣ своемъ, и поручилъ ему все свое имѣніе.

Хорошимъ людямъ вездѣ бываетъ хорошо; *они вездѣ находятъ себѣ друзей и покровителей.* Іосифъ былъ счастливъ и въ чужой землѣ, между чужими людьми.

Пентефрій имѣлъ злую жену; она хотѣла уговорить Іосифа обманывать мужа своего вмѣстѣ съ нею: но какъ Іосифъ не соглашался на ея предложенія, то злая сія женщина нашла средство оклеветать его передъ Пентефріемъ, такъ-что онъ велѣлъ посадить невиннаго Іосифа въ темницу, гдѣ содержались государственные преступники.

Но Господь Богъ есть защитникъ невинности и покровитель добродѣтели. *Іосифъ и въ самой темницѣ нашелъ друзей.* Тюремный начальникъ полюбилъ его, и вмѣсто того, чтобы содержать его строго, какъ невольника, онъ сдѣлалъ его вторымъ человѣкомъ по себѣ, и поручилъ ему смотрѣть за всѣми, содержащимися въ темницѣ.

Во время іосифова заключенія, *царь египетскій разгнѣвался на двухъ придворныхъ чиновниковъ,* и приказалъ посадить ихъ въ тюрьму. Одинъ изъ нихъ былъ виночерпій, который подавалъ вина царю, а другой–хлѣбодаръ, который смотрѣлъ за столомъ царскимъ. Однажды, вошедъ къ нимъ по утру, Іосифъ нашелъ ихъ задумчивыми. Они сказали ему: «мы видѣли сны, значеніе коихъ желали бы знать; но здѣсь въ тюрьмѣ некому истолковать ихъ; нѣтъ ученыхъ снотолкователей.» Іосифъ сказалъ: «изъясненіе сновъ зависитъ отъ Бога; скажите мнѣ, что вамъ снилось.» Тогда виночерпій началъ пер-

вый. «Я видѣлъ во снѣ, говорилъ онъ, виноградную лозу, на которой было три вѣтви, и на вѣтвяхъ созрѣлъ виноградъ. Мнѣ казалось, что я собиралъ ягоды, выжималъ сокъ въ кубокъ царскій, и подносилъ его царю» Іосифъ тотчасъ сказалъ ему: «*три вѣтви означаютъ три дня*; по прошествіи сего времени царь прикажетъ освободить тебя, и возвратить тебѣ прежнюю должность. Въ дни счастія своего вспомни обо мнѣ, и постарайся освободить меня изъ темницы, гдѣ я заключенъ невинно.» Послѣ того и хлѣбодаръ сталъ разсказывать сонъ свой. «Мнѣ снилось, говорилъ онъ, что я несу три корзины на головѣ: въ верхней корзинѣ находились всякаго рода съѣстные припасы для царя, и птицы прилетали клевать ихъ.» Тогда Іосифъ сказалъ ему: «три корзины означаютъ три дня; по прошествіи сего времени царь прикажетъ повѣсить тебя на висѣлицѣ, гдѣ птицы будутъ клевать твое тѣло.» Все случилось точно такъ, какъ предсказалъ Іосифъ. Неблагодарный виночерпій въ дни счастія забылъ о Іосифѣ; но Богъ, никогда не оставляющій невиннаго, былъ съ Іосифомъ, и обратилъ во благо и самыя бѣды его.

ІОСИФОВО ТОЛКОВАНІЕ СНОВЪ ФАРАОНА.

Спустя два года послѣ того, самъ фараонъ то, есть царь египетскій, ибо фараонъ, есть титулъ царей египетскихъ, видѣлъ также замѣчательный сонъ. Ему снилось, что онъ стоитъ при рѣкѣ, изъ которой вышли семь жирныхъ прекрасныхъ коровъ,

и паслись близъ берега на травѣ. Вслѣдъ за ними изъ тѣхъже водъ вышли семь тощихъ, худыхъ коровъ, и эти худыя коровы съѣли семь жирныхъ коровъ. Фараонъ проснулся; но заснувъ опять, онъ увидѣлъ во снѣ семь свѣжихъ полныхъ колосьевъ, выросшихъ на одномъ стеблѣ. Возлѣ нихъ, изъ тогоже самаго стебля выросли семь сухихъ, пустыхъ колосьевъ, которыми съѣдены были полные колосья. Эти сны встревожили царя. Какъ скоро наступило утро, онъ приказалъ собрать всѣхъ ученыхъ сноголкователей во дворецъ; но никто не могъ изъяснить фараону сны его.

Только тогда неблагодарный виночерпій вспомнилъ о товарищѣ своего несчастія, о Іосифѣ, и сказалъ фараону: «я вспомнилъ теперь мой проступокъ; когда ты, государь, прогнѣвался на меня и на хлѣбодара, и обоихъ насъ приказалъ заключить въ темницу, тогда каждый изъ насъ имѣлъ по одному чудесному сновидѣнію. Въ тойже темницѣ находился одинъ еврейскій юноша; мы разсказали ему сны свои; онъ обоимъ намъ изъяснилъ ихъ, и все случилось такъ, какъ онъ сказалъ. Я возвращенъ къ прежней должности, а хлѣбодаръ повѣшенъ.» Фараонъ тотчасъ послалъ за Іосифомъ; на него надѣли нарядное платье, и привели къ царю.

Фараонъ сказалъ Іосифу: «я видѣлъ сонъ, но никто не можетъ изъяснить его. Мнѣ сказывали, что ты толкуешь сны.» Скромный Іосифъ отвѣчалъ: «я ничего не могу сдѣлать самъ собою! Одному

Богу возможно дать тебѣ, государь, желаемое объясненіе:» Тогда фараонъ разсказалъ сны свои.

«Оба сна имѣютъ одно значеніе, сказалъ Іосифъ: Богъ наставляетъ ими царя. *Семь тучныхъ коровъ и семь полныхъ колосьевъ означаютъ семь плодородныхъ лѣтъ.* Семь же тощихъ коровъ и семь сухихъ колосьевъ означаютъ семь безплодныхъ лѣтъ. Вотъ какимъ образомъ все это случится: во всей землѣ египетской въ теченіи семи лѣтъ будетъ величайшее изобиліе. Послѣ того настанутъ другія семь лѣтъ, въ которыя не родится ничего, и что заготовлено будетъ въ изобильные годы, то истребится во время безплодія. Но что фараонъ имѣлъ сряду два сна одинаковаго значенія, это показываетъ, что Божіе опредѣленіе исполнится вѣрно и въ скоромъ времени. Нужно, чтобы царь назначилъ человѣка разумнаго, дѣятельнаго, который въ годы изобилія запасъ бы всякаго хлѣба такое количество, какое достаточно для прокормленія народа его въ годы безплодія.»

Сіе понравилось Фараону и всѣмъ его чиновникамъ. «Гдѣ найду я другаго человѣка, который бы подобно Іосифу, былъ вдохновенъ самимъ Богомъ?» сказалъ фараонъ. «Тебѣ открылъ господь тайну Свою; слѣдственно ты мудрѣе другихъ. *Тебя хочу я поставить* главою всей земли египетской, *вторымъ человѣкомъ по себѣ;* однимъ престоломъ своимъ буду я выше тебя.» Сказавъ сіе, фараонъ снялъ перстень съ руки своей, и надѣлъ его на перстъ Іосифа. Также приказалъ облечь его въ бо-

гатую одежду, возложилъ на шею его золотую цѣпь, и повелѣлъ посадить на придворную колесницу и возить торжественно по столицѣ, чтобъ всѣ знали о новомъ его достоинствѣ. *Анна Зонтагъ.*

1. «*Измаильтяне* продали Іосифа Пентефрію.» Здѣсь существительное имя, которымъ выражено подлежащее, означаетъ понятіе не объ одномъ предметѣ, а объ нѣсколькихъ, многихъ, — какъ на то указываетъ окончаніе его *не*, — хотя мы не знаемъ, сколько именно этихъ предметовъ. Но въ прелож. «*Измаильтянинъ* продалъ товаръ въ Египтѣ» существ. *измаильтянинъ* (подлежащее) означаетъ понятіе объ одномъ предметѣ, на что указываетъ окончаніе *ъ*. Существительное *товаръ*, выражаетъ дополненіе къ *продалъ*, и означаетъ также одинъ предметъ, какъ видно изъ окончанія *ъ*. Но если бы мы сказали: *продалъ товары*; тогда бы разумѣлся не одинъ предметъ, а много, нѣсколько, тогда бы знали, что у него было нѣсколько разныхъ товаровъ: къ уразумѣнію о множествѣ товаровъ, насъ привело бы окончаніе существительнаго *ы*.

«Хорошіе *люди* вездѣ находятъ себѣ друзей и покровителей.» Здѣсь подъ существ. *люди*, которое выражаетъ подлежащее, разумѣется не одинъ какой-нибудь предметъ, а много, что̀ указываетъ самое окончаніе его *и*. Существительныя, которыми выражаются дополненія *друзей, покровителей*, окончаніями своими показываютъ также, что подъ каждымъ изъ нихъ разумѣется не одинъ предметъ, а много, хотя опредѣлительно неизвѣстно, сколько именно.

Но «*хорошій человѣкъ вездѣ находитъ себѣ друга и покровителя*» подлежащее выражаетъ понятіе только объ одномъ предметѣ, что̀ и обозначается окончаніемъ существительнаго *ъ*, и дополнительныя даютъ намъ понять, что тутъ дѣло идетъ объ одномъ предметѣ. Итакъ существительное имя своими окончаніями обозначаетъ, что подъ нимъ разумѣется или *одинъ* предметъ, или *много*, нѣсколько.

2. «Царь египетскій разгнѣвался на *двухъ* придворныхъ чиновниковъ.» На кого разгнѣвался? на придворныхъ чиновниковъ. На скольких именно? *двухъ*. Если бы мы сказали: *царь египет. разгнѣвался на придворныхъ чиновниковъ;* то по оконча-

нію дополнительнаго слова мы узнали бы, что онъ разгнѣвался не на одного чиновника, а на многихъ, но на скольких именно, по одному окончанію мы бы опредѣлить не могли. Слово *двухъ* тутъ опредѣляетъ, сколько именно было чиновниковъ, которые заслужили гнѣвъ царскій.

«*Три вѣтви* означаютъ *три дня.*» Здѣсь слово *три* опредѣляетъ количество предметовъ,—черезъ него мы знаемъ навѣрное, сколько вѣтвей и сколько дней—*три*. Но если бы было сказано: *вѣтви означаютъ дни*; то по окончанію существительныхъ мы тоже знали бы, что разумѣть должно много предметовъ подъ каждымъ изъ нихъ, но сколько именно, того опредѣлить бы не могли—можетъ два, можетъ три, а можетъ и больше.

Стало-быть для показанія опредѣленнаго количества предметовъ не достаточно однихъ окончаній существительнаго; а потому въ языкѣ есть особыя слова, по значенію своему названныя *числительными именами*.

3. «Семь тучныхъ коровъ и семь полныхъ колосьевъ означаютъ семь плодородныхъ лѣтъ.» Числит. *семь* опредѣляетъ намъ только количество предметовъ,—и мы легко его узнаемъ по вопросу: *сколько?* сколько коровъ? *семь*.

«Тебя хочу я поставить вторымъ человѣкомъ по себѣ.» Числит. *вторымъ* даетъ намъ знать, какое мѣсто назначилъ фараонъ Іосифу въ *ряду* другихъ; этимъ числительнымъ указывается порядокъ, въ какомъ слѣдуетъ быть одному предмету за другимъ.

§ 18. Отношеніе существительнаго къ предложенію — надежн. число и названіе ихъ. Преимущественное употребленіе каждаго изъ нихъ для извѣстной части предложенія. Раздѣленіе ихъ на прямые и косвенные.

1. «Іосифъ въ самой темницѣ нашелъ друзей.» Существительное—Іосифъ выражаетъ подлежащее въ этомъ предложеніи.

2. «Измаильтяне продали Іосифа Пентефрію.» Тоже существ. «Іосифъ» выражаетъ дополненіе, на которое переходитъ дѣйствіе подлежащаго: и становясь въ этомъ предложеніи дополненіемъ, существительное это измѣнило свое прежнее окончаніе *ъ* на *а*.

3. «Фараонъ разсказалъ Іосифу сны свои.» Тоже существительное выражаетъ дополненіе, къ которому относится дѣйствіе подлежащаго, и становясь въ такое отношеніе къ дѣйствію подлежащаго, оно перемѣнило свое окончаніе *ъ* на *у*.

4. «Въ темницѣ вмѣстѣ съ Іосифомъ сидѣлъ царскій виночерпій.» Существ. Іосифъ—также дополненіе и обозначаетъ, съ кѣмъ сидѣлъ виночерпій, совокупность дѣйствія съ подлежащимъ; для обозначенія этого отношенія существительное «Іосифъ» измѣнило свое окончаніе *ъ* на *омъ*.

Существительное имя бываетъ въ предложеніи собственно подлежащимъ, и дополненіемъ, но бываетъ также и обстоятельсвеннымъ и опредѣлительнымъ словомъ и обращеніемъ: а чтобы стать тою или другою частью въ предложеніи и выразить отношеніе къ другимъ частямъ предложенія, существительное, какъ мы видимъ, измѣняется по *окончаніямъ* — принимаетъ различныя окончанія.

§ 19. Обозначеніе косвенными падежами отношеній положенія и направленія дѣйствія. Неопредѣленность этого обозначенія,— и въ слѣдствіе того—предлоги. Ихъ значеніе. Отношенія ихъ къ предложенію и родство съ падежами.

1. «Измаильтяне продали Іосифа Пентефрію.» Дѣйствіе подлежащ. *продали* переходитъ на дополненіе *Іосифа* въ направленіи по вопросу *куда?* куда, на какой предметъ продажа идетъ? на *Іосифа*, — *куда или къ кому? Пентефрію* тоже направленіе. Стало-быть винительный и дательный обрисовываютъ, указываютъ направленіе *куда?*

«Виночерпій обрадованъ былъ изъясненіемъ сна.» Направленіе дѣйствія подлежащаго «былъ обрадованъ» показывается отъ дополнительнаго по вопросу откуда? Откуда радость идетъ? отъ изъясненія сна.

«Іосифъ стыдился *нечестнаго поступка.*» Направленіе дѣйствія подлежащаго *стыдился* идетъ также отъ дополненія по вопросу *откуда?* Стало-быть творительный и родительный падежи обозначаютъ направленіе дѣйствія по вопросу *откуда?*

«Іосифъ и въ самой темницѣ нашелъ друзей.» Здѣсь предлож. падежомъ обозначается не направленіе дѣйствія, но его положеніе или пребываніе по вопросу *гдѣ?*

2. Но при помощи падежей мы узнаемъ положеніе и направленіе дѣйствія только вообще, такъ-сказать глухо,—по нимъ мы не можемъ узнать, что положеніе дѣйствія находится внутри или внѣ, на верху или внизу какого-нибудь предмета и т. п., и не можемъ

себѣ опредѣлить, что направленіе дѣйствія (устремлено) идетъ внутрь или наружу предмета, на поверхность или внизъ предмета и т. п. «Тюремный начальникъ полюбилъ Іосифа:» винит. пад. показываетъ только *вообще*, куда идетъ любовь начальника — на *Іосифа*. Но «Пентефрій велѣлъ посадить Іосифа въ *темницу:*» здѣсь опредѣлительно показывается, что дѣйствіе *посадить* направлено *внутрь* другаго предмета, внутрь темницы, — а не у темницы или на верхъ темницы. Эту опредѣлительность обозначенія направленія сообщило винит. падежу слово *въ*, которое прележитъ или лежитъ передъ словомъ *темницу*.

«Постарайся освободить меня *изъ* темницы» Слово *изъ* показываетъ опредѣлителѣно, что дѣйствіе должно быть направлено изъ внутренности другаго предмета.

§ 20. склоненіе и образецъ его. измѣняются ли въ окончаніяхъ предлогъ и числительное имя? правописаніе нѣкоторыхъ косвенныхъ падежей существительнаго и числительныхъ именъ.

Мы (§ 18) видѣли, что существ., становясь тою или другою частью предложенія, измѣняется или мѣняется по окончаніямъ. Господь *Богъ* есть защитникъ невинности. Изъясненіе снова зависитъ отъ *Бога*. *Боги* языческіе — ложь. Измѣнять имя по окончаніямъ значитъ *склонять* его.

§ 21. подлежащее и дополненіе выражается невсегда существительнымъ. — мѣстоименіе. служебная или знаменательная часть рѣчи мѣстоимѣніе? отношеніе его къ предложенію, и оттого раздѣленіе его на различные роды. названіе ихъ. склоненіе и правописаніе.

СЫНОВЬЯ ІАКОВА.

Іаковъ имѣлъ двѣнадцать сыновей. Вотъ имена ихъ, по порядку старшинства: Рувимъ, Симеонъ, Левій, Іуда, Завулонъ, Иссахаръ, Данъ, Гадъ, Асиръ, Нефѳалимъ, Іосифъ и Веніаминъ. Два послѣдніе были дѣти любимой жены его Рахили. Старшіе сыновья Іакова занимались скотоводствомъ, и своими поступками не всегда заслуживали любовь

родительскую. Веніаминъ, самый младшій, былъ еще ребенокъ; но Іосифъ, прекрасный, кроткій и добродѣтельный юноша, былъ любимецъ отца своего. Іаковъ сшилъ ему нарядное, цвѣтное платье. Старшіе братья завидовали Іосифу, ненавидѣли его за такое предпочтеніе предъ ними, и ненависть ихъ еще болѣе усилилась съ тѣхъ поръ, какъ Іосифъ разсказалъ имъ два необыкновенные сна, видѣнные имъ. *Однажды сказалъ онъ братьямъ: «послушайте, какой я видѣлъ странный сонъ:* мнѣ снилось, что мы всѣ въ полѣ жнемъ пшеницу и вяжемъ снопы; мой снопъ стоялъ прямо, ваши же снопы окружили мой снопъ и кланялись ему.» — «Неужели ты будешь царемъ нашимъ, а мы твоими подданными?» сказали ему съ досадою братья.

Скоро послѣ того Іосифъ видѣлъ другой сонъ, который также разсказалъ братьямъ. «Мнѣ снилось, говорилъ онъ, что солнце, луна и одинадцать звѣздъ кланяются мнѣ.» Іаковъ, услышавъ это, сдѣлалъ ему выговоръ, сказавъ: «что это за сонъ! Неужели я, жена моя и братья твои придемъ поклониться тебѣ». — Братья озлобились на Іосифа за такія сновидѣнія; но Іаковъ, который самъ имѣлъ сны, посланные Богомъ, не забылъ ихъ, и втайнѣ размышлялъ о словахъ іосифовыхъ. «Вѣроятно, думалъ онъ, Богъ назначаетъ къ чему-либо великому моего Іосифа.» И въ самомъ дѣлѣ, Іосифъ, любимецъ отца своего, за добродѣтели свои былъ любимъ Богомъ.

А. Зонтагъ.

1. a. «Какой *я* видѣлъ странный сонъ.» Это говоритъ Іосифъ о себѣ самомъ: здѣсь само лицо говорящее есть подлежащее — и оно не называетъ себя своимъ именемъ *Іосифъ*, но вмѣсто *имени* своего употребляетъ слово *я*.

b. «*Мнѣ* снилось, что мы всѣ въ полѣ жнемъ пшеницу.» Здѣсь дополненіе *мнѣ* къ сказ. снилось обозначаетъ, что дополненіемъ служитъ понятіе о лицѣ говорящемъ, — и оно выразилось вмѣсто имени *Іосифъ* также словомъ *я* въ дат. падежѣ.

c. «*Послушайте вы.*» Здѣсь подлежащее обозначаетъ лицо, съ которымъ ведетъ рѣчь лицо говорящее, — и вмѣсто *имени* (братья) выражено словомъ *вы*.

d. «Однажды *онъ* сказалъ братьямъ.» Кто онъ? *Іосифъ*. Почему вы такъ думаете? По соображенію съ предъидущею рѣчью. Названіе подлежашаго въ этомъ предложеніи уже извѣстно говорящему изъ предъидущаго, а потому вмѣсто *имени* его поставлено слово *онъ*

2. Мѣстоименіе даетъ намъ понятіе о предметѣ не само по себѣ, какъ существительное имя, но *служитъ* только условнымъ указаніемъ, условнымъ представителемъ понятія о предметѣ, по отношенію къ лицу говорящему: а потому *я* въ одномъ предложеніи стоитъ вмѣсто *Іосифъ*, въ другомъ поставлено вмѣсто *Іаковъ*, и можетъ стоять вмѣсто всякаго другаго предмета, лишь бы предметъ этотъ былъ представленъ, какъ лицо говорящее: «Неуже-ли *я*, жена моя и братья придемъ поклониться тебѣ? сказалъ Іаковъ.»

3. Въ первомъ (a.) изъ разобранныхъ примѣровъ мѣстоименіемъ *я* выражено само лицо говорящее,—въ третьемъ (c.) мѣстоим. *вы*— выражено лицо, съ которымъ ведется разговоръ,—а къ четвертомъ (d.) мѣстоим. *онъ* выраженъ для разскащика предметъ сторонній, но ему извѣстный.

4. «Іосифъ, въ первое путешествіе братьевъ его въ Египетъ, показалъ себя строгимъ къ нимъ.» Здѣсь себя употреблено вмѣсто имени Іосифъ; потому-что дѣйствіе подлежащаго переходитъ не на другой предметъ, но *возвращается* на самое же подлежащее.

5. «Злая сія женщина нашла средство оклеветать Іосифа передъ Пентефріемъ.» Мѣстоименіемъ *сія* говорящій *указываетъ* намъ, что здѣсь рѣчь идетъ о той женщинѣ, о которой онъ прежде говорилъ.

6. «Іаковъ, *который* самъ имѣлъ сны, не забылъ ихъ.»

Который стоитъ вмѣсто имени Іаковъ, слѣд. оно есть мѣстоименіе, и оно показываетъ, что къ объясненію этого подлежащаго *относится* цѣлое придаточное предложеніе.

7. «Мой снопъ стоялъ прямо.» Мѣстоименіемъ ***мой*** замѣнено имя Іосифа, который представляется лицомъ говорящимъ, и оно показываетъ, что снопъ принадлежалъ Іосифу.

8. «Іаковъ самъ имѣлъ сны.» Мѣстоименіе *самъ* опредѣляетъ еще точнѣе и рѣзче, что не другой кто, а онъ самъ имѣлъ сны.

9. «Никто не можетъ изъяснить Фараону сны.» Мѣстои. *никто* не опредѣляетъ намъ никакого извѣстнаго предмета, не указываетъ на кого-нибудь опредѣленно.

СТАТЬИ ДЛЯ ПОВТОРЕНІЯ ПРОЙДЕННАГО.

Какія слова въ этихъ піесахъ существительныя *собственныя* и *общія*, въ какихъ *падежахъ*, *числахъ* и *родахъ* употреблены, при какихъ существ. есть *предлоги* и *числительныя* имена. Какія изъ существ. можно употребить въ уменьшительныхъ, увеличительныхъ, ласкательныхъ и уничижительныхъ? Почему нѣкоторыя падежи написаны черезъ *ъ*? Есть ли здѣсь мѣстоименія и какія?—Отберите нѣкоторыя существительныя и приберите къ нимъ (письменно и устно) приличныя дѣйствія или качества, и составьте т. обр. свои предложенія (дитя любитъ свою няню), въ которыхъ бы тѣже существительныя становились разными частями предложенія, и измѣнялись по окончаніямъ (*за дѣтьми* няня ходитъ старательно).

СИЛА ПРИМѢРА.

Въ одинъ день толпа народа стремилась въ великолѣпные сады Тиволи *. Въ этотъ день тамъ былъ большой праздникъ: играла музыка, были танцы, вездѣ кипѣло удовольствіе. У входа въ садъ стоялъ какой-то слѣпой старикъ съ пятнадцатилѣтнею дочерью: она играла на арфѣ, а старикъ

---

* Въ Парижѣ.

пѣлъ подъ ея аккомпанементъ. Мимо ихъ проходили г-жа Даморо - Чинти (Damoreau - Cinti) и съ нею Мартенъ (Martin) и Поншаръ (Ponchard). Знаменитая пѣвица изъ любопытства взглянула въ деревянную кружку слѣпаго, и увидѣла, что на днѣ ея ничего нѣтъ. Множество народа проходило взадъ и впередъ, торопясь повеселиться, но никто не обращалъ вниманія на бѣдняка.

— Превосходная мысль! истинно артистическая! сказала г-жа Даморо, обратясь къ своимъ спутникамъ: надо, чтобъ и вы меня поддержали. Жалобныя пѣсни этого слѣпаго до сихъ поръ не доставили ему ни слушателей, ни милостыни; попробуемъ, не будемъ ли мы счастливѣе?

Мартенъ и Поншаръ съ улыбкою согласились на предложеніе. Даморо взяла у дѣвочки арфу, и знаменитые артисты начали очаровательное тріо. Проходившіе остановились; многочисленный кругъ составился около слѣпаго, который и самъ слушалъ съ удивленіемъ. Когда узнали имена пѣвшихъ, то со всѣхъ сторонъ раздались рукоплесканія и громкія браво. Скоро вѣсть объ этомъ разошлась по всему Тиволи: танцы были брошены, игры оставлены, всѣ массою бросились къ той сторонѣ, гдѣ происходила описываемая нами сцена, и наконецъ толпа выросла до невѣроятности.

Пропѣвъ нѣсколько арій, г-жа Даморо, послѣ многихъ рукоплесканій, взяла шляпу слѣпаго, и отправилась въ толпу собирать милостыню. Примѣръ былъ поданъ, и всѣ стали бросать въ шляпу, кто

мѣдныя, кто серебряныя, иные даже золотыя монеты. Порывъ великодушія подѣйствовалъ на самыхъ скупыхъ, и дошелъ до такой степени, что начали толкать одинъ другаго, прыгали черезъ плечи, и безчисленное множество рукъ протянулось къ верху, показывая милостыню. Шляпа бѣдняка нѣсколько разъ наполнялась и была высыпаема въ мѣшокъ.

Обошедъ толпу, г-жа Даморо обратилась къ своимъ спутникамъ, которыя стояли, пзумляясь результату своего предпріятія. «Теперь» сказала она имъ, «наша очередь дать слѣпому что-нибудь.» Она положила въ кружку золотую монету; Мартенъ и Поншаръ сдѣлали тоже, и г-жа Даморо, отдавая дѣвочкѣ кружку съ монетами, сказала ей:

— Это принадлежитъ тебѣ; твой отецъ не долженъ брать у тебя этихъ денегъ; на нихъ ты купишь себѣ новое платье, шляпку и косынку; твое теперешнее платье старо и истерлось, между-тѣмъ — какъ сама ты молода и хороша.... прощай, дитя мое....

Три великодушные артиста взялись за руки и отправились далѣе, напутствуемые благословеніями бѣдняка и восклицаніями толпы. *Хотинскій.*

ЧИЖЪ И ГОЛУБЬ.

Чижа захлопнула злодѣйка-западня;
Бѣдняжка въ ней и рвался и метался,
А Голубь молодой надъ нимъ же издѣвался.
«Не стыдно-ль,» говоритъ: «средь бѣла дня
Попался!

Не провели бы такъ меня;
За это я ручаюсь смѣло.
Анъ смотришь, тутъ же самъ запутался въ силокъ.
И дѣло!
Впередъ чужой бѣдѣ не смѣйся, Голубокъ. *Крыловъ.*

ЭМБЛЕМЫ.

Есть много понятій, которыя мы составляемъ въ умѣ безъ помощи зрѣнія и другихъ нашихъ чувствъ, напримѣръ: понятія о добродѣтели, порокѣ, чести, несчастіи, смерти; предметы сихъ понятій не суть видимые, но мысленные.

Въ самомъ дѣлѣ, ихъ нельзя ни видѣть, ни ощупать, а можно только думать о нихъ.

Однако случается иногда, что мы желаемъ какое-нибудь изъ этихъ понятій сдѣлать очевиднымъ, т. е. сдѣлать такое изображеніе, которое видимо напоминало бы о семъ понятіи уму зрителей. Для этого мы избираемъ дѣйствіе или положеніе, которыя соотвѣтствуютъ той мысли, и которыя могутъ быть выражены посредствомъ живописи или ваянія. Такое изображеніе называется *эмблемою*.

Есть мѣста, гдѣ осуждаются преступники и оправдываются невинные. Чтобъ отличить такое мѣсто отъ другихъ зданій, легко было бы надписать надъ его входомъ: *Здѣсь храмъ правосудія.* Но для этого употребили способъ гораздо остроумнѣе: на высотѣ зданія поставили фигуру, которая показываетъ, что оно назначено быть храмомъ правосудію.

Для сего надобно было сдѣлать видимымъ поня-

тіе мысленное, невидимое: чтобы олицетворить сіе понятіе, изваяли человѣческую фигуру, отличивъ ее принадлежностями, которыя наболѣе относятся къ свойствамъ правосудія. Правосудіе сохраняетъ вѣрность и безпристрастіе, не уклоняясь ни на чью сторону, и для того другая рука его вооружается мечомъ. Вотъ изображеніе эмблематическое: *вѣсы* и *мечъ* здѣсь — эмблемы.

Вотъ человѣкъ, остановившійся на вершинѣ высокой утесистой горы; онъ хочетъ взойти еще выше,— подымаетъ лѣстницу, и упираетъ ее въ облако. Это *честолюбецъ*. Онъ такъ уже на большой высотѣ, но его увлекаетъ страсть еще возвыситься; онъ отваживается идти по лѣстницѣ, хотя она не имѣетъ другой опоры, кромѣ облака и повисла надъ пропастью.

Вотъ другой человѣкъ; у него глаза завязаны, а онъ переходитъ свирѣпый потокъ по скользкимъ каменьямъ. Онъ вѣрно упадетъ въ волны. Это изъ числа тѣхъ людей, которые бросаются въ опасность, не размысливъ, куда идутъ,—и ты можешь назвать его *безразсуднымъ*.

Видишь ли руку, которая протянулась изъ чернаго облака, и гаситъ свѣтильникъ. Этотъ свѣтильникъ — *жизнь;* рука, которая гаситъ его,—*смерть*.

Взгляни на этого человѣка, смотрящаго на солнечные часы, со свѣчею въ рукѣ. Эти часы могутъ показывать время только при солнечномъ свѣтѣ. Слѣдовательно онъ изображаетъ *невѣжество*.

Вотъ трость, которой конецъ въ водѣ, и она

кажется переломленною. Что жь, трость въ самомъ дѣлѣ переломлена? Нѣтъ, только свойство воды даетъ ей такой видъ. Это эмблема *заблужденія*.

Кто этотъ бѣдпякъ, который бѣжитъ со всѣхъ ногъ и оглядывается на тѣнь свою? Ты можешь назвать его страхомъ или *трусостью*.

Но кто этотъ сѣятель, разсыпающій зерна на пашнѣ? Тутъ есть что-то похожее на воспитаніе, но можетъ изображать также и *надежду*; ибо никто не сѣетъ безъ надежды на жатву.

Что думаешь ты объ этомъ зеркалѣ, передъ которымъ стоитъ восковая свѣча, и въ немъ отражается? Это эмблема *истины*. Главное свойство истины — представлять вѣрное изображеніе предметовъ и отражать ихъ въ нашемъ сердцѣ. Здѣсь свѣча изображена зажженною, для означенія блеска женщины.

А вотъ ты видишь здѣсь женщину, которая распутываетъ мотокъ; она представляетъ *терпѣніе*.

Но что ты думаешь объ этой прекрасной женщинѣ, которая поливаетъ цвѣты и смотритъ на нихъ съ такою нѣжностію? Это *благотворительность*.

Узнаешь ли ты эту женщину, съ физіономіею скромною и осторожною, которая приложила палецъ къ устамъ, и держитъ узду въ другой рукѣ? Это благоразуміе или *скромность*. *Н. Полевой.*

ЛѢСНОЙ ЦАРЬ.

Кто скачетъ, кто мчится подъ хладною мглой?
Ѣздокъ запоздалый, съ нимъ сынъ молодой.
Къ отцу, весь издрогнувъ, малютка приникъ;
Обнявъ, его держитъ и грѣетъ старикъ.

Дитя, что ко мнѣ ты такъ робко прильнулъ?
— Родимый, лѣсной царь въ глаза мнѣ сверкнулъ:
Онъ въ темной коронѣ съ густой бородой.
— О нѣтъ, то бѣлѣетъ туманъ надъ водой.

«Дитя, оглянися; младенецъ ко мнѣ;
«Веселаго много въ моей сторонѣ:
«Цвѣты бирюзовы, жемчужны струи;
«Изъ золота слиты чертоги мои.»

— Родимый, лѣсной царь со мной говоритъ;
Онъ золото, перлы и радость сулитъ.
— О нѣтъ, мой младенецъ, ослышался ты:
То вѣтеръ, проснувшись, колыхнулъ листы.

«Ко мнѣ, мой младенецъ; въ дубравѣ моей
«Узнаешь прекрасныхъ моихъ дочерей:
«При мѣсяцѣ будутъ играть и летать,
«Играя, летая, тебя усыплять.»

— Родимый, лѣсной царь созвалъ дочерей:
Мнѣ, вижу, киваютъ изъ темныхъ вѣтвей. —
— О нѣтъ, все спокойно въ ночной глубинѣ:
То вѣтлы сѣдыя стоятъ въ сторонѣ.

«Дитя, я плѣнился твоей красотой:
«Неволей иль волей, а будешь ты мой.
— Родимый, лѣсной царь насъ хочетъ догнать. —

Ѣздокъ оробѣлый не скачетъ, летитъ;
Младенецъ тоскуетъ, младенецъ кричитъ;

Ѣздокъ погоняетъ, ѣздокъ доскакалъ....
Въ рукахъ его мертвый младенецъ лежалъ.

Жуковскій.

ГЛАВА V.

Б. Для выраженія сказуемаго и отношеній его въ предложеніи.

§ 22. Значеніе глагола. Отношеніе его къ предложенію. Залогъ. Значеніе и число залоговъ.

РОЩА И ОГОНЬ.

Съ разборомъ выбирай друзей.
Когда корысть себя личиной дружбы кроетъ, —
Она тебѣ лишь яму роетъ.
Чтобъ эту истину понять еще яснѣй,
Послушай басенки моей.

—

Зимой огонь подъ Рощей тлился;
Какъ видно, тутъ онъ былъ дорожными забытъ.
Часъ-отъ-часу Огонь слабѣе становился;
Дровъ новыхъ нѣтъ; Огонь мой чуть горитъ,
И, видя свой конецъ, такъ Рощѣ говоритъ:
— «Скажи мнѣ, Роща дорогая!
За что твоя такъ участь жестока,
Что на тебѣ не видно ни листка,
И мерзнешь ты совсѣмъ нагая?»
— «За тѣмъ, что вся въ снѣгу,
Зимой ни зеленѣть, ни цвѣсть я не могу,»
Огню такъ Роща отвѣчаетъ.
— «Бѣздѣлица!» Огонь ей продолжаетъ:

«Лишь подружись со мной; тебѣ я помогу.
Я солнцевъ братъ, и зимнею порою
Чудесъ не меньше солнца строю.
Спроси въ теплицахъ объ Огнѣ:
Зимой когда кругомъ и снѣгъ и вьюга вѣетъ,
Тамъ все или цвѣтетъ, иль зрѣетъ;
А все за все спасибо мнѣ.
Хвалить себя хоть не пристало,
И хвастовства я не люблю;
Но солнцу въ силѣ я никакъ не уступлю.
Какъ здѣсь оно спѣсиво ни блистало,
Но безъ вреда снѣгамъ спустилось на ночлегъ,
А около меня, смотри, какъ таетъ снѣгъ.
Такъ если зеленѣть желаешь ты зимою,
Какъ лѣтомъ и весною,
Дай у себя мнѣ уголокъ!»
Вотъ, дѣло слажено: ужь въ Рощѣ Огонекъ
Становится Огнемъ, Огонь не дремлетъ:
Бѣжитъ по вѣтвямъ, по сучкамъ;
Клубами черный дымъ несется къ облакамъ,
И пламя лютое всю Рощу вдругъ объемлетъ.
Погибло все въ конецъ, — и тамъ, гдѣ въ знойны дни
Прохожій находилъ убѣжище въ тѣни,
Лишь обгорѣлые пеньки стоятъ одни.
И нечему дивиться:
Какъ дереву съ огнемъ дружиться? *Крыловъ.*

1. а. «Съ разборомъ выбирай друзей».
Здѣсь сказуемое *выбирай* выражаетъ понятіе о *дѣйствіи.*
«И *мерзнешь* ты совсѣмъ нагая »
Сказуем. *мерзнешь* означаетъ понятіе о состояніи, въ которомъ находится предметъ.

Всякое понятіе о дѣйствіи или состояніи отлично отъ понятія о предметѣ; и потому понятія о дѣйствіи или состояніи составляютъ свой особый отдѣлъ, какъ понятія о предметахъ — свой, и слѣдовательно слова, которыми выражаются понятія о дѣйствіи или состояніи, составляютъ особую, отдѣльную *часть рѣчи*. Дѣйствіе или состояніе всего яснѣе глаголетъ (говоритъ) намъ о предметѣ, потому эту часть рѣчи назвали *глаголомъ*. *Выбирай* и *мерзнешь*, какъ части предложенія, суть сказуемыя, а какъ части рѣчи, суть глаголы.

b. «Когда корысть себя личиной дружбы *кроетъ*;
Она тебѣ лишь яму *роетъ*.»

Въ первомъ и во второмъ предлож. сказ, *кроетъ* и *роетъ* показываютъ также понятія о дѣйствіяхъ предметовъ, а потому какъ ихъ назвать должно?

2. a. Въ предложеніи «съ разборомъ выбирай друзей» сказуемое—глаголъ *выбирай* выражаетъ такое дѣйствіе, которое переходитъ на другой предметъ—*друзей* по вопросу *кого?*—

«Она тебѣ лишь яму роетъ» Глаголъ — *роетъ* выражаетъ дѣйствіе подлежащаго—*корысть*, которое, какъ и въ *выбирай*, переходитъ на другой предметъ—*яму* по вопросу что?

b «Солнце *спустилось* на ночлегъ», сказуемое глаголъ *спустилось* показываетъ дѣйствіе подлежащаго, которое переходитъ не на другой сторонній предметъ, но возвращается на самое же подлежащее: солнце спустило себя самое, а не другаго—кого или другое—что.

Итакъ въ каждомъ дѣйствіи есть своя отличительная примѣта, у каждаго дѣйствія есть свой особенный характеръ: *выбирать* и *спуститься* ясно различаются между собою, одно есть переходящее на другой сторонній предметъ,—другое же есть переходящее не на посторонній предметъ, но возвращающееся на самаго дѣйствователя — подлежащее. А если дѣйствія, по своему характеру бываютъ различны; то и глаголы должны быть различны между собою по выраженію той или другой черты дѣйствія.

3. a. «Съ разборомъ выбирай друзей» сказуемое—глаголъ *выбирай* показываетъ, что подлежащее дѣйствуетъ, и выражаетъ такое дѣйствіе, которое переходитъ на другой предметъ — *друзей* по вопросу *кого?* «Она тебѣ лишь яму *ростъ*». Глаголъ — *роетъ* выражаетъ дѣйствіе подлежащаго—*корысть*, которое, какъ и *выбирай*, переходитъ на другой предметъ—*яму* по вопросу *что?*

b. «Огонь былъ забытъ дорожными». Сказуемое *былъ забытъ* показываетъ дѣйствіе, которое дѣлаетъ не подлежащее, но которое сдѣлано другимъ стороннимъ предметомъ, выраженнымъ черезъ дополненіе *дорожными*—дорожные забыли огонь; стало-быть подлежащее *огонь* представляется подъ вліяніемъ другаго предмета, само не дѣйствуетъ, но испытываетъ на себѣ дѣйствіе другаго предмета, или *страдаетъ*.

c. «Зимою огонекъ подъ рощей *тлился*. Огонь мой чуть *горитъ*« Оба сказуемыя *тлился* и *горитъ* выражаютъ такое дѣйствіе подлежащаго, которое не переходитъ на другой предметъ: тотъ и другой глаголъ выражаетъ что-то *среднее* между самостоятельнымъ дѣйствіемъ и страданіемъ подлежащаго; тотъ и другой глаголъ выражаетъ *состояніе*, въ которомъ находится подлежащее *огонь*.

d. «Солнце *спустилось* на ночлегъ» Сказуемое—глаголъ *спустилось* показываетъ дѣйствіе подлежащаго, которое переходитъ не на другой сторонній предметъ, но *возвращается* на самое же подлежащее: солнце спустило себя самое, а не другаго — кого или другое—что.

e. «Лишь подружись со мной», т. е. будемъ *взаимно* друзьями,—ты со мной вступи въ дружбу, а я вступлю съ тобой,—слѣд. сказуемое *подружись* выражаетъ такое дѣйствіе, которое дѣлаетъ подлежащее вмѣстѣ, *заодно*, *взаимно* съ другимъ предметомъ,—дополненіемъ.

§ 23. отношеніе глагола — сказуемаго къ подлежащему: лица, числа. глаголы личные и безличные.

СЕРБСКАЯ ПѢСНЯ.

«Что ты ржешь, мой конь ретивый,
Чго ты шею опустилъ?
Не потряхиваешь гривой,
Не грызешь своихъ удилъ?
Али я тебя не холю?
Али ѣшь овса не въ волю?
Али збруя не красна?
Аль поводья не шелковы,

Не серебряны подковы,
Не злачены стремена?
Отвѣчаетъ конь печальный:
Оттого я присмирѣлъ,
Что я слышу топотъ дальній,
Трубный звукъ и пѣнье стрѣлъ;
Оттого я ржу, что въ полѣ
Ужь не долго мнѣ гулять,
Проживать въ красѣ и холѣ,
Свѣтлой збруей щеголять—
Что ужь скоро врагъ суровый
Збрую всю мою возьметъ,
И серебряны подковы
Съ легкихъ ногъ моихъ сдеретъ;
Оттого мой духъ и ноетъ,
Что на мѣсто чапрака
Кожей онъ твоей покроетъ
Мнѣ вспотѣвшіе бока. *А. Пушкинъ.*

А. 1. «Али я тебя не холю?» Здѣсь подлежащимъ само лицо говорящее, и одно, а потому оно выражено личнымъ мѣстоименіемъ 1-го лица въ един. числѣ, и сказуемое—глаголъ стоитъ съ окончаніемъ *ю* въ един. числѣ.

2. «Что ты ржешь мой конь ретивый.» Здѣсь подлежащимъ лицо, съ которымъ разговариваютъ, и оно одно, а потому оно выражено личнымъ мѣстоименіемъ 2-го лица *ты* въ един. числѣ, и сказ.—глаголъ явилося съ окончаніемъ *ешь* един. числа, слѣд. уже не съ тѣмъ окончаніемъ, съ какимъ бы оно было при первомъ лицѣ (*ржу*).

3. «Кожей онъ твоей покроетъ.» Здѣсь подлежащимъ предметъ посторонній для разговаривающихъ, но имъ извѣстный,—подлежащее выражено мѣстоименіемъ 3-го лица *онъ* един. чис., и сказ.—глаголъ приняло окончаніе *етъ*, не то, съ какимъ бы оно явилось при первомъ (покро-ю) и второмъ лицѣ (покро-ешь) един. числа.

Сказуемое—глаголъ относится къ подлежащему, и своимъ окончаніемъ указываетъ намъ, что подлежащимъ у него первое, или второе или третье лицо, и что подлежащее его единств. числа или множественнаго.

В. Глаголъ *холю* принимаетъ окончанія всѣхъ трехъ лицъ обоихъ чиселъ; можно сказать я и мы хол-ю — имъ, ты и вы хол-ишь— ите, онъ и они хол-итъ—ятъ. Но глаголъ—сказ. *разсвѣтаетъ* принимаетъ одно только личное окончаніе—3-го лица един. числа; нельзя сказать: я и мы разсвѣт-аю—емъ, ты и вы разсвѣтаешь—ете, они разсвѣтаютъ. Стало-быть, по личнымъ окончаніямъ глаголы можно раздѣлить на два разряда: *личные* и *безличные*.

§ 24. Отношеніе глагола — сказуемаго къ лицу говорящему: виды и число ихъ.

«Какъ здѣсь солнце спѣсиво *ни блистало*, но безъ вреда снѣгамъ *спустилось* на ночлегъ.»

Первымъ сказ. — глаголомъ *блистало* лицо говорящее передаетъ намъ, что оно наблюдало и застало дѣйствіе въ ту пору, когда то *совершалось*, а второе сказ. — глаголъ *спустилось* указываетъ намъ, что лицо говорящее застало дѣйствіе въ ту пору, когда это дѣйствіе уже *совершилось*. И дѣйствительно, каждое дѣйствіе предмета мы можемъ наблюдать — и такъ сказать застать его—или *тогда*, когда оно совершается, совершалось и будетъ совершаться—слѣд. въ его ходу (процессѣ), *въ совершаемости, или тогда*, когда оно совершилось и имѣетъ совершиться, — слѣдов. въ *совершеніи* его. Въ первомъ случаѣ дѣйствіе является всегда *продолжающимся, совершающимся*, во второмъ — совершенно *оконченнымъ, совершеннымъ*. Это свойство дѣйствія или состоянія отмѣчается особою формою глагола, которая называется *видомъ*: отвѣч-а-лъ, отвѣт-*и*-лъ. Сколько же видовъ въ глаголѣ?

§ 25. Другое отношеніе глагола къ лицу говорящему: времена—число ихъ. Всякой ли глаголъ способенъ ко всѣмъ временамъ? Правописаніе.

1. «Что ты *ржешь*, мой конь ретивый,
Что ты шею *опустилъ*?»

Въ сказуемомъ — глаголѣ перваго предложенія видимъ такое

дѣйствіе, которое совершается *въ то самое время*, какъ объ немъ говорятъ, и это обозначается окончаніемъ глагола—*ешь*.

Въ сказуемомъ — глаголѣ втораго предлож. *опустилъ*, видимъ дѣйствіе, которое совершилось *прежде того*, какъ объ немъ стали говорить,—и это обозначается окончаніемъ *лъ*.

Стало-быть, окончаніями своими глаголъ указываетъ еще, какъ время *дѣйствія* относится къ тому времени, когда говоритъ объ немъ лицо говорящее.

2. а. «*Отвѣчаетъ* конь печальный:
Оттого я *присмирѣлъ*,
Что ужь скоро врагъ суровый
Збрую всю мою возьметъ.»

Въ сказ. *отвѣчаетъ* видно, что дѣйствіе это совершается теперь, въ настоящую пору, когда лицо говорящее ведетъ о немъ рѣчь.

b. Въ сказ. *присмирѣлъ* видно, что время, когда дѣйствіе совершилось, уже прошло прежде, чѣмъ объ немъ стали говорить.

c. Въ сказ. глаголѣ *возьметъ* видно, что дѣйствіе это не совершается и не совершилось, но имѣетъ совершиться *послѣ того времени*, какъ объ немъ говорятъ, — время совершенія его еще *будетъ* впереди.

§ 26. ТРЕТЬЕ ОТНОШЕНІЕ ГЛАГОЛА — СКАЗУЕМАГО КЪ ЛИЦУ ГОВОРЯЩЕМУ: НАКЛОНЕНІЯ, ЗНАЧЕНІЕ, ЧИСЛО И НАЗВАНІЯ НАКЛОНЕНІЙ. СЛОВА ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫЯ ОБРАЗНОСТИ ВЫРАЖЕНІЯ. ПРАВОПИСАНІЕ.

ВАСИЛЕКЪ.

Въ глуши разцвѣтшій Василекъ
Вдругъ захирѣлъ, завялъ почти до половины,
И, голову склоня на стебелекъ,
Уныло ждалъ своей кончины;
Зефиру между-тѣмъ онъ жалобно шепталъ:
«Ахъ, если бы скорѣе день насталъ
И солнце красное поля здѣсь освѣтило,
Быть-можетъ, и меня оно бы оживило?
—«Ужь какъ ты простъ, мой другъ?»
Ему сказалъ, вблизи копаясь, жукъ:

«Неужьли солнышку лишь только и заботы,
Чтобы смотрѣть, какъ ты растешь,
И вянешь ты, или цвѣтешь?
Повѣрь, что у него ни время, ни охоты
На это нѣтъ.
Когда бы ты леталъ, какъ я, да зналъ бы свѣтъ,
То видѣлъ бы, что здѣсь луга, поля и нивы
Имъ только и живутъ, имъ только и счастливы.
Оно своею теплотой
Огромные дубы и кедры согрѣваетъ,
И удивительною красотой
Цвѣты душистые богато убираетъ;
Да только тѣ цвѣты
Совсѣмъ не то, что ты:
Они такой цѣны и красоты,
Что само время ихъ, жалѣя, коситъ,
А ты ни пышенъ, ни пахучъ:
Такъ солнца ты своей докукою не мучь!
Повѣрь, что на тебя оно луча не броситъ,
И добиваться ты пустаго перестань,
Молчи и вянь!»
Но солнышко взошло, природу освѣтило,
По царству Флорину разсыпало лучи,
И бѣдный Василекъ, завянувшій въ ночи,
Небеснымъ взоромъ оживило.

—

О вы, кому въ удѣлъ судьбою данъ
Высокій санъ!
Вы съ солнца моего примѣръ себѣ берите,
Смотрите:

Куда лишь лучъ его достанетъ, тамъ оно
Былинкѣ ль, кедру ли—благотворитъ равно,
И радость по себѣ и счастье оставляетъ;
За то и видъ его горитъ во всѣхъ сердцахъ,
Какъ чистый лучъ въ восточныхъ хрусталяхъ,
И все его благословляетъ. *Крыловъ.*

А. «Въ глуши разцвѣтшій Василекъ
Вдругъ захирѣлъ, завялъ почти до половины.»

Въ этихъ двухъ стихахъ находится два сказуемыхъ: *захирѣлъ, завялъ*, которыя относятся къ одному и тому же подлежащему: *Василекъ*. Что они относятся къ этому подлежащему, про то мы узнаемъ уже изъ того одного, что они оба поставлены въ единств. числѣ, муж. родѣ и 3 лицѣ—значитъ, въ одинаковомъ числѣ, родѣ и лицѣ съ своимъ подлежащимъ. Родомъ, числомъ и лицомъ, какъ мы уже знаемъ, обозначилось только отношеніе обоихъ сказуемыхъ къ подлежащему; вѣдь, отъ подлежащаго зависитъ, чтобы сказуемое было въ томъ или другомъ числѣ, въ томъ или другомъ лицѣ, въ томъ или другомъ родѣ (разумѣется, гдѣ родъ можетъ обозначаться особымъ окончаніемъ, какъ въ прошедшем. наприм. времени *захирѣлъ, завялъ*).

Но что сказуемыя: *захирѣлъ, завялъ* употреблены въ прошедшемъ времени; это ужь зависитъ не отъ подлежащаго, но отъ лица говорящаго; лицо говорящее, разматривая, дѣйствіе происходитъ ли въ минуту рѣчи или до или послѣ нея, рѣшаетъ употребить сказуемое въ томъ или другомъ времени: стало-быть, прошедшимъ временемъ здѣсь обозначилось отношеніе сказуемаго не къ подлежащему, но къ лицу говорящему. Но одно ли это отношеніе сказуемаго къ лицу говорящему обозначается въ предложеніи?—Нѣтъ, есть еще отношеніе къ нему, которое, какъ и время, обозначается особыми формами или окончаніями глагола.

1. «Василекъ захирѣлъ, завялъ.» Здѣсь, въ такомъ выраженіи сказуемыхъ лицо говорящее *наклонно* принимать и въ самомъ дѣлѣ принимаетъ, что связь сказуемаго съ подлежащимъ представляется ему, какъ *дѣйствительная*; говорящій вполнѣ и рѣшительно увѣренъ, что оба эти дѣйствія дѣйствительно принадлежатъ своему предмету.—Но въ слѣдующихъ стихахъ:

2. «Ахъ, если *бы* скорѣе день *насталъ*,
И солнце красное поля здѣсь освѣтило,
Быть-можетъ, и меня оно *бы оживило*».

связь сказуемыхъ: *насталъ-бы*, *оживило-бы* съ подлежащими: *день* и *солнце*, представляется лицу говорящему уже не такъ, какъ въ предъидущемъ примѣрѣ: лицо говорящее нерѣшительно увѣрено въ дѣйствительномъ соединеніи сказуемаго съ подлежащими; связь ихъ между собою представляется ему только какъ *возможная*: эти дѣйствія *насталъ бы*, *оживило бы* въ дѣйствительности еще не принадлежатъ своимъ предметамъ *день* и *солнце*, но могутъ принадлежать.

3. «Такъ солнца ты своей докукою *не мучь!*
Повѣрь, что на тебя оно луча не броситъ,
И добиваться ты пустаго *перестань:*
Молчи и *вянь!*»

Здѣсь связь сказуемыхъ *не мучь*, *повѣрь*, *перестань*, *молчи* *вянь* съ ихъ подлежащимъ *ты* представляется лицу говорящему опять иначе: она представляется ему, какъ *необходимая*.

Стало-быть, лицо говорящее *наклонно* принимать и принимаетъ для себя связь сказуемаго съ подлежащимъ трояко: принимаетъ ее, какъ *дѣйствительную*: Василекъ *захирѣлъ завялъ*, — какъ *возможную*: меня оно *бы оживило*, и какъ *необходимую*: *молчи* и *вянь*. Такое отношеніе связи сказуемаго съ подлежащимъ къ лицу говорящему отмѣчается особыми формами или окончаніями глагола—*наклоненіями*: захир-ѣ-*лъ*, насталъ *бы*, молч-*и*, вян-*ь*.

А. «Быть-можетъ, и меня оно бы оживило». Здѣсь кромѣ подлеж. *оно*, сказ. *оживило-бы*, дополн. *меня* есть еще слово *можетъ-быть*: какое же значеніе имѣетъ это слово въ составѣ предложенія? Очевидно, оно не составляетъ ни подл., ни опредѣлительн., ни сказ., ни обстоят. дѣйствія; такъ что же оно такое? Сказ. здѣсь выражено сослагательнымъ накл., слѣд. связь сказуемаго съ подл. представляется говорящему, какъ возможная, и слово *быть-можетъ* также означаетъ, *какъ* выразилъ говорящій свое мнѣніе о тойже связи сказ. съ подлежащимъ—онъ рѣшительно не увѣренъ, было ли это, но *можетъ-быть*, слѣд. предполагаетъ только. Чтобы выразить свое убѣжденіе о связи сказ. съ подлежащимъ, здѣсь говорящій не удовольствовался однимъ

наклоненіемъ — формою глагола, но прибавилъ къ нему еще особое слово — *можетъ-быть*. Такъ иногда поступаетъ говорящій и въ другихъ случаяхъ, когда связь эту представляетъ какъ дѣйствительную, и какъ необходимую. Есть, *право*, менѣе булавочной головки (стр. 76. Любопытный.)

§ 28. отношеніе сказуемаго, когда оно выражено не глаголомъ, а существительнымъ. связь—ея значеніе.

Но сказуемымъ бываетъ не всегда глаголъ; имъ бываетъ и существительное имя «я—солнцевъ братъ»: тогда чѣмъ обозначаются лицо, время и наклоненіе сказуемаго?

§ 29. бываетъ ли глаголъ подлежащимъ и дополненіемъ, и какую форму тогда принимаетъ? какія глагольныя свойства остаются въ неопредѣленной формѣ? правописаніе.

«*Хвалить* себя не прилично.»

Здѣсь глаголъ *хвалить* выражаетъ предметъ рѣчи,—стало-быть онъ есть подлежащее, — а подлежащее, какъ мы ужь знаемъ, выражается собственно существительнымъ, слѣдовательно глаголъ *хвалить* употребленъ здѣсь вмѣсто существительнаго, или лучше, какъ имя *существительное*. Итакъ глаголъ бываетъ и *подлежащимъ*.

«Если *зеленѣть* желаешь ты зимою,
Дай у себя мнѣ уголокъ.»

Здѣсь дополненіе къ *желаешь* выражено глаголомъ *зеленѣть;* а дополненіе, какъ и подлежащее, мы знаемъ, выражается собственно существительнымъ, — стало-быть, глаголъ здѣсь употребляется въ видѣ существительнаго, или какъ существительное: выходитъ, что глаголъ бываетъ и дополненіемъ.

Глаголъ, становясь подлежащимъ или дополненіемъ въ предложеніи, является съ окончаніемъ *ть* или *ти* или *чь* (*хвали-ть* себя не прилично, — *нес-ти* тяготы другъ друга есть долгъ христіянскій; *жечь* беззащитные города и собственность частныхъ лицъ во время войны безчестно), — и въ этой формѣ (видѣ) онъ употребляется, какъ существительное, несетъ его должность въ предложеніи, а потому въ иныхъ языкахъ ставится передъ нимъ даже предлогъ, какъ напр. въ яз. французскомъ: Les maladies

de l'ame sont plus difficiles *à guerir,* que celles du corps.» Въ этой формѣ на *ть*, ти чь, глаголъ *неопредѣляетъ* намъ ни лица, ни числа, ни времени, ни наклоненія,—всѣхъ тѣхъ существенныхъ принадлежностей, которыя свойственны одному глаголу; потому форма глагола на *ть, ти* и *чь* (хвалить, нести, жечь), называется *неопредѣленною.*

Въ неопредѣленной формѣ глаголъ удерживаетъ самую малую часть свойствъ глагольныхъ, именно у насъ—только *залогъ*, а въ другихъ языкахъ кромѣ залога время: aimer, avoir aimé—*amare, amavisse,* amaturum esse, а по службѣ своей въ предложеніи неопредѣленная форма глагола бываетъ, какъ существительное имя, а потому въ нѣкоторыхъ язык. даже имѣетъ передъ собою предлогъ.

§ 30. Бываетъ ли глаголъ словомъ опредѣлительнымъ? какую форму тогда принимаетъ онъ?—причастіе. различіе придаточныхъ опредѣлительныхъ предложеній по формѣ выраженія.

«Іосифъ разсказалъ братьямъ два необыкновенныя сна, *которые онъ видѣлъ.*» Придаточное опредѣлительное предложеніе *которые онъ видѣлъ* относится къ поясненію дополненія въ главномъ—сны. Оно стоитъ вмѣсто опредѣлительнаго слова, которое только выражено въ видѣ предложенія,—а потому можетъ быть обращено въ простое опредѣлительное слово. А чтобы обратить его въ опредѣлительное слово, нужно опустить мѣстоименіе относительное, указывающее связь его съ словомъ опредѣляемымъ, а сказуемое—глаголъ измѣнить въ такую форму, которая имѣетъ много общаго съ именемъ, а именно *родъ, падежъ*; итакъ вмѣсто *которые онъ видѣлъ* можно сказать: *видѣнные имъ,* — и въ этомъ оборотѣ рѣчи прежнее опредѣлительное предложеніе выразилось уже *сокращенно*, и стало опредѣлительнымъ словомъ. Стало-быть, глаголъ бываетъ и опредѣлительнымъ словомъ:

«Въ глуши разцвѣтшій Василекъ вдругъ захирѣлъ.»

Причастіе, какъ опредѣлительное слово, принимаетъ родъ и падежи, слѣдовательно часть свойствъ *именныхъ*, а какъ отъ глагола произшедшая форма, удерживаетъ часть свойствъ глагольныхъ, именно—времена и залоги.

§ 31. КАКЪ СОКРАЩАЕТСЯ ОПРЕДѢЛИТ. ПРЕДЛОЖЕНІЕ СЪ СКАЗУЕМЫМЪ — СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМЪ, И КАКЪ ТОГДА НАЗЫВАЕТСЯ ТАКОЕ ОПРЕДѢЛЕНІЕ? МѢСТО ПРИЧАСТІЯ И ПРИЛОЖЕНІЯ ВЪ ПРЕДЛОЖЕНІИ И ЗНАКИ ПРЕПИНАНІЯ.

И въ самомъ дѣлѣ, Іосифъ, *который былъ любимецъ отца своего*, за добродѣтели свои былъ любимъ Богомъ.» Въ придаточномъ опредѣлительномъ предложеніи *который былъ любимецъ*.... сказуемое выражено существ. именемъ: оно сократиться можетъ опущеніемъ мѣстоименія и связи—*былъ*, и сказуемое его должно быть поставлено въ одинаковомъ падежѣ съ своимъ опредѣляемымъ: «И въ самомъ дѣлѣ, Іосифъ, *любимецъ отца своего*, за добродѣтели былъ любимъ Богомъ.»

§ 32. БЫВАЕТЪ ЛИ ГЛАГОЛЪ СЛОВОМЪ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫМЪ И КАКУЮ ТОГДА ФОРМУ ОНЪ ПРИНИМАЕТЪ? ДѢЕПРИЧАСТІЕ. КАКІЯ ГЛАГОЛЬНЫЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ОСТАЮТСЯ ВЪ ДѢЕПРИЧАСТІИ. СОКРАЩЕННОЕ И ПОЛНОЕ ОБСТОЯТ. ПРЕДЛОЖЕНІЕ. ВИДЫ ПРИДАТОЧНЫХЪ ПРЕДЛОЖЕНІЙ ПО ФОРМѢ ВЫРАЖЕНІЯ ВООБЩЕ. ЗНАКИ ПРЕПИНАНІЯ. ОБРАЗЕЦЪ ПРИЧАСТНЫХЪ ФОРМЪ.

«Фараонъ, *когда онъ заснулъ опять*, увидѣлъ во снѣ семь свѣжихъ колосьевъ, *выросшихъ на одномъ стеблѣ*.»

Здѣсь придаточное обстоят. *когда онъ заснулъ* поясняетъ сказуемое главнаго — *увидѣлъ*, обозначая *время*, — слѣдовательно относится къ нему, какъ обстоятельственное слово времени. Оно можетъ перейти въ простое обстоятельственное слово, когда опустимъ и слово *когда*, показывающее его отношеніе къ главному, и подлежащее его: тогда оно будетъ выражено сокращенно такимъ образомъ: *заснувъ опять*.

СТАТЬИ ДЛЯ ПОВТОРЕНІЯ ПРОЙДЕННАГО.

Выберите изъ слѣдующихъ статей глаголы, и образуйте изъ нихъ предложенія, прибравъ приличныя понятія о предметахъ, и образуйте такъ, чтобъ глаголы эти употреблялись въ различныхъ залогахъ, видахъ, наклоненіяхъ, временахъ, лицахъ и числахъ: напр. *провести. Годы дѣтства я провелъ* (мною проведены *въ деревнѣ, а молодость проведу на службѣ въ Петербургѣ. Отецъ мой проводитъ лѣто въ деревнѣ*, и т. п.

Составьте предложенія, въ которыхъ бы глаголъ былъ дополне-

ніемъ, опредѣленіемъ и обстоятельственнымъ словомъ: *Провести лѣто въ деревнѣ въ кругу родныхъ пріятно. Лѣто, проведенное среди родныхъ, для меня незабвенно. Проведя лѣто въ деревнѣ, я осенью переѣхалъ на житье въ столицу* и т. п.

ПРЕДАНІЕ О ТОМЪ, КАКЪ ГУСИ РИМЪ СПАСЛИ.

Въ нынѣшней Франціи задолго до Р. Х. поселились Галлы, самый воинственный и вмѣстѣ самый безпокойный изъ народовъ, жившихъ въ Европѣ. Страстные до войны и новыхъ предпріятій, они вторгались въ сосѣднія страны, увлекаемые часто однимъ любопытствомъ. Такъ за 600 лѣтъ до Р. Х. два галльскихъ вождя, говорятъ, привлеченные вкусомъ винограда, (котораго тогда еще небыло въ средней Европѣ, онъ былъ насаженъ на берегахъ Рейна и Дуная рим. имп. Пробомъ уже 280 л. послѣ Р. Х.) перешли черезъ Альпы и утвердились на берегахъ По.

Отсюда непосѣдливые ихъ потомки въ 390 г. вторглись въ среднюю Италію и напали на Римлянъ, которые при первой встрѣчѣ разбѣжались отъ одного вида этихъ страшныхъ варваровъ *. Галлы вошли въ беззащитный Римъ, перебили старѣйшихъ изъ сенаторовъ, — которые, обрекши себя на смерть, остались въ своихъ домахъ, — и сожгли городъ. Только Капитолій оставался въ рукахъ Римлянъ, но и это послѣднее убѣжище едва не сдѣлалось до-

---

* Галлы ходили въ битву нагіе; волчья шкура, висѣвшая съ головы до плечъ, и маленькій щитъ были ихъ единственнымъ оборонительнымъ оружіемъ.

бычею варваровъ. Случайно ли, или замѣтивши слѣды Понтія Коминія, посланнаго гонцомъ къ изгнанному Камиллу, — только Галлы вздумали попытаться проникнуть въ Капитолій черезъ Кармент-скую скалу, возвышавшуюся отвѣсно надъ глубокою пропастью. Они всползли на нее, помогая другъ другу, и передавая оружіе достигшимъ высоты, такъ тихо, что малочисленная стража, стоявшая съ этой стороны, ни даже собаки, обыкновенно по ночамъ чуткія ко всякому шороху, не замѣтили приближенія враговъ. Уже одинъ галлъ влѣзъ на стѣну; въ эту минуту гуси, посвященные богинѣ Юнонѣ, и, не смотря на голодъ, сохраненные благоговѣніемъ Римлянъ, послужили къ спасенію города: они своимъ гоготаньемъ и хлопаньемъ крыльевъ разбудили Манлія, который, схвативши оружіе, бросился къ стѣнѣ, сильнымъ ударомъ щита сбилъ стоявшаго на стѣнѣ галла, который своимъ паденіемъ увлекъ слѣдовавшихъ за нимъ. Между-тѣмъ на голосъ Манлія сбѣжались спавшіе воины, ударили на непріятелей, сбили ихъ со скалъ и перебили остальныхъ, скатывая на нихъ бревна и каменья, и низвергая ихъ въ пропасть.

Вскорѣ послѣ того Камиллъ собралъ вокругъ Рима разсѣянныхъ Римлянъ и очистилъ городъ отъ непріятелей. Въ память этого ночнаго нападенія, въ Римѣ былъ учрежденъ праздникъ, во время котораго въ пышной процессіи жрецъ носилъ по городу гуся (можетъ быть потомка знаменитыхъ гусей), а за нимъ тащили на веревкѣ собаку. Народъ под-

носилъ гусю щедрые дары, а собаку билъ палками и каменьями до тѣхъ поръ, пока ее не убивалъ до смерти. *М. Богоявленскій.*

СТАРЫЙ РЫЦАРЬ.

Онъ былъ весной своей
Въ землѣ обѣтованной,
И много славныхъ дней
Провелъ въ тревогѣ бранной.
Тамъ вѣтку отъ святой
Оливы оторвалъ онъ;
На шлемъ желѣзный свой
Ту вѣтку навязалъ онъ.
Съ невѣрнымъ онъ врагомъ,
Нося ту вѣтку, бился,
И съ нею въ отчій домъ,
Прославленъ, возвратился.
Ту вѣтку посадилъ
Самъ въ землю онъ родную,
И часто приносилъ
Ей воду ключевую.
Онъ сталъ старикъ сѣдой,
И сила мышцъ пропала;
Изъ вѣтки молодой
Олива древомъ стала.
Подъ нею часто онъ
Сидитъ уединенный,
Въ невыразимый сонъ
Душою погруженный.
Надъ нимъ, какъ другъ, стоитъ,

Обнявъ его сѣдины,
И вѣтвями шумитъ
Олива Палестины;
И внемля ей во снѣ,
Вздыхаетъ онъ глубоко
О славной старинѣ
И о землѣ далекой. *Жуковскій.*

ПѢСЕНКА ПРИ СѢЯНІИ ЦВѢТОВЪ.

Ложись, зернышко мое, въ тихую, холодную могилу, ложись въ земляную постельку! Я насыплю на тебя, зернышко мое, сырой земли столько, что тебя совсѣмъ не будетъ видно сверху.

Еслибъ знало ты, что я дѣлаю съ тобою, и могло бы говорить, ты сказало бы съ слезами: «Не видать мнѣ никогда болѣе ни небесъ, ни садика, ни яркаго солнышка!»

Но, малютка мой, не унывай! Смотри, вѣдь тебѣ мягко и хорошо лежать! Вотъ скорехонько и выспишься! А тамъ и выглянешь изъ земли, и зацвѣтешь цвѣткомъ, и совсѣмъ вновь родишься.

Настанетъ день—и я такъ-же, какъ и ты, лягу въ холодную постельку, и меня покроетъ земля; но изъ этой тихой, мрачной могилы я возстану еще лучшимъ созданіемъ по слову Творца моего: «Будь!»

ПѢСНЯ ПАХАРЯ.

Ну тащися, сивка,
Пашней, десятиной;
Выбѣлимъ желѣзо
О сырую землю.

Красавица-зорька
Въ небѣ загорѣлась,
Изъ большова лѣса
Солнышко выходитъ.

Весело на пашнѣ:
Ну! тащися, сивка!
Я самъ-другъ съ тобою,
Слуга и хозяинъ.

Весело я лажу
Борону и соху,
Телегу готовлю,
Зерна насыпаю.

Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вѣю;—
Ну! тащися, сивка!

Пашенку мы рано
Съ сивкою распашемъ;
Зернышку сготовимъ
Колыбель святую.

Его вспоитъ, вскормитъ
Мать-земля сырая;
Выйдетъ въ полѣ травка—
Ну! тащися, сивка!

Выйдетъ въ полѣ травка—
Выростетъ и колосъ,
Станетъ спѣть, рядиться
Въ золотыя ткани.

Заблеститъ нашъ серпъ здѣсь,

Зазвенятъ здѣсь косы;
Сладокъ будетъ отдыхъ
На снопахъ тяжелыхъ.
Ну! тащися, сивка!
Накормлю до сыта,
Напою водою,
Водой ключевою.
Съ тихою молитвой
Я вспашу, посѣю:
Уроди, мнѣ, Боже,
Хлѣбъ—мое богатство! *Кольцовъ.**

ГЛАВА VI.

В. Для выраженія опредѣлительнаго слова и отношеній его въ предложеніи.

§ 33. значеніе имени прилагательнаго. виды его по значенію: прилагат. безотносительное и относительное. отношеніе его къ предложенію и раздѣленіе его по формѣ на опредѣленное и неопредѣленное. склоненіе его. правописаніе.

ПОТСДАМЪ.

Въ Потсдамѣ есть русская церковь подъ надзираніемъ стараго русскаго солдата, который живетъ тамъ со временъ царствованія императрицы Анны. Мы насилу могли сыскать его. Дряхлый старикъ сидѣлъ на большихъ креслахъ, и, слыша, что мы русскіе, протянулъ къ намъ руки, и дрожащимъ

---

* Кольцовъ Алексѣй Васильевичъ родился въ Воронежѣ въ 1809 г., октября 2-го, умеръ тамъ же въ 1842 г., 19 октября, въ три часа по полудни, на 34-мъ году отъ рожденія.

голосомъ сказалъ: Слава Вогу! Слава Богу! Онъ хотѣлъ сперва говорить съ нами по-русски, но мы съ трудомъ могли разумѣть другъ друга. Намъ надлежало повторять почти каждое слово; а что мы съ товарищемъ между собою говорили, того онъ никакъ не понималъ и даже не хотѣлъ вѣрить, чтобы мы говорили по-русски.» Видно, что у насъ на Руси языкъ очень перемѣнился, сказалъ онъ: или я, можетъ-быть, забываю его. «И то и другое правда» отвѣчали мы. Пойдемте въ церковь Божію, сказалъ онъ, и помолимся вмѣстѣ, хотя нынѣ и нѣтъ праздника. Старикъ насилу могъ передвигать ноги. Сердце мое наполнилось благоговѣніемъ, когда отворилась дверь въ церковь, гдѣ столько времени царствуетъ глубокое молчаніе, едва прерываемое слабыми вздохами и тихимъ голосомъ молящагося старца, который по воскресеньямъ приходитъ туда читать святѣйшую изъ книгъ, приготовляющую его къ блаженной вѣчности. Въ церкви все чисто. Церковная утварь и книги хранятся въ сундукѣ. Отъ времени до времени старикъ перебираетъ ихъ съ молитвою. «Часто отъ всего сердца, сказалъ онъ, сокрушаюсь я о томъ, что по смерти моей, которая отъ меня, конечно, уже недалеко, некому будетъ смотрѣть за церковію.» Съ полчаса пробыли мы въ семъ священномъ мѣстѣ, простились съ почтеннымъ старикомъ и пожелали ему — тихой смерти.

Карамзинъ.

1. «Въ Потсдамѣ есть *русская* церковь подъ надзираніемъ *стараго русскаго* солдата.» *Русская* есть опредѣлительное

слово къ подлежащему *церковь*,—оно показываетъ одну изъ примѣтъ, которою мы отличили церковь эту отъ другихъ церквей напр. французской, нѣмецкой и т. п.

Стараго русскаго суть опредѣл. *солдата*, — они показываютъ отличіе *солдата* отъ другихъ солдатъ по народу, къ которому онъ принадлежитъ, и по возрасту, въ которомъ онъ находится. Опредѣлительное слово, показывая отличительную примѣту или качество предмета, выражаетъ собою особый отдѣлъ понятій, — и составляетъ особую часть рѣчи; и какъ такое опредѣлительное слово *прилагается* къ опредѣляемому имъ слову въ одномъ родѣ, числѣ и падежѣ, — то, какъ часть рѣчи, оно называется *прилагательнымъ* именемъ.

2. Между опредѣлительными *стараго-русскаго* къ *солдата* мы различаемъ, что первое «*старый*» означаетъ такое качество, которое можно усилить (старѣйшій) или уменьшить (старенькій),— притомъ оно показываетъ намъ, *каковъ* предметъ самъ по себѣ, первое опредѣляетъ предметъ *безъ отношенія* его къ другому предмету, а второе «*русскаго*» обозначаетъ такое свойство предмета, которое нельзя ни усилить, ни уменьшить,—и притомъ оно опредѣляетъ тотъ же предметъ по *отношенію* его къ другому предмету, именно странѣ (Россіи), которой солдатъ принадлежитъ. Перваго рода прилагательныя можно назвать безотносительными или качественными, а прилагательныя втораго рода—относительными.

3. «Въ Потсдамѣ есть русская церковь подъ надзираніемъ ста-р-аго русск-аго солдат-а.» Здѣсь прилагательное выражаетъ опредѣленіе, и имѣетъ свое окончаніе отличное отъ существительнаго: *ая, ого*. И вообще прилагательное, какъ опредѣленіе, во всѣхъ падежахъ какъ прямыхъ, такъ и косвенныхъ, имѣетъ свои особыя, отличныя отъ существительнаго окончанія: именно въ именительномъ *ый*, ой, ій, ая, яя, ое, ее; въ родительномъ аго, ой, аго, въ дат. ому, ой, ому, и проч. «подъ надзираніемъ *стараго русскаго* солдата есть русская церковь». Стало-быть прилагательное, какъ слово опредѣлительное, самымъ окончаніемъ ясно и отчетливо *опредѣляетъ* свое отличіе отъ существительнаго; а потому прилагательное съ такими окончаніями (ый, ой, ій, ая) по формѣ можно назвать *опредѣленнымъ*: *дряхл-ый старикъ—русск-ая* церковь.

Но въ предложеніи «Въ церкви все чисто.» прилагательнымъ выражено не опредѣленіе, а сказуемое, — и окончаніе его ничѣмъ

не отлично отъ существительнаго средняго рода напр. *золото*. Точно также въ предложеніи «солдатъ старъ.» *Здѣсь* прилагательное выражаетъ сказуемое, и оно съ такимъ окончаніемъ, которое не отличается отъ окончанія существительнаго мужескаго рода, какъ напр. *пожаръ—угаръ*. Прилагательное, употребленное для выраженія сказуемаго, имѣетъ окончанія, сходныя съ окончаніями существительныхъ: стало-быть окончанія эти уже *не опредѣляютъ* отличія прилагательныхъ отъ существительнаго,—а потому такое прилагательное по формѣ своей можно назвать *неопредѣленнымъ*: *Старъ* солдатъ. Все *чисто* въ церкви.

4. Прилагательное имя, служа для выраженія опредѣленія: русская церковь — дряхлый старикъ, — всегда относится къ опредѣляемому существительному, — а опредѣляемое можетъ быть въ предложеніи и подлежащимъ, и дополненіемъ, и обстоятельственнымъ словомъ и вообще всякою частью предложенія, слѣд. въ разныхъ падежахъ: напр, дряхлый старикъ сидѣлъ въ большихъ креслахъ: значитъ, и прилагательное есть часть рѣчи *склоняемая*.

5. Въ предложеніи: «межъ цвѣтовъ, прекраснѣйшихъ для взора, есть (цвѣты) ядовитые», прилагательное стоитъ на мѣсто подлежащаго,—въ предложеніи «мы уважаемъ *ученыхъ* (людей)», прилагательное — вмѣсто дополненія; въ предл. «въ гостинной (комнатѣ) принимаютъ гостей»; — прилагательное на мѣсто обстоят. мѣста: но въ такихъ случаяхъ оно только *съ виду* занимаетъ мѣсто этихъ частей предложенія, а въ самомъ-то дѣлѣ оно есть опредѣленіе къ тому существительному, которое при немъ подразумѣвается.

§ 34. Степени сравненія. Число и названіе ихъ. Виды прилагательныхъ по мѣрѣ качества: уменьшительныя, увеличительныя.

1. а. «У орла перья на шеѣ также длинны, *какъ* и на головѣ». Здѣсь сравнивается длина перьевъ орла на шеѣ съ длиною его перьевъ на головѣ, и оказывается, что та и другая длина равны между собою.» У орла ноги и пальцы *равно* крѣпкіе и кривые. Купеческіе корабли бываютъ обыкновенно большіе и крѣпкіе, *какъ* и корабли военные.»

б. «У зайца заднія ноги *длиннѣе* переднихъ.» Здѣсь сравниваемъ длину заднихъ ногъ зайца съ передними, и находимъ, что длина заднихъ ногъ больше длины переднихъ.» Рабочая лошадь

дешевле бѣговой — военные корабли бываютъ больше и крѣпче купеческихъ.»

в. «Дороже всѣхъ лошади арабскія, такъ называемыя доброродныя.» Здѣсь цѣну лошадей арабскихъ сравниваемъ съ цѣною лошадей другихъ породъ, и чрезъ сравненіе находимъ, что цѣна лошадей арабскихъ выше всѣхъ цѣнъ, слѣдовательно арабскія лошади дороже всѣхъ лошадей. «Малосильная рабочая лошадь дешевле всѣхъ.»

Когда мы сравниваемъ одинъ предметъ съ другимъ *по качеству*, то замѣчаемъ, что мѣра качества бываетъ неодинакова во всѣхъ предметахъ: въ одномъ предметѣ качества извѣстнаго—больше, въ другомъ—меньше другихъ. Эту разницу степени качествъ у сравниваемыхъ предметовъ прилагательныя имена обозначаютъ особою формою или окончаніями—*степенями сравненія*.

2. Но качество замѣчаемъ въ предметѣ не въ одинаковой мѣрѣ и степени, когда и не сравниваемъ одинъ предметъ съ другимъ; такую разницу въ степени качествъ отмѣчаемъ особыми окончаніями: *оватый ехонекъ*—бѣловатый, бѣлехонекъ.

СТАТЬИ ДЛЯ ПОВТОРЕНІЯ ПРОЙДЕННАГО.

Выберите прилательныя имена, — укажите, какія изъ нихъ по значенію безотносительныя, и какія относительныя, а по формѣ—опредѣленныя и неопредѣленныя,—употребите нѣкоторыя изъ нихъ въ сравнительной и превосходной степени. Какъ пишется родит. п. един. числа муж. и средняго рода,—именительный множ. всѣхъ родовъ? какъ пишется сравнительная степень? Употребите выбранныя прилагательныя, какъ слова опредѣлительныя и какъ сказуемыя въ собственныхъ примѣрахъ.

КЪ ДѢТЯМЪ.

Бывало, въ глубокій полуночный часъ,
Малютки, приду любоваться на васъ:—
Бывало, люблю васъ крестомъ знаменать,
Молиться, да будетъ на васъ благодать,
Любовь Вседержителя Бога.
Стеречь умиленно вашъ дѣтскій покой,
Подумать о томъ, какъ вы чисты душой,

Надѣяться долгихъ и счастливыхъ дней
Для васъ беззаботныхъ и милыхъ дѣтей,
Какъ сладко, какъ радостно было!
Теперь прихожу я: вездѣ темнота;
Нѣтъ въ комнатѣ жизни; кроватка пуста,
Въ лампадѣ погасъ предъ иконою свѣтъ.
Мнѣ грустно, малютокъ моихъ уже нѣтъ!
И сердце такъ больно сожмется!
О дѣти, въ глубокій полуночный часъ
Молитесь о томъ, кто молился о васъ,
О томъ, кто любилъ васъ крестомъ знаменать;
Молитесь, да будетъ и съ нимъ благодать,
Любовь Вседержителя Бога! *А. Хомяковъ.*

ГОРОДОКЪ ВЪ ТАБАКЕРКѢ.

Папенька поставилъ на столѣ табакерку. «Поди-ка сюда, Миша, посмотри-ка», сказалъ онъ. Миша былъ послушный мальчикъ; тотчасъ оставилъ свои игрушки, и подошелъ къ папенькѣ. Да ужь было чего посмотрѣть. Какая прекрасная табакерка! пестренькая, изъ черепахи. А что на крышкѣ-то! Ворота, башеньки, домикъ, другой, третій, четвертый — и счесть нельзя; и все малъ-мала меньше, и все золотые; а деревья-то также золотыя, а листики на нихъ серебряные; а за деревьями встаетъ солнышко и отъ него розовые лучи по всему небу.

«Что это за городокъ?» спросилъ Миша.

— Это городъ Динь-динь — отвѣчалъ папенька, и тронулъ пружинку... и что же? вдругъ невидимо гдѣ заиграла музыка.—Откуда слышна эта музыка,

Миша не могъ понять; онъ ходилъ и къ дверямъ — не изъ другой ли комнаты? и къ часамъ — не въ часахъ ли? и къ бюро, и къ горкѣ; прислушивался то въ томъ, то другомъ мѣстѣ; смотрѣлъ и подъ столъ... наконецъ Миша увѣрился, что музыка точно играла въ табакеркѣ. Онъ подошелъ къ ней, смотритъ, а изъ-за деревьевъ солнышко выходитъ, крадется тихонько по небу, а небо и городокъ все свѣтлѣе, да свѣтлѣе, окошки горятъ яркимъ огнемъ и отъ башенокъ будто сіяніе; вотъ солнышко перешло черезъ небо на другую сторону, все ниже, да ниже, и наконецъ за пригоркомъ совсѣмъ скрылося—и городокъ потемнѣлъ, ставни закрылись и башеньки померкли, только ненадолго; вотъ затеплилась звѣздочка, вотъ другая; вотъ и мѣсяцъ рогатый выглянулъ изъ-за деревьевъ, и въ городѣ стало опять свѣтлѣе, окошки засеребрились, и отъ башенокъ пошли синеватые лучи.

«Папенька! папенька! нельзя ли войти въ этотъ городокъ? куда бы мнѣ хотѣлось!»

— Мудрено, мой другъ, — этотъ городокъ тебѣ не по росту.

«Ничего, папенька, я такой маленькій — только пустите меня туда;—мнѣ какъ бы хотѣлось узнать, что тамъ дѣлается...»

— Право, другъ мой, тамъ и безъ тебя тѣсно.

«Да кто же тамъ живетъ?»

— Кто тамъ живетъ? Тамъ живутъ колокольчики. — Съ сими словами папенька поднялъ крышку на табакеркѣ, и что же увидѣлъ Миша? и ко-

локольчики, и молоточки, и валикъ, и колеса. Миша удивился: «Зачѣмъ эти колокольчики? зачѣмъ молоточки? зачѣмъ валикъ съ крючками?» спрашивалъ Миша у папеньки.

А папенька отвѣчалъ: «Не скажу тебѣ, Миша; самъ посмотри попристальнѣе, да подумай; авось-либо отгадаешь. Только вотъ этой пружинки не трогай, а иначе все изломается.»

Папенька вышелъ, а Миша остался надъ табакеркой: вотъ онъ сидѣлъ, сидѣлъ надъ нею, смотрѣлъ, думалъ, думалъ: отчего звенятъ колокольчики?

Между-тѣмъ музыка играетъ, да играетъ; вотъ все тише да тише, какъ будто что-то цѣпляется за каждую ножку, какъ будто что-то отталкиваетъ одинъ звукъ отъ другаго; вотъ Миша смотритъ; въ низу табакерки подъ шалнеромъ отворяется дверца и изъ дверцы выбѣгаетъ мальчикъ съ золотою головкою и въ стальной юбочкѣ, останавливается на порогѣ и манитъ къ себѣ Мишу.

«Да отчего же,» подумалъ Миша, «папенька сказалъ, что въ этомъ городѣ и безъ меня тѣсно; нѣтъ, видно, въ немъ живутъ добрые люди—видите, зовутъ меня въ гости; извольте, господа, извольте, съ величайшею радостію.»

Съ сими словами Миша побѣжалъ къ дверцѣ, и съ чрезвычайнымъ удивленіемъ замѣтилъ, что дверца ему пришлась точь въ точь по росту. Какъ хорошо воспитанный мальчикъ, онъ почелъ долгомъ прежде всего обратиться къ своему провожатому:

«Позвольте узнать,» сказалъ Миша: «съ кѣмъ я имѣю честь говорить?»

— Динь, динь, динь—отвѣчалъ незнакомецъ,— я *Мальчикъ—колокольчикъ*, житель этого городка. Мы слышали, что вамъ очень хочется побывать у насъ въ гостяхъ, и потому рѣшились просить васъ сдѣлать намъ честь и къ намъ пожаловать — динь, динь, динь; динь, динь, динь.

Миша учтиво поклонился. Мальчикъ—колокольчикъ взялъ его за руку, и они пошли. Тутъ Миша замѣтилъ, что надъ ними былъ сводъ, сдѣланный изъ пестрой тисненой бумажки съ золотыми краями; передъ нимъ былъ другой сводъ, только поменьше; потомъ третій еще меньше; четвертый еше меньше, и такъ всѣ другіе своды; чѣмъ дальше, тѣмъ меньше, такъ что въ послѣдній, казалось, едва могла пройти головка его провожатаго.

«Я вамъ очень благодаренъ за ваше приглашеніе,» сказалъ ему Миша, «но не знаю: можно ли будетъ мнѣ имъ воспользоваться; — правда, здѣсь я свободно прохожу, но тамъ дальше, посмотрите, какіе у васъ низенькіе своды; тамъ я, позвольте сказать откровенно, тамъ я и ползкомъ не пройду; я удивляюсь, какъ и вы подъ ними проходите...»

— Динь, динь, динь! — отвѣчалъ мальчикъ — пройдемъ, не безпокойтесь, ступайте только за мною.

Миша послушался. Въ самомъ дѣлѣ, съ каждымъ ихъ шагомъ, казалося, своды подымались, и они всюду свободно проходили; когда же они дошли до послѣдняго свода, тогда Мальчикъ—колокольчикъ по-

просилъ Мишу оглянуться назадъ. Миша оглянулся, и что же увидѣлъ? Теперь тотъ первый сводъ, подъ который онъ подошелъ, входя въ дверцы, казался ему маленькимъ, какъ будто, пока они шли, онъ опустился.

Миша былъ очень удивленъ. «Отчего это?» спросилъ онъ у своего проводника

Динь, динь, динь! — отвѣчалъ проводникъ со смѣхомъ — издали всегда такъ кажется; видно вы ни на что въ даль со вниманіемъ не смотрѣли: въ дали все кажется маленькимъ, а подойдешь — большое.

«Да, это правда,» отвѣчалъ Миша, «я до сихъ поръ не подумалъ объ этомъ, и оттого вотъ что со мною случилось: третьяго дня я хотѣлъ нарисовать, какъ Машенька возлѣ меня играетъ на фортепьяно, а папенька на другомъ концѣ комнаты читаетъ книжку; только этого мнѣ никакъ не удавалось сдѣлать; тружусь, тружусь, рисую какъ можно вѣрнѣе, а все на бумагѣ у меня выйдетъ, что папенька возлѣ маменьки сидитъ, и кресла его возлѣ фортепьяно стоятъ, — а между-тѣмъ я очень хорошо вижу, что фортепьяно стоитъ возлѣ меня у окошка, а папенька сидитъ на другомъ концѣ у камина. Маменька мнѣ говорила, что папеньку надобно нарисовать маленькимъ,—но я думалъ, что маменька шутитъ, потому-что папекька гораздо больше ея ростомъ; но теперь вижу, что маменька правду говорила; точно, папеньку надобно было нарисовать маленькимъ, потому-что онъ сидѣлъ вдалекѣ. Очень

вамъ благодаренъ за объясненіе, очень благодаренъ.«

Мальчикъ-колокольчикъ смѣялся изо всѣхъ силъ. «Динь, динь, динь, какъ смѣшно! Динь, динь, динь, какъ смѣшно! Не умѣть нарисовать папеньку съ маменькой. Динь, динь, динь, динь, динь, динь.»

Мишѣ показалось досадно, что Мальчикъ-колокольчикъ надъ нимъ такъ немилосердно насмѣхается, и очень вѣжливо сказалъ ему: «Позвольте мнѣ спросить у васъ, зачѣмъ вы къ каждому слову все говорите: динь, динь, динь?

— Ужь у насъ поговорка такая, — отвѣчалъ Мальчикъ-колокольчикъ.

«Поговорка? замѣтилъ Миша,» а вотъ папенька говоритъ, что очень не хорошо привыкать къ поговоркамъ.»

Мальчикъ-колокольчикъ закусилъ губы и не сказалъ болѣе ни слова.

Вотъ передъ нимъ еще дверцы; онѣ отворились, и Миша очутился на улицѣ — что за улица! что за городокъ! мостовая вымощена перламутромъ; небо пестренькое черепаховое, по небу ходитъ золотое солнышко; поманишь его — оно съ неба сойдетъ, вкругъ руки обойдетъ и опять поднимется; а домики-то стальные, полированные, крытые разноцвѣтными раковинками, и подъ каждою крышкою сидитъ мальчикъ-колокольчикъ, съ золотою головкой, въ серебряной юбочкѣ, и много ихъ, много, а все малъ-мала меньше.

«Нѣтъ, теперь ужь меня не обманутъ,» сказалъ

Миша: «это такъ только мнѣ кажется изъ дали, а колокольчики-то всѣ одинакіе.»

— Анъ вотъ и неправда, — отвѣчалъ провожатый, колокольчики не одинакіе. Если бы мы всѣ были одинакіе, то и звенѣли бы мы всѣ въ одинъ голосъ, одинъ какъ другой; а ты слышишь, какія мы пѣсни выводимъ; это оттого, что кто изъ насъ побольше, у того и голосъ потолще; неужь-ли ты и этого не знаешь? Вотъ видишь-ли, Миша, это тебѣ урокъ; впередъ не смѣйся надъ тѣми, у которыхъ поговорка дурная; иной и съ поговоркою, а больше другаго знаетъ, и можно отъ него кое-чему научиться.»

Миша въ свою очередь закусилъ язычокъ.

Между-тѣмъ ихъ окружили мальчики-колокольчики, теребили Мишу за платье, звенѣли, прыгали, бѣгали...

«Весело вы живете!» сказалъ имъ Миша.» Вѣкъ бы съ вами остался; цѣлый день вы ничего не дѣлаете, у васъ ни уроковъ, ни учителей — да еще и музыка цѣлый день.»

— Динь, динь, динь!—закричали колокольчики— ужь нашелъ у насъ веселье! Нѣтъ, Миша, плохое намъ житье. Правда, уроковъ у насъ нѣтъ — да что же въ томъ толку? мы бы уроковъ не побоялись! Вся наша бѣда именно въ томъ, что у насъ никакого нѣтъ дѣла; нѣтъ у насъ ни книжекъ, ни картинокъ, — нѣтъ ни папеньки, ни маменьки — нечѣмъ заняться; цѣлый день играй, да играй, а вѣдь это, Миша, очень, очень скучно. Повѣришь

ли? Хорошо наше черепаховое небо, хорошо и золотое солнышко и золотыя деревья, — но мы—мы насмотрѣлись на нихъ вдоволь, и все это очень намъ надоѣло; изъ городка мы ни пяди, а ты можешь себѣ вообразить, каково цѣлый вѣкъ, ничего не дѣлая, просидѣть въ табакеркѣ съ музыкою. «Да» отвѣчалъ Миша, «вы говорите правду; это и со мною случается. Когда послѣ ученья примешься за игрушки, то какъ весело; а когда въ праздникъ цѣлый день все играешь да играешь, то къ вечеру сдѣлается скучно; и за ту и за другую игрушку примешься — все не мило. Я долго не понималъ, отъ чего это, а теперь понимаю.»

— Да сверхъ того на насъ есть другая бѣда, Миша—у насъ есть дядьки.

«Какіе же дядьки?» спросилъ Миша.

— Дядьки молоточки—отвѣчали колокольчики—ужь какіе злые! то и дѣло, что ходятъ по городу, да насъ постукиваютъ; которые побольше, тѣмъ еще рѣже *тукъ-тукъ* бываетъ, а ужь маленькимъ куда больно достается.

Въ самомъ дѣлѣ Миша увидѣлъ, что по улицѣ ходили какіе-то господа на тоненькихъ ножкахъ, съ предлинными носами и шептали между собою: тукъ, тукъ, тукъ! тукъ, тукъ, тукъ!

И въ самомъ дѣлѣ Дядьки-молоточки безпрестанно то по тому, то по другому колокольчику тукъ да тукъ, индо бѣдному Мишѣ жалко стало. Онъ подошелъ къ этимъ господамъ, очень вѣжливо имъ поклонился и съ добродушіемъ спросилъ: зачѣмъ

они безъ всякаго сожалѣнія колотятъ бѣдныхъ мальчиковъ? А молоточки ему въ одвѣтъ: «Прочь ступай, не мѣшай. Тамъ въ палатѣ и въ халатѣ надзиратель лежитъ и стучать намъ велитъ. Тукъ, тукъ, тукъ,—тукъ, тукъ, тукъ!

«Какой — это у васъ надзиратель?» спросилъ Миша у колокольчиковъ.

— А, это г. Валикъ — зазвенѣли они; — предобрый человѣкъ, день и ночь съ дивана не сходитъ — на него мы не можемъ пожаловаться.

— Миша къ Надзирателю — смотритъ; онъ въ самомъ дѣлѣ лежитъ на диванѣ въ халатѣ и съ боку на бокъ переворачивается, только все лицомъ къ верху. А по халату-то у него шпильки, крючечьки видимо-невидимо; только что попадется ему молоточекъ, онъ его крючкомъ сперва зацѣпитъ, потомъ спуститъ, а молоточекъ-то и стукнетъ по колокольчику.

Только-что Миша къ нему подошелъ, какъ Надзиратель закричалъ: Шуры-муры! кто здѣсь ходитъ? кто здѣсь бродитъ? Шуры-муры! кто прочь нейдетъ? кто мнѣ спать не даетъ? шуры-муры, шуры-муры!

«Это я,» храбро отвѣчалъ Миша, я Миша...»

— А что тебѣ надобно?—спросилъ Надзиратель.

«Да мнѣ жаль бѣдныхъ мальчиковъ-колокольчиковъ; они всѣ такіе умные, такіе добрые, такіе музыканты, а по вашему приказанію дядьки ихъ безпрестанно постукиваютъ....»

— А мнѣ какое дѣло—шуры муры—не я здѣсь

набольшій — пусть себѣ дядьки стукаютъ мальчиковъ — мнѣ что за дѣло — я надзиратель добрый, все на диванѣ лежу и ни за кѣмъ не гляжу...» шуры-муры, шуры-муры....

«Ну, многому же я научился въ этомъ городкѣ!» сказалъ про себя Миша, «вотъ еще иногда мнѣ бываетъ досадно, зачѣмъ надзиратель меня съ глазъ не спускаетъ! Экой злой! думаю я—вѣдь онъ мнѣ не папенька и не маменька: что ему за дѣло, что я шалю — зналъ бы сидѣлъ въ своей комнатѣ. — Нѣтъ, теперь вижу, что бываетъ съ бѣдными мальчиками, когда за ними никто не смотритъ.

Между-тѣмъ Миша пошелъ далѣе — и остановился. Смотритъ: золотой шарикъ съ жемчужною бахрамою, на верху золотой флюгеръ вертится будто вѣтренная мельница, а подъ шатромъ лежитъ *Царевна-пружинка* и какъ змѣйка то свернется, то развернется, и безпрестанно надзирателя подъ бокъ толкаетъ.

Миша этому очень удивился и сказалъ ей: «Сударыня-царевна! зачѣмъ ты надзирателя подъ бокъ толкаешь?»

— Зицъ, зицъ, зицъ—отвѣчала Царевна—глупый ты мальчикъ! неразумный мальчикъ! на все смотришь, ничего не видишь! какъ бы я валикъ не толкала, валикъ бы не вертѣлся; какъ бы валикъ не вертѣлся, то онъ за молоточки бы не цѣплялся; кабы за молоточки не цѣплялся, молоточки бы не стучали; кабы молоточки не стучали, колокольчики бы не

звенѣли; кабы колокольчики не звенѣли, и музыки бы не было! зицъ, зицъ, зицъ.

Мишѣ захотѣлось узнать, правду ли говоритъ Царевна: наклонился и прижалъ ее пальчикомъ — и что же? въ одно мгновеніе пружинка съ силою развилась, валикъ сильно завертѣлся, молоточки быстро застучали, колокольчики заиграли дребедень— и вдругъ пружинка лопнула, все умолкло, валикъ остановился, молоточки попадали, колокольчики свернулись на сторону, солнышко повисло, домики изломались... тогда Миша вспомнилъ, что папенька не приказывалъ ему трогать пружинки, испугался и... проснулся.

«Что во снѣ видѣлъ, Миша?» спросилъ папенька.

Миша долго не могъ опамятоваться — смотритъ: таже папенькина комната, таже передъ нимъ табакерка, возлѣ него сидятъ папенька и маменька и смѣются.

«Гдѣ же *Мальчикъ-колокольчикъ?* гдѣ *Дядька-молоточикъ?* гдѣ *Царевна-пружинка?*» — спрашивалъ Миша: «такъ это былъ сонъ?»

— Да, Миша, тебя музыка убаюкала, и ты здѣсь порядочно вздремнулъ; разскажи же намъ покрайней-мѣрѣ, что тебѣ приснилось?

«Да видите, папенька» сказалъ Миша, протирая глазки, «мнѣ все хотѣлось узнать, отчего музыка въ табакеркѣ играетъ; вотъ я принялся на нее прилежно смотрѣть и разбирать, что въ ней движется и отчего движется; думалъ—думалъ и сталъ уже добираться — какъ вдругъ, смотрю, дверца въ та-

бакеркѣ растворилась... «Тутъ Миша разсказалъ весь свой сонъ по порядку.

— Ну, теперь вижу — сказалъ папенька, что ты въ самомъ дѣлѣ почти понялъ, отчего музыка въ табакеркѣ играетъ, — но ты еще лучше поймешь, когда будешь учиться *Механикѣ*.

Кн. Одоевскій.

ПОДРАЖЕНІЕ ПСАЛМУ XIV.

Кому, о Господи! доступны
Твои Сіонски высоты?
Тому, чьи мысли неподкупны,
Чьи цѣломудренны мечты;
Кто дѣлъ своихъ цѣною злата
Не взвѣшивалъ, не продавалъ,
Не ухищрялся противъ брата
И на врага не клеветалъ;
Но вѣрой въ Бога укрѣплялся,
Но сердцемъ чистымъ и живымъ
Ему со страхомъ поклонялся,
Съ любовью плакалъ передъ Нимъ!

И святъ, о Боже! Твой избранникъ!
Мечемъ ли руку ополчитъ:
Велѣній Господа посланникъ,
Онъ исполина сокрушитъ!
Въ вѣнцѣ ли онъ: его народы
Возлюбятъ правду; весь и градъ
Взыграютъ радостью свободы,
И нивы златомъ закипятъ!

Возьметъ ли арфу: Дивной силой
Духъ преисполнится его—
И какъ орелъ ширококрылый,
Взлетитъ до неба твоего! *Н. Языковъ.*

ЗАГАДКИ

Мать толста,
Дочь красна,
Сынъ храберъ
Подъ небеса ушелъ.

—

Не княжеской породы,
А ходитъ съ короной,
Не ратной ѣздокъ,
А съ ремнемъ на ногѣ,
Не сторожемъ стоитъ,
А всѣхъ рано будитъ.

—

ГЛАВА VII.

Б. Для выраженія обстоятельственныхъ словъ и отношенія ихъ въ предложеніи.

§ 35. НАРѢЧІЕ—КОСВЕННЫЕ ПАДЕЖИ. ДѢЕПРИЧАСТІЕ. ВИДЫ НАРѢЧІЙ. ПРЕХОДЪ НАРѢЧІЙ ВЪ ПРЕДЛОГИ. СТЕПЕНИ СРАВНЕНІЯ НАРѢЧІЙ. ПРАВОПИСАНІЕ.

ВОСКРЕСНОЕ УТРО ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Слушай, дружокъ! (говоритъ Воскресенью Суббота)
деревня

* Языковъ Николай Михайловичъ родился въ Симбирскѣ 1803 г., умеръ въ Москвѣ 1846 г.

Вся ужь заснула давно; въ окрестности все ужь
покойно;
Время и мнѣ на покой; меня одолѣла дремота;
Полночь близко!... И только успѣла Суботa про-
молвить:
«Полночь»! а полночь ужь тутъ, и ее принимаетъ
безмолвно
Въ тихое лоно. Моя череда! говоритъ Воскресенье.
Легкой рукою, тихонько двери свои отворило,
Вышло—и смотритъ на звѣзды: звѣзды ярко сіяютъ;
На небѣ темно и чисто; у солнышка завѣсъ задер-
нутъ.
Долго еще до разсвѣта: все спитъ; иногда повѣ-
ваетъ
Свѣжій ночной вѣтерокъ, сквозь сонъ встрепенув-
шись, какъ будто
Утра далекій приходъ боясь пропустить. Невидимкой
Ходитъ, какъ духъ безтѣлесный, неслышной стопой
Воскресенье.
Въ рощу заглянетъ — тамъ тихо; листья молчатъ;
сквозь вершины
Темныхъ деревъ, какъ безчислены очи, звѣздочки
смотрятъ;
Кое-гдѣ яркій свѣтлякъ на листочкѣ горитъ, какъ
лампада
Въ кельѣ отшельника. По лугу тихо пройдетъ —
тамъ незримый
Шепчетъ ручей, пробираясь по камнямъ; кругомъ
вся окрестность,
Холмы, деревья въ невѣрныя тѣни слились, и молча

Слушаютъ шопотъ. Зайдетъ на кладбище — могилы
въ глубокомъ
Снѣ, и подъ легкимъ ихъ дерномъ, какъ будто что
дышитъ свободнымъ,
Свѣжимъ дыханьемъ. Въ село завернетъ — и тамъ
все покойно;
Пусто на улицѣ; спятъ пѣтухи, и сельская церковь
Съ темной своей колокольней, *внутри* озаренная
слабымъ
Блескомъ свѣчи предъ иконой, стоитъ, какъ будто
безмолвный
Сторожъ деревни. Спокойно на паперти сѣвъ, Вос-
кресенье
Ждетъ посреди глубокой тьмы и молчанья, чтобъ утро
На небѣ тронулось... Тронулось утро, во тьму и
молчанье
Что-то живое проникло; стало свѣжѣе, и звѣзды
Начали тускнуть.... Пѣтухъ закричалъ. Воскре-
сенье тихонько
Подняло занавѣсъ спящаго солнца тихонько, шепнуло:
«Солнышко, встань!....» И разомъ подернулся блѣд-
ной струею
Темный востокъ; началось тамъ движенье, и слѣ-
домъ за яркой
Утренней звѣздочкой, рой облаковъ прилетѣлъ и
усыпалъ
Небо, и лучъ за лучомъ полились, облака зажигая...
Вдругъ между ними, какъ радостный ангелъ, солнце
явилось.
Вся деревня проснулась и видитъ: стоитъ Воскре-

Въ свѣжемъ вѣнкѣ изъ цвѣтовъ и, сіяя на солнцѣ,
«Доброе утро!»всѣмъ говоритъ. И торжественно тихій
Праздникъ приходитъ на смѣну заботливотрудной
недѣли;
Благовѣстъ звонкій въ церковь зоветъ—и въ одеждѣ
воскресной
Старый и малый идутъ на молитву.... Въ деревнѣ
молчанье,
Въ церкви дымятся кадилы, и тихое слышится пѣнье.

Жуковскій.

а. «По лугу тихо пройдетъ воскресенье—тамъ незримый шепчетъ ручей, пробираясь по камнямъ.» *Тихо* выражаетъ обстоятельство образа дѣйствія (какъ?), и относится къ глаголу *пройдетъ*. *Тамъ*, т. е на лугу выражаетъ обстоятельство мѣста, и относится къ глаголу *шепчетъ*.

b. *По лугу* есть обстоятельсто мѣста, но оно выражено существительнымъ въ дательномъ падежѣ; *пробираясь* показываетъ обстоятельсто образа, но выражено дѣепричастіемъ.

ГЛАВА VIII.

Д. Для выраженія отношеній между предложеніями.

§ 36. союзъ—различные виды союзовъ. нарѣчія и мѣстоименія, употребляемыя для одной цѣли съ союзомъ. правописаніе.

МЫШЬ И КРЫСА.

«Сосѣдка! слышала ль ты добрую молву?
Вбѣжавши, Крысѣ Мышь сказала:
Вѣдь кошка, говорятъ, попалась въ когти льву?
Вотъ отдохнуть и намъ пора настала!»
«Не радуйся, мой свѣтъ»,
Ей Крыса говоритъ въ отвѣтъ:

«И не надѣйся по постому!
Коль до когтей у нихъ дойдетъ,
То, вѣрно, льву не быть живому:
Сильнѣе кошки звѣря нѣтъ!»

—

Я сколько разъ видалъ, примѣтьте это сами:
Когда боится трусъ кого,
То думаетъ, что на того
Весь свѣтъ глядитъ его глазами. *Крыловъ.*

«*Когда* боится трусъ кого,
То думаетъ, что на того
Весь свѣтъ глядитъ его глазами.»

Здѣсь три предложенія: *когда боится трусъ кого*, относится къ *думаетъ*, показывая обстоятельство времени, слѣдовательно употреблено какъ обстоятельственное слово времени. *Что на того весь свѣтъ глядитъ его глазами*, относится къ томуже сказуемому *думаетъ*, какъ дополненіе. Стало-быть оба эти предложенія находятся въ различныхъ отношеніяхъ къ одному и тому же поясняемому слову, и про эти различныя отношенія мы узнаемъ и по внутренней ихъ связи, и по словамъ «*когда-что*» показывающимъ ихъ отношенія къ главному.

§ 37. МЕЖДОМЕТІЕ. ОБЩІЙ ПЕРЕЧЕНЬ ЧАСТЕЙ РѢЧИ. РАЗЛИЧІЕ ИХЪ a) ПО ЗНАЧЕНІЮ И b) ПО ФОРМѢ.

ЧУЖЕЗЕМНОЕ РАСТЕНІЕ.

Что сдѣлалось съ тобою нынѣ?
О, милый кустъ! ты блѣденъ сталъ;
Гдѣ зелень, запахъ твой? Увы! онъ отвѣчалъ:
Я на чужбинѣ. *И. Дмитріевъ* *.

---

* Дмитріевъ Иванъ Ивановичъ родился въ Симбирскѣ 1760 г., 10 сентября, умеръ въ Москвѣ 1837 г., октября 3, въ пятомъ часу по полудни.

1. Что такое увы! глаголъ или существительное, нарѣчіе или предлогъ? принадлежитъ ли къ разряду извѣстныхъ намъ частей рѣчи? *Увы* выражаетъ чувство грусти.

2. Всѣ части рѣчи, по употребленію своему въ предложеніи, по службѣ своей въ рѣчи, или выражаютъ извѣстныя опредѣленныя понятія, или *служатъ* только къ показанію связи и отношенія понятій и предложеній другъ къ другу или къ лицу говорящему.

3. Одни изъ частей рѣчи, чтобъ выразить свое въ предложеніи отношеніе къ другимъ словамъ, принимаютъ различныя формы, измѣняются по окончаніямъ; другія же напротивъ не терпятъ поремѣнъ, остаются неизмѣняемыми.

СТАТЬИ ДЛЯ ПОВТОРЕНІЯ ПРОЙДЕННАГО.

Укажите нарѣчія, и различите, какія изъ нихъ знаменательныя, и какія служебныя; выберите союзы, и покажите, какія отношенія ими обозначены, — скажите, гдѣ мѣстоименія и нарѣчія употреблены въ видѣ союзовъ. Различите части рѣчи по значенію и по формѣ. Чѣмъ междометіе разнится отъ другихъ частей рѣчи?

НЕ ВЗНАЧАЙ, А КСТАТИ.

Въ Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова *, бывшей въ домѣ Державина, приготовляясь къ публичному чтенію, просили Крылова прочитать одну изъ его новыхъ басенъ, которыя тогда были лакомымъ блюдомъ всякаго литературнаго пира и угощенія. Онъ обѣщалъ; но на предварительное чтеніе не явился, а пріѣхалъ въ Бесѣду во время самаго чтенія, и довольно поздно. Читали какую-то чрезвычайно длинную піесу; онъ сѣлъ за столъ. Предсѣ-

* Общество это было основано въ Петербургѣ въ 1811 году, и открыло свои дѣйствія 14 марта, при собраніи 200 человѣкъ обоего пола. Труды его были издаваемы подъ заглавіемъ; *Чтеніе въ бесѣдѣ любителей русскаго слова.*

датель *должностнаго разряда* А. С. Хвостовъ, сидѣвшій противъ него же за столомъ, въ полголоса спрашиваетъ у него: Иванъ Андреевичъ, что, привезли?— Привезъ.— Пожалуйте мнѣ.— Вотъ ужó, послѣ. Длилось чтеніе, публика утомилась, начинала скучать, зѣвота овладѣла многими. Наконецъ дочитана піеса. Тогда И. А. руку въ карманъ, вытащилъ измятый листочекъ, и началъ: *Демьянова уха.*

«Сосѣдушка, мой свѣтъ!
Пожалуйста, покушай.»
—«Сосѣдушка, я сытъ по горло.—«Нужды нѣтъ,
Еще тарелочку; послушай:
Ушица, ей-же-ей, на славу сварена!»
—«Я три тарелки съѣлъ.—«И, полно, что за счеты;
Лишь стало-бы охоты,—
А то во здравье ѣшь до дна!
Что за уха! Да, какъ жирна:
Какъ-будто янтаремъ подернулась она.
Потѣшь же, миленькій дружочекъ!
Вотъ лещикъ, потроха, вотъ стерляди кусочекъ!
Еще хоть ложечку! Да кланяйся, жена!»
Такъ потчивалъ сосѣдъ-Демьянъ сосѣда—Фоку,
И не давалъ ему ни отдыху, ни сроку;
А съ Фоки ужь давно катился градомъ потъ.
Однако же еще тарелку онъ беретъ:
Сбирается съ послѣдней силой,
И, очищаетъ всю. «Вотъ друга я люблю!»
Вскричалъ Демьянъ: «зато ужь чванныхъ не терплю.
Ну, скушай же еще тарелочку, мой милый!»
Тутъ бѣдный Фока мой,

Какъ ни любилъ уху, но отъ бѣды такой,
Схватя въ охапку
Кушакъ и шапку,—
Скорѣй безъ памяти домой,
И съ той поры къ Демьяну ни ногой.

—

Писатель, счастливъ ты, коль даръ прямой имѣешь:
Но если помолчать во время не умѣешь,
И ближняго ушей ты не жалѣешь:
То вѣдай, что твои и проза и стихи
Тошнѣе будутъ всѣмъ Демьяновой ухи.

Содержаніе басни удивительнымъ образомъ соотвѣтствовало обстоятельствамъ, и принаровленіе было такъ ловко, такъ кстати, что публика громкимъ хохотомъ отъ всей души наградила автора за басню, которою онъ отплатилъ за ея скуку, развеселивъ ее прелестью своего разсказа. *Лобановъ.* *

ВСЮ ЖИЗНЬ БЕЗПОКОИЛСЯ.

У Петра Великаго просили дозволенія сдѣлать съ него, по его кончинѣ, статую, «дабы потомство, взирая на нее, и по смерти ему удивлялось.» Тутъ же предложили: «чтобы статуя имѣла движеніе и могла подниматься.» — Подниматься! сказалъ удивленный Петръ: «для кого?»... Потомъ, съ видомъ кроткимъ, прибавилъ онъ: «Не лучше ли, друзья мои, оставить ее въ покоѣ, понеже подлинникъ всю жизнь безпокоился.»

---

* Лобановъ Михайло Евстафьевичъ родился въ Петербургѣ 1787 г., умеръ тамъ же, 3 іюня, 1846 года.

НАЧАЛЬНИКЪ И ОТЕЦЪ.

Въ сраженіи подъ Аустерлицемъ раненъ смертельно зять Кутузова, графъ Тизенгаузенъ, прекрасный молодой человѣкъ. Движимый духомъ мужества, онъ стремился въ самыя опасныя мѣста; пуля пробила ему грудь, онъ упалъ съ лошади.

Кутузовъ, узнавъ объ этомъ печальномъ извѣстіи, не изъявилъ ни малѣйшаго знака наружной скорби: казалось, онъ былъ совершенно покоенъ, и съ необыкновеннымъ хладнокровіемъ въ продолженіе цѣлаго сраженія отдавалъ приказанія, Но, на другой день приближенные застали его въ невыразимой горести: слезы текли ручьями; онъ рыдалъ неутѣшно надъ трупомъ любимаго сына, погибшаго въ первыхъ лѣтахъ юности... Желая его успокоить, нѣкоторые изъ приближенныхъ рѣшились сказать, что они не ожидали видѣть его въ такомъ отчаяніи послѣ того великодушія, съ которымъ перенесъ онъ вчера этотъ ударъ. — «Вчера» — отвѣчалъ Кутузовъ — «я былъ начальникъ, а сегодня — отецъ!»

ВЫГОВОРЪ СУВОРОВА СВОЕМУ АДЪЮТАНТУ, ЯВИВШЕМУСЯ НЕ ВЪ СРОКЪ ИЗЪ ОТПУСКА.

Всѣмъ извѣстно, какъ графъ Александръ Васильевичъ любилъ самъ точность въ исполненіи служебныхъ обязанностей, и строго требовалъ ея отъ своихъ подчиненныхъ. Однажды, — это было въ Финляндіи, въ крѣпости Роченсальмѣ, построенной на островѣ Коткѣ — Суворовъ отпустилъ своего

адъютанта въ домовой отпускъ, на срочное время. Срокъ отпуска давно уже прошелъ, а адъютанта нѣтъ. Графъ однакоже вспомнилъ объ немъ и спросилъ: не пріѣхалъ ли онъ? Но ему отвѣчали, что его еще нѣтъ. Суворову это не понравилось. Наконецъ адъютантъ явился, и первый его вопросъ былъ: не спрашивалъ ли меня графъ?

— Нѣсколько уже разъ, отвѣчали его товарищи, и кажется, онъ тобой за то не доволенъ; а если ты хочешь загладить свою вину, то совѣтуемъ тебѣ сейчасъ же итти къ нему и просить извиненія въ твоей просрочкѣ.

Какъ сказано, такъ и сдѣлано,

— А гдѣ теперь графъ? спросилъ адъютантъ.

— Купается въ морѣ, отвѣчали ему.

Адъютантъ не заставилъ себя долго дожидаться, приказалъ денщику подать парадный свой мундиръ, бѣлые панталоны и ботфорты, въ минуту переодѣлся, и пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ купался Суворовъ. Александръ Васильевичъ, еще издали увидя возвратившагося своего адъютанта, началъ уходить дальше отъ берега. Адъютантъ догадался, что Суворовъ хочетъ сыграть съ нимъ шутку, и, не пожалѣлъ параднаго мундира, отправился въ воду, и идетъ прямо на графа. Суворовъ понялъ, что адъютантъ угадалъ его намѣреніе, и пошелъ еще дальше въ море; адъютантъ за нимъ. Наконецъ Суворовъ зашелъ въ воду по самое горло, но адъютантъ не отстаетъ отъ него. Александръ Васильевичъ, видя, что бѣдный адъютантъ намокъ, какъ курица,

и что этого наказанія достаточно съ него, остановился и подпустилъ его къ себѣ; адъютантъ подошелъ къ графу, вытянулся, приложилъ руку къ каскѣ и явился.

Суворовъ, посмѣялся надъ мокрымъ адъютантомъ, сдѣлалъ ему отеческій выговоръ, приказалъ идти на квартиру, переодѣться и впредь выполнять въ точности всѣ приказанія, если въ парадной формѣ не хочетъ купаться въ морѣ.

ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ПАПЫ ПІЯ IX.

Правленіе нынѣшняго папы въ самомъ началѣ ознаменовалось чертами доброты, благотворительности, человѣколюбія, энергіи и ума, которыя приобрѣли ему всеобщую любовь и уваженіе.

Пій IX началъ реформу съ собственнаго своего дома. Шестьдесятъ дорогихъ лошадей откармливались въ дворцовыхъ конюшняхъ. — Половина этого числа лишняя, — сказалъ онъ, и велѣлъ продать тридцать лошадей въ пользу римскихъ бѣдныхъ. Безполезная дворня загромождала его переднія и службы; онъ уменьшилъ ее также до числа, строго необходимаго. Огромныя суммы ассигновались на содержаніе папскихъ садовъ; онъ сократилъ эту издержку, не вредя однакоже садамъ. — Я бѣдный іерей Іисуса Христа, сказалъ. онъ своему метръ-д'-отелю, а не Лукулъ, впередъ ты будешь и кормить меня, какъ бѣднаго іерея. — Ему стали подавать къ обѣду три скромныя блюда съ бутылкою самаго обыкновеннаго вина.

Однажды вечеромъ, среди продолжительнаго разговора съ кардиналомъ Джицци о необходимости нѣкоторыхъ перемѣнъ, онъ спросилъ лимонаду. Слуги тотчасъ принесли на двухъ великолѣпныхъ золотыхъ подносахъ прохладительныя всякаго рода.

— Я спрашивалъ только лимонаду, — сказалъ Папа.

— Такъ, Святѣйшій отецъ, — отвѣчали ему,— но мы должны были сообразоваться съ предписаннымъ церемоніаломъ и поднести по обыкновенію всѣ эти прохлажденія.

— Хорошо, — возразилъ Папа, — теперь принесите мнѣ лимонъ.

Ему тотчасъ принесли лимонъ.

— Дайте сахару и стаканъ воды.

Тутъ, сдѣлавъ самъ свой лимонадъ, онъ прибавилъ: «Унесите эти подносы; раздайте прохладительныя первымъ бѣднымъ, которыхъ встрѣтите, и впередъ подавайте мнѣ только то, что я спрошу, ни болѣе ни менѣе.»

Бережливый въ отношеніи къ самому себѣ, Пій IX щедръ для другихъ. Однажды еврейская депутація, представляясь въ Квириналѣ, поднесла ему старинный потиръ — образцовое произведеніе искусства, сохранявшееся двѣсти лѣтъ въ Гетто.—«Хорошо, дѣти мои, — сказалъ Папа Евреямъ съ добротою, я принимаю вашъ подарокъ съ удовольствіемъ, и благодарю васъ. Сколько бы онъ могъ стоить ефимковъ? О цѣнности его, какъ произведенія

искусства, я не говорю; въ этомъ отношеніи онъ неоцѣнимъ.

— Онъ вѣситъ пять сотъ римскихъ ефимковъ, отвѣчалъ глава депутаціи.

Тогда Пій IX написалъ быстро на первомъ, попавшемся ему клочкѣ бумаги: «Выдать тысячу ефимковъ,» подписалъ и, отдавая бумагу еврейскимъ представителямъ, сказалъ. «Примите же въ свою очередь эту сумму, и раздѣлите ее отъ имени Пія IX между бѣдными семействами Гетто.»

Человѣколюбивый, сострадательный ко всѣмъ, Пій IX не дѣлаетъ различія въ раздаяніи своихъ щедротъ.

Онъ проѣзжалъ по одной изъ отдаленныхъ улицъ Рима. Большая толпа народа собралась около старика, распростертаго на мостовой и мучившагося въ страшныхъ конвульсіяхъ. — Это жидъ, — говорилъ народъ, и при этомъ крикѣ проклятія никто не хотѣлъ подать бѣдному помощи. — Это человѣкъ!—вскричалъ Папа, проникая въ толпу, это— человѣкъ страдающій, которому должно помочь. — И поднявъ бѣдняка самъ, онъ приказалъ посадить его въ свою карету, привезъ его во дворецъ, и оставилъ бѣднаго только тогда, когда онъ пришелъ въ чувство. Папа поручилъ его своему медику.

Не одни христіане римскіе любятъ и почитаютъ Пія IX, но и несчастные жители Гетто.

ЧТО ТЫ СПИШЬ МУЖИЧОКЪ?

Что ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь весна на дворѣ;
Вѣдь сосѣди твои
Работáютъ давно.

Встань, проснись, подымись,
На себя погляди:
Чтó ты былъ? и чтó сталъ?
И чтó есть у тебя?

На гумнѣ—ни снопа;
Въ закромàхъ—ни зерна;
На дворѣ, по травѣ—
Хоть шарòмъ покати.

Изъ клѣтей домовой
Соръ метлою посмелъ;
И лошадокъ, за долгъ,
По сосѣдямъ развелъ.

И подъ лавкой сундукъ
Опрокинутъ лежитъ;
И погнувшись изба,
Какъ старушка, стоитъ.

Вспомни время свое:
Какъ катилось оно,
По полямъ и лугамъ,
Золотою рѣкой!

Со двора и гумна,
По дорожкѣ большой,
По селамъ, городамъ,
По торговымъ людямъ!

И какъ двери ему,
Растворяли вездѣ,
И въ почетномъ углѣ
Было мѣсто твое!

А теперь подъ окномъ
Ты съ нуждою сидишь,
И весь день на печи
Безъ просыпу лежишь.

А въ поляхъ, сиротой,
Хлѣбъ нескошенъ стоитъ.
Вѣтеръ точитъ зерно!
Птица клюетъ его!

Что ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь ужь лѣто прошло,
Вѣдь ужь осень на дворъ
Черезъ прясло глядитъ.

Вслѣдъ за нею зима
Въ теплой шубѣ идетъ,
Путь снѣжкомъ порошитъ,
Подъ санями хруститъ.

Всѣ сосѣди на нихъ
Хлѣбъ везутъ, продаютъ,
Собираютъ казну,
Бражку ковшичкомъ пьютъ.

А. Кольцовъ.

ОТЦОВСКІЙ ДОЛГЪ.

Происшествіе, о которомъ веду я свой разсказъ, не вымышленное: я слышалъ его отъ достовѣрныхъ людей. Случилось оно Московской губерніи, кажется, въ Звенигородскомъ уѣздѣ.

Жилъ—былъ одинъ крестьянинъ, не то чтобъ зажиточный, а хорошимъ домомъ, человѣкъ работящій и честный. Кромѣ жены, семья его состояла изъ трехъ дочерей да сына молодца. Въ животѣ, въ смерти Богъ воленъ: кажись, крѣпокъ былъ нашъ Захаръ Антоновъ, а вдругъ свалился и отдалъ Богу душу. Новая изба, которую началъ было строить, сбираясь женить своего Ваню, осталась недоконченною,—и долговъ нашлось на немъ не мало: сосѣдямъ — кому пять, кому десять рублей, а одному городскому купцу, у котораго забиралъ онъ кое-какой товаръ, безъ малаго пятьсотъ. Деньги браты были, какъ водится у простаго народа, на честномъ словѣ, безъ векселей и заемныхъ писемъ, должникъ умеръ; кажется, и дѣлу бы конецъ: анъ нѣтъ, по крестьянскому разумѣнію отдать надобно, честное имя должно остаться незапятнаннымъ. Пристаютъ кредиторы ко вдовѣ, одинъ даже грозитъ пожаловаться начальству.... «Пообождите кормилицы, по-

литъ она: — вотъ управлюсь маленько съ дѣлами, къ Петрову дню телятъ пару да лошадь продамъ...» Куда—и слышать не хотятъ. Что дѣлать? Словно ножъ въ сердцѣ слышать Ивану Захарову, какъ корятъ память отца; такъ и думается ему, что при всякомъ попрекѣ ворочаются въ могилѣ старыя кости.... Эхъ-ма!.... задумалъ онъ что-то.

По губерніи объявленъ былъ рекрутскій наборъ, Въ деревнѣ, гдѣ жилъ Иванъ, чередъ выставлять рекрута палъ на одинъ семьянистый, но богатый домъ. Приходится отдавать одного изъ троихъ взрослыхъ парней. Рады бы они нанять охотника, да негдѣ взять: время горячее, спѣшное. «Да не возмешь ли меня?» спрашиваетъ вдругъ Иванъ Захаровъ у сосѣда.—«Иль шутить вздумалъ, Ванюха?» проговорилъ тотъ съ сердцемъ. — «Какія шутки, пойду я за твою семью служить Богу и великому Государю.» — Да какъ же любезнякъ ты — мой, мать-то твоя... тово.., вѣдь ты одинъ у нея какъ перстъ...» — «Ну ужь это мое дѣло. Сколько же дашь » — «Ахъ родной! выручи! Тысячу рублевъ новенькими бумажками тебѣ отсчитаю; избу дострою.» — «Эва, дешево больно! Мнѣ непремѣнно надо двѣ, и копейки не уступлю.»

«Побойся Бога, Ваня, разорить хочешь.»

— Вотъ то-то и есть, дядя Герасимъ: за пару хорошихъ коней, что ѣздятъ у тебя въ Москвѣ, заплатилъ почесть тысячу, а тутъ... Небойсь, не оскудѣешь! И какъ ни жался Герасимъ: а долженъ былъ порѣшить съ охотникомъ на двухъ тысячахъ.

Иванъ Захаровъ немедленно же отправился въ городъ, къ главному кредитору своего отца.—«Что, привезъ деньги?» спрашиваетъ тотъ. — «Со мной теперь нѣтъ, а извольте завтрашній день придти вотъ въ такой-то домъ, и получите, что слѣдуетъ. Только лишь расписочку изготовьте»—«Ладно.»— И прочимъ кредиторамъ повѣстилъ онъ тоже самое.

На другой день всѣ они явились въ рекрутское присутствіе. Глядь—Иванъ, въ чемъ мать родила, стоитъ ужь въ пріемѣ: дошла очередь и до охотника. Присутствующіе начали разсматривать списокъ.

— Какъ же, братъ, ты одинъ сынъ у матери, а продаешься въ солдаты? спросилъ у Ивана одинъ изъ членовъ присутствія.

— Такъ слѣдуетъ, ваше благородіе.

— Какъ слѣдуетъ? Что-нибудь да не такъ! Позвать сюда мать.

Старушка вошла, вся въ слезахъ; за нею три дочери, тоже расплаканныя.

Вѣрно, забубенная голова твой сынъ,—говорятъ ей.

— Избави Богъ, батюшка, ваше сіятельство! Онъ у меня послушливѣе овечки...

— Ну такъ знать, дѣло не спорится у него?

— Да работящѣе его во всей деревнѣ нѣтъ.... Да я бы, ваше благородіе, скорѣе живая легла въ могилу, чѣмъ разсталась съ нимъ... да вотъ долгъто... Вишь, онъ не хочетъ,— баитъ, успокою батюшку....

— Какой долгъ?

— Матушка! крикнулъ Иванъ, перерывая мать, которая начала было свой разсказъ; — полно плакать-то! А вы, ваше благородіе не извольте безпокоиться насчетъ эвтого. Матренѣ, сестрѣ моей, вотъ что стоитъ передъ вашей милостью, семнадцатый годъ пошелъ, а къ Красной горкѣ она и невѣста. Мы ужь и ударили по рукамъ съ однимъ бобылемъ, принимаемъ его къ себѣ въ домъ, онъ малой знатный, у кого хотите, извольте спросить. Такъ ужь и не безпокойтесь... А я, осмѣлюсь доложить, по усердію иду на царскую службу.

Дѣлать нечего, поставили охотника въ мѣру, и крикнуло нѣсколько голосовъ: лобъ!

Получивъ отъ покупщика деньги, Иванъ Захаровъ позвалъ къ себѣ отцовскихъ кредиторовъ.— «Вотъ тебѣ, Степанъ Кузьмичъ, пятьсотъ рублевъ, ты сватъ Андрей получай свои безъ четверти двадцать пять....» тому столько-то, этому столько, и расплатился со всѣми до послѣдней копейки. Поняли тогда несговорчивые заимодавцы, откуда взялись у него деньги; иные стали отговариваться, не брать; кто предлагаетъ ихъ ему на дорогу. «Ничего не надо мнѣ, родимые, деньги не мои, а батюшкины, не поминайте же его лихомъ, не говорите, что заѣлъ чужое добро... А ужь коли кто хочетъ наградить меня, такъ пусть запишетъ имя раба Божія Захара въ свое поминанье, да отслужитъ по немъ панихиду. Это дороже всего. Больше ни о чемъ и

не прошу. Да вотъ если матушкѣ случится какая нужда..:» — «Не покинемъ сиротъ» отвѣчали въ одинъ голосъ всѣ заимодавцы.

Послѣ расплаты, остается у молодаго рекрута только два полумперіала. Одинъ отдаетъ онъ матери, другой сестрѣ на новую шубку, какъ пойдетъ замужъ.

— Голубчикъ, Ваня, съ чѣмъ же ты самъ-то останешься? со слезами промолвливаетъ мать.

— Меня будетъ кормить самъ надежа—Государь. Съ деньгами, пожалуй, еще избалуешься. Да не плачь же, родимая! Помнишь уговоръ? Въ побывку скоро приду... Благослови меня, родная!

Рыдая, сняла съ груди своей осиротѣлая мать мѣдный крестъ, и надѣла его на своего ненагляднаго. Святая материнская слеза прошибла и Ваню: не вытерпѣло ретивое, заплакалъ и онъ, и замерли оба, обнявъ другъ друга.

Вѣсть о необыкновенномъ доказательствѣ сыновней любви тотчасъ-же дошла до присутствующихъ; начальству сдѣлано было особое представленіе — и молодцоватый собою Иванъ Захаровъ поступилъ въ царскую гвардію.

Живъ ли ты благородный сынъ земли Русской? Если еще здравствуешь, прими низкій поклонъ и сердечный поцалуй отъ своего тезки, и прости меня, что посмѣлъ я разсказать православному люду о твоемъ поступкѣ, и, можетъ-быть, переиначилъ нѣкоторыя подробности.

Храни же въ себѣ навсегда, добрый Русскій народъ, высокія доблести предковъ, и въ простотѣ сердца будь такъ же здоровъ духомъ, какъ крѣпокъ ты тѣломъ! *И. Кокоревъ* *.

ЛЕБЕДЬ, ЩУКА И РАКЪ.

Когда въ товарищахъ согласья нѣтъ:
На ладъ ихъ дѣло не пойдетъ,
И выйдетъ изъ него не дѣло, только мука.

Однажды Лебедь, Ракъ да Щука
Везти съ поклажей возъ взялись,
И вмѣстѣ трое всѣ въ него впряглись;
Изъ кожи лѣзутъ вонъ, а возу все нѣтъ ходу!
Поклажа-бы для нихъ казалась и легка:
Да Лебедь рвется въ облака,
Ракъ пятится назадъ, а Щука тянетъ въ воду.
Кто виноватъ изъ нихъ, кто правъ,—судить не намъ;
Да только возъ и нынѣ тамъ.

Крыловъ.

---

* Кокоревъ Иванъ Тимоѳеевичъ родился 1826 г., умеръ въ Москвѣ 14 іюня, 1853 года.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ОБРАЗОВАНІЕ СЛОВЪ.

ГЛАВА IX.

О СОСТАВѢ СЛОВЪ.

§ 38. КОРЕНЬ И ОКОНЧАНІЕ. РОДЫ КОРНЕЙ: ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ И СЛУЖЕБНЫЕ. РОДЫ ОКОНЧАНІЙ: ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЯ И ОТНОСИТЕЛЬНЫЯ.

НАЧАЛО ВЕСНЫ.

Гонимы вешними лучами,
Съ окрестныхъ горъ уже снѣга
Сбѣжали мутными ручьями
На потопленные луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года.
Синѣя блещутъ небеса;
Еще прозрачные, лѣса,
Какъ будто пухомъ, зеленѣютъ.
Пчела за данью полевой
Летитъ изъ кельи восковой;
Долины сохнутъ и пестрѣютъ;
Стада шумятъ, и соловей
Ужь пѣлъ въ безмолвіи ночей. *А. Пушкинъ.*

1. *Лучами*, какъ часть предложенія, есть дополненіе къ *гонимы*, а какъ часть рѣчи, есть имя существител. въ твор. пад. множ. числа. Окончаніемъ — *ами* обозначается его отношеніе, какъ дополнительнаго слова къ *гонимы*: прямый именит. падежъ

есть *луч-ъ*. Что подъ нимъ разумѣть должно понятіе о предметѣ, а не о дѣйствіи или качествѣ, на это указываетъ намъ его окончаніе *ъ* въ именит. падежѣ, а что оно относится къ *гонимы* какъ дополненіе, на это указываетъ его окончаніе *ами*, а что подъ нимъ должно разумѣть именно свѣтъ солнечный, идущій по прямой чертѣ, а не что-нибудь другое, это даютъ намъ знать предшествующіе окончанію звуки *луч*.

Горъ есть существ. въ родит. пад. множеств. чис.; окончаніе *ъ* показываетъ, что оно стоитъ, какъ обстоятельственное слово къ *сбѣжали*; именительный его есть *гора*. Что подъ этимъ словомъ надобно разумѣть также понятіе о предметѣ, а не о дѣйствіи или качествѣ, это мы знаемъ по его окончанію именит. падежа — *а*, что оно употреблено здѣсь, какъ обстоятельственное слово, про это мы знаемъ изъ окончанія *ъ*, а что подъ нимъ должно разумѣть *значительную возвышенность земной поверхности*, про это мы знаемъ изъ предшествующихъ окончанію звуковъ *гор*.

Стало-быть каждое слово состоитъ: 1) изъ звуковъ, указывающихъ его значеніе, смыслъ, и 2) изъ звуковъ, опредѣляющихъ, какой родъ понятія или какое отношеніе въ предложеніи выражается извѣстнымъ словомъ.

2. Отъ корня *луч* — произошла знаменательная часть рѣчи — существительное луч-ъ, отъ корня *гн* — произошла тоже знамен. часть рѣчи — глаголъ *гн-а-ть*; но отъ корня *сь* произошла служебная часть рѣчи — мѣстоименіе *сей*, отъ корня *дв* произошла служ. часть рѣчи — числительное *два*, отъ корня *тъ* произошли служ. час. рѣчи — нарѣчіе *тамъ* и мѣстоименіе *тотъ*. Стало-быть корни бываютъ двухъ родовъ: отъ однихъ происходятъ знаменательныя части рѣчи: прилагательное, глаголъ, существительное и т. д.; отъ другихъ напротивъ—*служебныя:* мѣстоименіе, числительное, союзы и т. д.

3. Окончаніе *ъ* въ *луч-ъ* показываетъ, что подъ этимъ словомъ разумѣть должно понятіе о предметѣ; а окончаніе *ать* въ *гнать* показываетъ, что подъ нимъ должно разумѣть понятіе о дѣйствіи; стало-быть этими окончаніями *отличается* одинъ разрядъ понятій отъ другаго, или одна часть рѣчи отъ другой.

4. Окончаніемъ луч-*ами* обозначается, что это слово въ предложеніи относится къ *гонимы*, какъ дополненіе,—окончаніе *гор-ъ* показываетъ, что это слово относится, какъ обстоятельственное мѣста, къ *сбѣжали*.

§ 39. ВИДЫ СЛОВЪ *a)* ПО ОБРАЗОВАНІЮ: КОРЕННЫЯ И ПРОИЗВОДНЫЯ, *b)* ПО СОСТАВУ: ПРОСТЫЯ И СЛОЖНЫЯ. ПРАВОПИСАНІЕ. ПЕРЕЧЕНЬ КОРЕННЫХЪ СЛОВЪ СЪ БУКВОЮ *ѣ*.

1. Слова *луч-ъ*, *гор-а*, *снѣг-ъ*, *гн-ать* ни отъ какого другаго слова не происходятъ, — въ нихъ отличительное окончаніе прибавлено прямо къ корню, а потому должны быть названы *коренными*.

Слова же *вешній*, *окрестный*, *мутный* напротивъ происходятъ отъ другихъ словъ, а именно вешній отъ *весна*, окрестный отъ *окрестъ*, мутный отъ *мут-ить* (=мяту), а потому должны быть названы *производными*.

2. Слова *великій*, *ручей* состоятъ только изъ одного слова, не сложены ни съ какимъ другимъ словомъ. Напротивъ, слова *сбѣжали*, *потопили*, составлены изъ двухъ словъ: первое изъ предлога *съ* и глагола *бѣжали*, второе изъ предлога *по* и глагола *топили*.

СТАТЬИ ДЛЯ ПОВТОРЕНІЯ ПРОЙДЕННАГО.

Укажите слова коренныя и производныя, простыя и сложныя, какія изъ нихъ образовались изъ корней знаменательныхъ, и какія—изъ служебныхъ; какія у нихъ отличительныя окончанія и какія—относительныя.—Скажите, какія принадлежности именъ, глаголовъ и пр. и пр.

ХАМЕЛЕОНЪ.

Имя Хамелеона знаменито. Но, можетъ-быть, незнающіе хорошо, что такое означается этимъ именемъ, удивятся, услышавъ, что хамелеонъ есть не что иное, какъ большая ящерица. Ласепедъ * относитъ его къ 4-му отдѣленію сего рода (ящерицамъ съ пятью пальцами на лапахъ, безъ поперечныхъ полосъ). Онъ не бываетъ длиннѣе 14 дюй-

---

* Ласепедъ, знаменитый французскій естествоиспытатель, родился 1756 г., умеръ въ Парижѣ 1825 года.

мовъ, считая отъ головы до хвоста; голова у него круглая, острая къ рылу; глаза большіе, съ особенною способностію смотрѣть въ разныя стороны; ноги заднія на выворотъ и могутъ двигаться взадъ и впередъ. То и другое необходимо хамелеону при совершенной беззащитности: отъ чего онъ принужденъ укрываться на деревьяхъ, цѣпляясь весьма ловко своимъ длиннымъ хвостомъ и лапами за вѣтви, подстерегая мухъ, которыми питается, высматривая опасность, и спасаясь отъ непріятеля скорымъ лазаньемъ по вѣтвямъ. Все это не могло доставить хамелеону знаменитости, но вотъ что составляетъ его славу: кожа хамелеона, покрытая сплошь маленькими шишечками, бываетъ сѣроватаго съ пятнами цвѣта, и этотъ цвѣтъ измѣняется, если хамелеонъ находится въ тѣни, на солнцѣ, и даже если приблизятъ къ нему яркій какой-нибудь цвѣтной предметъ: хамелеонъ становится темный, черный, мрачный, зеленый, желтый, бѣловатый, всѣми цвѣтами радуги, смотря потому, какъ предметъ къ нему приблизите, особливо если животное разсержено. Отъ чего это происходитъ, а еще болѣе для чего это такъ дѣлается, — неизвѣстно. Но издревле замѣчено было это свойство, и поэты овладѣли именемъ хамелеона, выражая имъ подлаго льстеца, безхарактернаго человѣка, низкаго услужника, который перемѣняетъ мнѣніе — нравственный цвѣтъ души своей, по волѣ и желанію другихъ. Бѣдный хамелеонъ! на него безвинно взвели такимъ образомъ подлость и безхарактерность, какъ на лисицу хит-

рость, на слона умъ, на осла групость, а льву подарили власть надъ царствомъ животныхъ. Хамелеоны водятся отчасти въ южной Европѣ, но наиболѣе въ южной Азіи и въ Африкѣ. Донынѣ извѣстно ихъ болѣе 10 породъ.

ПѢСНЯ БѢДНЯКА.

Куда мнѣ голову склонить?
Покинутъ я и сиръ!
Хотѣлъ бы весело хоть разъ
Взглянуть на Божій міръ.

И я въ семьѣ моихъ родныхъ
Когда-то счастливъ былъ!
Но горе спутникъ мой съ тѣхъ поръ,
Какъ я ихъ схоронилъ.

Сады веселыхъ богачей
И нивы ихъ кругомъ...
Моя жь дорога мимо ихъ
Съ заботой и трудомъ.

Но я счастливыхъ не дичусь;
Моя печаль въ тиши:
Я всѣмъ веселымъ радъ сказать
«Богъ помочь!» отъ души.

О щедрый Богъ! не вовсе жь я
Тобою позабытъ!
Источникъ милости Твоей
Для всѣхъ равно оттрытъ.

Въ селеньи каждомъ есть Твой храмъ
Съ сіяющимъ крестомъ,
Съ молитвой сладкой и съ Твоимъ
Доступнымъ алтаремъ.

Мнѣ свѣтитъ солнце и луна;
Любуюсь на зорю;
И, слыша благовѣстъ, съ Тобой,
Создатель, говорю.

И знаю: будетъ добрымъ пиръ
Въ небесной сторонѣ,—
Тамъ буду праздновать и я!
Тамъ мѣсто есть и мнѣ! *Жуковскій.*

Л Ѣ С Ъ.

а. ЗНАЧЕНІЕ ЛѢСА.

« Вода краса природы », сказано было выше (стр. 29); почти тоже можно сказать о лѣсѣ. Полная красота всякой мѣстности состоитъ именно въ соединеніи воды съ лѣсомъ. Природа такъ и поступаетъ: рѣки, рѣчки, ручьи и озера почти всегда обростаютъ лѣсомъ или кустами. Исключенія рѣдки. Въ соединеніи лѣса съ водою заключается другая, великая цѣль природы. Лѣса хранители водъ: деревья закрываютъ землю отъ палящихъ лучей лѣтняго солнца, отъ изсушительныхъ вѣтровъ; прохлада и сырость живутъ въ ихъ тѣни, и не даютъ изсякнуть текучей или стоячей влагѣ. Убыль рѣкъ,

въ цѣлой Россіи замѣчаемая, происходитъ, по общему мнѣнію, отъ истребленія лѣсовъ.

b. породы лѣса.

Всѣ породы деревъ смолистыхъ, какъ-то: сосна, ель, пихта и проч., называются *краснымъ лѣсомъ* или *краснолѣсьемъ*. Отличительное ихъ качество состоитъ въ томъ, что вмѣсто листьевъ онѣ имѣютъ иглы, которыхъ зимою не теряютъ, а перемѣняютъ ихъ исподоволь, постепенно, весною и въ началѣ лѣта; осенью же онѣ становятся полнѣе, свѣжѣе и зеленѣе; слѣдовательно встрѣчаютъ зиму во всей красѣ и силѣ. Лѣсъ, состоящій исключительно изъ однихъ сосенъ, называется *боромъ*. Всѣ остальныя породы деревъ, теряюшія свои листья осенью и возобновляющія ихъ весною, какъ то: дубъ, вязъ, осокорь, липа, береза, осина, ольха и другія, называются *чернымъ лѣсомъ* или *чернолѣсьемъ*. Къ нему принадлежатъ ягодныя деревья: черемуха и рябина, которыя достигаютъ иногда значительной вышины и толщины. Къ чернолѣсью же надобно причислить всѣ породы кустовъ, которыя также теряютъ зимой свои листья: калину, орѣшникъ, жимолость, волчье лыко, шиповникъ, черноталъ, обыкновенный тальникъ и проч.

c. чернолѣсье.

По большой части чернолѣсье состоитъ изъ смѣшенія разныхъ древесныхъ породъ, и это смѣшеніе особенно пріятно для глазъ; но иногда попадаются

мѣста отдѣльными гривами или *колками*, гдѣ преобладаетъ какая-нибудь одна порода: дубъ, липа, береза или осина, растущія гораздо въ большемъ числѣ въ сравненіи съ другими древесными породами, и достигающія объема строеваго лѣса. Когда разнородныя деревья растутъ вмѣстѣ и составляютъ одну зеленую массу; то всѣ кажутся равно хороши, но въ отдѣльности одни другимъ уступаютъ. Хороша развѣсистая, бѣлоствольная, свѣтло-зеленая, веселая береза, но еще лучше стройная, кудрявая, кругло-листая, сладко-душистая во время цвѣта, не ярко, а мягко-зеленая липа, прикрывающая своими лубьями и обувающая своими лыками православный русскій народъ. Хорошъ и кленъ съ своими лапами-листами (какъ сказалъ Гоголь); высокъ, строенъ и красивъ бываетъ онъ. Коренастъ, крѣпокъ, высокъ и могучъ, въ нѣсколько обхватовъ толщины у корня, бываетъ многостолѣтній дубъ, рѣдко попадающійся въ такомъ величавомъ видѣ; мелкій же дубнякъ не имѣетъ въ себѣ ничего особенно привлекательнаго: зелень его темна или тускла, вырѣзные листья, плотные и добротные, выражаютъ только признаки будущаго могущества и долголѣтія. Осина и по наружному виду и по внутреннему достоинству считается послѣднимъ изъ строевыхъ деревъ. Незамѣчаемая никѣмъ, осина бываетъ красива и замѣтна только осенью: золотомъ и багрянцемъ покрываются ея рано увядающіе листья, и, ярко отличаясь отъ зелени другихъ деревъ, придаетъ она много прелести и разнообразія лѣсу во время осенняго листопада.

«Зарость» или «порость», то-есть молодой лѣсъ пріятенъ на взглядъ, особенно издали. Зелень его листьевъ свѣжа и весела; но въ немъ мало тѣни; онъ тонокъ и такъ бываетъ частъ, что сквозь него не пройдешь. Со временемъ большая часть деревъ посохнетъ отъ тѣсноты, и только сильнѣйшія овладѣютъ всею питательностью почвы, и тогда начнутъ расти не только въ вышину, но и въ толщину.

Чернѣя издали, стоитъ высокій, тѣнистый, старый, *темный лѣсъ*; но подъ словомъ старый не должно разумѣть состарѣвшійся, дряхлый, лишенный листьевъ: видъ такихъ деревъ во множествѣ былъ бы очень печаленъ. Въ природѣ все идетъ постепенно. Большой лѣсъ всегда состоитъ изъ деревъ разныхъ возрастовъ: отживающія свой вѣкъ и совершенно сухія, во множествѣ другихъ, зеленыхъ и цвѣтущихъ, — незамѣтны. Кое-гдѣ лежатъ по лѣсу огромные стволы, сначала высохшихъ, потомъ подгнившихъ у корня и наконецъ сломленныхъ бурею, дубовъ, липъ, березъ и осинъ *. При своемъ паденіи они согнули и поламали молодыя, сосѣднія деревья, которыя, несмотря на свое уродство, продолжаютъ расти и зеленѣть, живописно искривясь на бокъ, протянувшись по землѣ или скорчась въ дугу. Трупы лѣсныхъ великановъ, тлѣя внутри,

---

* Дубъ живетъ многія столѣтія; липа—болѣе 150-ти лѣтъ, береза—за сто, а осина—менѣе ста лѣтъ. Общій признакъ старости деревъ, даже при зеленыхъ, но уже рѣдкихъ листьяхъ—повисшіе къ низу главные сучья: этотъ признакъ всего замѣтнѣе въ березѣ, когда ей исполнится сто лѣтъ.

долго сохраняютъ наружный видъ; кора ихъ обрастаетъ мохомъ и даже травою; мнѣ нерѣдко случалось въ торопяхъ вскочить на такой древесный трупъ и—провалиться ногами до земли сквозь его внутренность: облако гнилой пыли, похожей на пыль сухаго дождевика, обхватывало меня на нѣсколько секундъ.... Но это нисколько не нарушаетъ общей красоты зеленаго, могучаго лѣснаго царства, свободно растущаго въ свѣжести, сумракѣ и тишинѣ. Отраденъ видъ густаго лѣса въ знойный полдень, освѣжителенъ его чистый воздухъ, успокоительна его внутренняя тишина и пріятенъ шелестъ листьевъ, когда вѣтеръ порой пробѣгаетъ по его вершинамъ! Его мракъ имѣетъ что-то таинственное, неизвѣстное; голосъ звѣря, птицы и человѣка измѣняются въ лѣсу, звучатъ другими странными звуками. Это какой-то особый міръ, и народная фантазія населяетъ его сверхъ-естественными существами: «*лѣшими*» и «*лѣсными дѣвками*», такъ же какъ рѣчные и озерные омута—«*водяными чертовками*»; но жутко въ большомъ лѣсу во время бури, хотя внизу и тихо; деревья скрипятъ и стопутъ, сучья трещатъ и ломаются. Невольный страхъ нападаетъ на душу, и заставляетъ человѣка бѣжать на открытое мѣсто.

На вѣтвяхъ деревъ, въ чащѣ зеленыхъ листьевъ и вообще въ лѣсу, живутъ пестрыя, красивыя, разноголосыя, безконечно разнообразныя породы птицъ: токуютъ глухіе и простые тетерева, пищатъ рябчики, хрипятъ на тягахъ вальдшнепы, воркуютъ, каждая

по своему, всѣ породы дикихъ голубей, взвизгиваютъ и чокаютъ дрозды, заунывно, мелодически перекликаются иволги *, стонутъ рябыя кукушки, постукиваютъ, долбя деревья, разноперые дятлы, трубятъ желны, трещатъ сойки; свиристели, лѣсные жаворонки, дубоноски, и все многочисленное, крылатое, мелкое пѣвчее племя наполняетъ воздухъ разными голосами и оживляетъ тишину лѣсовъ; на сучьяхъ и въ дуплахъ деревъ птицы вьютъ свои гнѣзда, кладутъ яйца и выводятъ дѣтей; для тойже цѣли поселяются въ дуплахъ куницы и бѣлки, враждебныя птицамъ, и шумные рои дикихъ пчелъ. Травъ и цвѣтовъ мало въ большомъ лѣсу: густая, постоянная тѣнь не благопріятна растительности, которой необходимы свѣтъ и теплота солнечныхъ лучей; чаще другихъ виднѣются зубчатый папоротникъ, плотные и зеленые листья ландыша, высокіе стебли оцвѣтшаго лѣснаго левкоя, да краснѣетъ кучками зрѣлая костяника; сырой запахъ грибовъ носится въ воздухѣ, но всѣхъ слышнѣе острый и, по моему, очень пріятный запахъ груздей, потому-что они родятся семьями, *гнѣздами*, и любятъ *моститься* (какъ говорятъ въ народѣ) въ мелкомъ папоротникѣ, подъ согнивающими прошлогодними листьями.

Въ такомъ чернолѣсьѣ живутъ, болѣе или менѣе постоянно, медвѣди, волки, зайцы, куницы и бѣлки.

---

* Иволги имѣютъ другой, противуположный крикъ или визгъ, пронзительный и непріятный для уха. Находя въ этихъ звукахъ сходство съ отвратительнымъ крикомъ грызущихся кошекъ, народъ называетъ иволгу «дикою кошкой».

Между бѣлками попадаются очень бѣлесоватыя, почти бѣлыя, называемыя почему-то «*горляпками*»,— и «*бѣлки-летяги*»: послѣднія имѣютъ съ обѣихъ сторонъ, между передпею и заднею лапкою, кожаную тонкую перепонку, которая, растягиваясь, помогаетъ имъ прыгать съ дерева на дерево, на весьма большое разстояніе. Во время такого прыжка, похожаго на полетъ, я убилъ однажды летягу на воздухѣ, и вышло, что я застрѣлилъ *звѣря въ летѣ*. Хищныя птицы также въ лѣсахъ выводятъ дѣтей, устроивая гнѣзда на главныхъ сучьяхъ у самаго древеснаго ствола: большіе и малые ястреба, лунп, бѣлохвостики, копчики и другія. Въ густой тѣни лѣсныхъ трущобъ таятся и плодятся совы, сычи и длинноухіе филины, плачевный, страшный, дикій крикъ которыхъ въ ночное время испугаетъ и не пугливаго человѣка, запоздавшаго въ лѣсу, Что же мудренаго, что народъ считаетъ эти крики *аукань-емъ* и *хохотомъ* лѣшаго? *С. Аксаковъ.*

ПЕРЕЛЕТНАЯ ПТИЧКА.

Птичка Божія не знаетъ
Ни заботы, ни труда;
Хлопотливо не свиваетъ
Долговѣчнаго гнѣзда.

Въ долгу ночь на вѣткѣ дремлетъ;
Солнце красное взойдетъ—
Птичка гласу Бога внемлетъ,
Встрепенется и поетъ.

За весной, красой природы,
Лѣто знойное пройдетъ—
И туманъ и непогоды
Осень поздняя несетъ:

Людямъ скучно, людямъ горе;
Птичка въ дальнія страны,
Въ теплый край, за сине море
Улетаетъ до весны. *А. Пушкинъ.*

УЧИТЕЛЬ ЧИСТОПИСАНІЯ.

(ИСТОРИЧЕСКІЙ АНЕКДОТЪ).

Карлъ Фердинандъ д'Артуа (въ послѣдствіи–1824–1930-французскій король Карлъ X) еще въ дѣтствѣ своемъ былъ образцомъ добродущія: это можно видѣть изъ слѣдующаго разсказа.

Карлъ былъ рѣзвое и живое дитя. Онъ уже бѣгло читалъ прекрасныя повѣсти Перольта, занимательныя драмы Беркеня. Онъ скоро почувствовалъ охоту учиться писать. Безъ сомнѣнія, пріятно умѣть читать, что другіе мыслили и говорили; но несравненно пріятнѣе излагать свои мысли на письмѣ, и такимъ образомъ заочно бесѣдовать съ любезной маменькой, сестрицей, братомъ или другомъ;—о! ничто не можетъ сравниться съ этимъ удовольствіемъ!

Молодой принцъ съ жаромъ принялся за письмо, въ которомъ первые уроки преподавалъ ему почтенный наставникъ, по имени Рошонъ. Сей старецъ соединялъ съ искусствомъ въ своемъ дѣлѣ трогательное добросердечіе и испытанное терпѣніе. Ему

и надобно было имѣть его: Карлъ, увлекаемый природною живостью, не всегда былъ послушенъ и внимателенъ къ наставленіямъ своего учителя: то говорилъ, что онъ заставляетъ его слишкомъ долго писать однѣ и тѣже буквы, и тѣмъ наводитъ ему скуку; то жаловался, что въ прописи его безконечно длинныя слова, которыя утомляютъ его руку и производятъ въ немъ непреодолимое отвращеніе,— словомъ, молодой принцъ выдумывалъ все, чтобы оправдать свое нерадѣніе. Почтенный Рошонъ былъ въ отчаяніи; онъ не надѣялся отъ своего ученика никакихъ успѣховъ; терпѣніе его почти совсѣмъ истощилось, когда онъ видѣлъ, что принцъ нарочно писалъ криво.

«Принцъ! Вы пишете слишкомъ высоко!»

— «Вамъ такъ кажется, г. Рошонъ!»—и тотчасъ начиналъ писать такъ криво, какъ бы изъ четвертаго яруса спускался въ нижній.

«Принцъ! Вы пишете слишкомъ низко!»

— «Ваша правда!» и въ ту минуту поднимался опять за облака. Двадцать разъ принимался чинить перо, увѣряя, что оно никуда не годится; то находилъ чернила густыми; поминутно зѣвалъ, безпрестанно передвигалъ стулъ и шаркалъ ногами. Одно только присутствіе гувернера удерживало его въ нѣкоторомъ почтеніи; иначе онъ оставилъ бы свое мѣсто, началъ играть въ мячъ, или деревянною саблею рубить серебрянаго кита, или скакать на деревянномъ конѣ.

Въ одинъ день примѣтилъ онъ, что Рошонъ былъ печаленъ; наружность его показывала какое-то безпокойство. Принцъ по врожденному своему добродушію заключилъ, что его шалость и нерадѣніе причиняли доброму старику печаль, и на сей разъ былъ отмѣнно прилеженъ. Однакоже сколько онъ ни старался слѣдовать наставленіямъ своего учителя; но ни ласками, ни прилежаніемъ своимъ не могъ разсѣять его мрачной задумчивости.

Когда кончился урокъ, молодой принцъ старался развѣдать отъ окружающихъ его о причинѣ грусти своего учителя. Онъ узналъ отъ камердинера, что добрый старикъ, обманутый вѣроломнымъ другомъ, имѣлъ неосторожность дать за него на свое имя вексель въ 1200 ливровъ, съ условіемъ заплатить сію сумму черезъ мѣсяцъ. Ему не оставалось другаго средства, какъ продажею за бездѣлку своей мебели выручить недостающую у него сумму — 600 ливровъ.

Казалось, что Карлъ слушалъ безъ вниманія; но въ самомъ дѣлѣ положеніе добродушнаго, обманутаго старика сильно его тронуло. Ему конечно ничего не стоило бы помочь ему, открывъ тайну своему родителю, который съ удовольствіемъ дѣлалъ добро; но принцъ рѣшился воспользоваться симъ случаемъ, чтобы преодолѣть свою склонность къ лѣни и обрадовать г. Рошона своими успѣхами.

На другой день молодой принцъ, оставшись наединѣ съ родителемъ, искуснымъ образомъ завелъ

разговоръ о своихъ урокахъ въ чистописаніи. «Еслибъ вы знали, папенька, какъ они скучны!»

— «Согласенъ, милый Карлъ, что первые уроки въ этомъ искусствѣ очень непріятны. Но какъ принцу необходимо нужно умѣть писать; то и надобно вооружиться терпѣніемъ.»

— «О! за этимъ дѣло не станетъ,—если только вы, папенька, согласитесь съ своей стороны...

— «На что, мой сынъ?»

— «Давать мнѣ по лундору всякій разъ, когда я представлю вамъ свидѣтельство учителя чистописанія о моихъ успѣхахъ, и дозволите употребить эти деньги, на что мнѣ угодно.»

— «Это условіе мнѣ очень нравится. Въ такомъ случаѣ я готовъ опорожнить свой кошелекъ.»

Договоръ подписанъ и утвержденъ нѣжнымъ родительскимъ поцѣлуемъ. Молодой принцъ былъ внѣ себя отъ радости, получивъ желаемое. Родитель не старался проникнуть сыновнюю тайну; онъ уважалъ ее и не хотѣлъ тревожить его вопросами.

При слѣдующемъ урокѣ, Карлъ былъ такъ прилеженъ, внимателенъ и до того терпѣливъ, что учитель не вѣрилъ глазамъ своимъ: прежній шалунъ не передвигалъ уже стула; смирно сидѣлъ за столомъ, и каждую букву со всею точностію списывалъ съ прописи; онъ ни разу не выходилъ изъ линій, и, что всего удивительнѣе, ни однажды не перемѣнялъ пера. Сіе послѣднее обстоятельство болѣе всего удивило г. Рошона, такъ-что онъ безпрестанно восклицалъ: «хорошо, принцъ, очень хо-

рошо!» — На другой день тоже прилежаніе, тоже изумленіе учителя. — «Въ самомъ дѣлѣ, вы такъ перемѣнились, что я не знаю, чему это приписать!»

— «Итакъ вы мною довольны, г. Рошонъ?»

— «Этого мало; скажите лучше: я восхищенъ, я внѣ себя отъ удивленія. Я теперь совершенно счастливъ тѣмъ, что могу отдать вамъ справедливость.»

— «Дайте же мнѣ свидѣтельство, что вы мною были довольны: я долженъ представить его папенькѣ, который думаетъ, что я лѣнивъ.»

— «Охотно, принцъ, и вы всегда его получите, если будете также прилежны.»

Счастливый учитель написалъ свидѣтельство въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, и Карлъ, представивъ оное высокому своему родителю, получилъ обѣщанную награду. О, какъ дорогъ для него былъ первый полученный имъ луидоръ! Онъ заслужилъ его, и въ первый разъ могъ сказать: *это моя собственность*. Положа золотую монету въ прекрасный кошелекъ, Карлъ рѣшился каждый день откладывать въ него по луидору. Въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ такъ прилеженъ и такъ много успѣлъ, что пересталъ уже писать длинныя, ничего незначущія слова, но писалъ цѣлыя выраженія, потомъ маленькіе разговоры, прекрасныя повѣсти, трогательныя или забавныя, и урокъ въ чистописаніи сдѣлался не только пріятнымъ, но даже наставительнымъ для молодаго воспитанника.

Каждое утро Карлъ представлялъ своему роди-

телю похвальный листъ, наканунѣ имъ полученный, и съ каждымъ днемъ видѣлъ приращеніе своего сокровища. Родитель его съ большимъ удовольствіемъ исполнялъ условіе; но частыя одобрительныя свидѣтельства заставили его думать, что добрый Рошонъ слишкомъ снисходителенъ къ своему воспитаннику, и для того хотѣлъ видѣть самъ успѣхи своего сына. Карлъ съ торжественнымъ видомъ представилъ родителю свои тетради, и привелъ его въ изумленіе быстрыми успѣхами, оказанными въ теченіе не болѣе трехъ недѣль. Обрадованный отецъ собственными глазами удостовѣрился, что въ похвальныхъ листахъ его сына ничто не увеличено, и вскорѣ потомъ Карлъ имѣлъ уже 25 луидоровъ. Тайное желаніе сердца его достигнуто!

Наступалъ срокъ векселю Рошона; черезъ три дня надлежало заплатить 1200 ливровъ. Напрасно почтенный старикъ просилъ своего заимодавца отсрочить платежъ; онъ имѣлъ дѣло съ скупымъ, неумолимымъ ростовщикомъ. Бѣдный учитель былъ въ крайнемъ замѣшательствѣ, котораго не могъ даже скрытъ отъ другихъ. Онъ въ тотъже день хотѣлъ собрать все свое серебро и промѣнять его на 600 ливровъ, недостающихъ на уплату векселя. Озабоченный симъ дѣломъ, онъ пришелъ къ принцу позже обыкновеннаго, и извинялся передъ нимъ тѣмъ, что одно важное дѣло удержало его. Печальное лицо старика составляло рѣзкую противоположность съ необыкновенно-веселымъ видомъ его воспитанника.

— «Что съ вами сдѣлалось, добрый Рошонъ? Вы такъ печальны?»

— «Печаленъ, Ваше Высочество? Въ жизни нерѣдко случаются маленькія непріятности, огорченія.

— «Огорченія! и вы ихъ отъ меня скрываете. Я васъ такъ люблю!»—Растроганный старикъ чуть не открылся принцу, которому стоило сказать родителю своему одно слово, чтобы вывесть бѣднаго учителя изъ замѣшательства; но скромное достоинство бываетъ щекотливо. Мысль — воспользоваться вліяніемъ своимъ на принца, для испрошенія подаянія, оскорбляла благороднаго Рошона; и чтобы лучше скрыть свою тайну, онъ перемѣнилъ разговоръ: «Ваше Высочество, сегодня не такъ охотно принимаетесь за урокъ, какъ вчера.»

— «Въ самомъ дѣлѣ, г. Рошонъ?»

— «Вы чѣмъ-то заняты, разсѣяны.»—

— «Да, у меня есть кое-что на умѣ.»—

— «Рука у васъ дрожитъ, и вы не можете сидѣть на одномъ мѣстѣ.»

— «Правда; и вы одни тому причиною.»

— «Я, Ваше Высочество? Какъ это?»

— «Да, вы!—Нѣтъ я не могу удержаться!»—

При сихъ словахъ онъ поспѣшно всталъ, и, вынувъ изъ письменнаго столика свой кошелекъ съ луидорами, подалъ его старику, сказавъ ему: «возьмите это! теперь вы можете уплатить по вашему векселю; — я надѣюсь, что вамъ не нужно будетъ продавать своей мебели.»

Рошонъ увидѣлъ, что не льзя было уже скрываться.

Однакожь онъ не осмѣлился принять подарокъ

отъ своего воспитанника. Тутъ принцъ разсказалъ ему о своемъ условіи съ родителемъ, и что 25 луидоровъ получены имъ за прилежаніе. Признаніе сіе растрогало старика до слезъ; онъ схватилъ обѣ руки принца, прижалъ ихъ къ сердцу, и съ выраженіемъ удивленія и живѣйшей благодарности сказалъ: «какъ, государь! желая помочь мнѣ въ моемъ разстроенномъ положеніи, вы побѣдили свое упрямство, преодолѣли скуку и отвращеніе, неразлучныя съ первыми уроками въ моемъ искусствѣ! Теперь я съ гордостью могу принять отъ васъ сей достойный подарокъ; онъ возвращаетъ мнѣ мое спокойствіе, мое счастіе. О, какъ пріятно мнѣ быть вамъ обязану! — Эта черта добродушія, силы и постоянства должна быть извѣстна свѣту; потомки ваши должны узнать объ ней, — она принадлежитъ исторіи. — Но кто будетъ сему удивляться, и можно ли менѣе ожидать отъ потомка Генриха IV?»

В. Соколовъ.

КОЗАЧЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотритъ мѣсяцъ ясный
Въ колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Пѣсенку спою;
Ты жь дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По камнямъ струится Терекъ,
Плещетъ мутный валъ;
Злой Чеченъ ползетъ на берегъ,
Точитъ свой кинжалъ;
Но отецъ твой старый воинъ,
Закаленъ въ бою:
Спи, малютка, будь спокоенъ,
Баюшки-баю.

Самъ узнаешь,—будетъ время,—
Бранное житье;
Смѣло вдѣнешь ногу въ стремя,
И возьмешь ружье.
Я сѣдельце боевое
Шолкомъ разошью...
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.

Богатырь ты будешь съ виду
И козакъ душой,
Провожать тебя я выйду—
Ты махнешь рукой...
Сколько горькихъ слезъ украдкой
Я въ ту ночь пролью!...
Спи, мой ангелъ, тихо, сладко,
Баюшки-баю.

Стану я тоской томиться,
Безутѣшно ждать;
Стану цѣлый день молиться,
По ночамъ гадать;

Стану думать, что скучаешь
Ты въ чужомъ краю....
Спи жь, пока заботъ не знаешь,
Баюшки-баю.

Дамъ тебѣ я на дорогу
Образокъ святой:
Ты его, молясь Богу,
Ставь передъ собой,
Да, готовясь въ бой опасный,
Помни мать свою...
Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю.

Лермонтовъ.

III.

НАЧАЛА ГРАММАТИКИ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

СОСТАВЪ ПРЕДЛОЖЕНІЙ.

ГЛАВА I.

ПРЕДЛОЖЕНІЕ И РѢЧЬ.

§ 1. (стр. 66—67) Рѣшеніе ума нашего о предметѣ, *что онъ дѣлаетъ, каковъ онъ, что онъ такое* и т. п., или рѣшеніе, что идетъ или не йдетъ предмету, называется *сужденіемъ* (le jugement, das Urtheil, judicium).

Голодная кума-Лиса залѣзла въ садъ (*сужденіе*) — Въ немъ винограду кисти рдѣлись (*сужденіе*)—На взглядъ-то онъ хорошъ (*также*).

(L'homme est né pour agir.Thomas. Jeder Fremde iſt heilig. Gtœhe. Nemo mortem effugere potest. Cicero.)

Задачи. 1. Скажите, какія еще есть сужденія въ баснѣ Крылова «Лис. и Виног,» и напишите ихъ—каждое отдѣльно.

2. Рѣшите сами (т. е. составьте свои сужденія) *устно* и *письменно*, что такое, или что дѣлаютъ, могутъ дѣлать слѣдующіе предметы: *виноградъ — лисица—садъ — кисть—кумушка—глазъ—бѣда—зубъ—часъ—досада—ягодка—оскомина.*

Сужденія свои мы выражаемъ *словами*, изъ которыхъ одни при этомъ случаѣ оказываются способными измѣняться въ своихъ окончаніяхъ, другія же—не способными къ перемѣнѣ своихъ окончаній, и остаются всегда *неизмѣняемыми*. Лиса за-

лѣзла *въ* садъ. (Курсивъ показываетъ *неизмѣняемыя* слова, обыкновенный шрифтъ—*измѣняемыя.*)

Задача. Кромѣ словъ «*Лиса—зальзть—садъ*» какія еще есть слова измѣняемыя въ этой баснѣ? Свое рѣшеніе оправдайте (устно и письменно) собственными примѣрами, въ которыхъ бы указанныя вами слова приняли различныя окончанія.

Въ тойже баснѣ отдѣлите слова неизмѣняемыя, и покажите это въ примѣрахъ.

Мы выражаемъ сужденія словами, конечно, не затѣмъ, чтобы таить и скрывать ихъ про себя, но затѣмъ, чтобы передать, *предложить* ихъ другимъ, оттого

выраженное словами сужденіе называется въ грамматикѣ *предложеніемъ* (la proposition, der Satz, enunciatum).

Голодная кума-Лиса залѣзла въ садъ (въ грамматикѣ предложеніе)—Въ немъ винограду кисти рдѣлись (также предл.).

(L'homme est né pour agir. Jeder Fremde iſt heilig. Nemo mortem effugere potest.)

Задача. 1 Укажите мнѣ другія предложенія въ этой баснѣ, и выпишите тѣ изъ нихъ, которыя вамъ особенно памятны.

2. Прінщите предметы, которымъ были бы приличны слѣд. дѣйствія и качества: лѣзть—рдѣться—горѣть—висѣть—видѣть—пробиваться — говорить—голодный—высокій—сочный—цѣлый—зрѣлый, и напишите составленныя вами предложенія.

Чтобы предложить другимъ свое сужденіе о чемъ-нибудь, надобно *сказать* или *написать* его: значитъ, есть два способа передавать свои сужденія: способъ *устный* и способъ *письменный.* Въ первомъ случаѣ слова передаются *членораздѣльными звуками голоса,* (articulés sons de la voix, artikulirte или gegliederte Laute) во второмъ—*буквами* (lettres, Buchstaben, litterae), которыя суть искусственные знаки этихъ членораздѣльныхъ звуковъ: *а. б. в. г.* и пр.

Звуки нашего голоса, а слѣд. и буквы, *по выговору* бываютъ

a. *гласные* (voyelles, Selbstlaute или Vokale, wocales), которые выговариваются одни, сами по себѣ: а, и. я, ю и проч.

b. *согласные* (consonnes, Mitlaute или Konsonanten, consonantes), которые можно выговаривать только съ гласнымъ звукомъ: б (бе), в (ве), м (емъ), р (еръ) и проч.

Буквы по начертанію своему бываютъ:

a. *большія* или прописныя (Let. majuscules, grosse Anfangsbuchstaben): А. Б. В. Г....

малыя или строчныя (let. minuscules, kleine Buchstaben): а. б. в. в. и т. д.

Задача. Какія буквы по выговору гласныя и согласныя, а по *начертанію*—прописныя и строчныя въ слѣд. примѣрѣ:

Скатившись съ горной высоты,
Лежалъ на плахѣ дубъ, перунами разбитый,
А съ нимъ и гибкій плющъ, кругомъ его обвитый.
О дружба, это—ты!

§ 2. (стр. 67—69.) Предложеніе, которое не можетъ быть раздѣлено на два или болѣе предложеній, и которое слѣд. выражаетъ только одно сужденіе, называется *простымъ* (la proposition simple, der einfache Satz, enunciatum simplex).

Жаръ свалилъ. Повѣяла прохлада.

(Les âmes faibles sont cruelles. Fr. de Neuschâteau. Neue Beſen kehren gut. Homini cum Deo similitudo est. Cic.)

Предложеніе, которое *сложено*, составлено изъ двухъ или болѣе предложеній, и которое потому можетъ быть раздѣлено на свои составныя простыя предложенія, называется *сложнымъ* (la prp. composée, der zusammengesetze Satz, en. compositum).

Длинный день покончилъ рядъ заботъ;

По дворамъ давно загнали стадо,
И косцы вернулися съ работъ.
(Apprends que la seule sagesse
Peut faire les héros parfaits. Racine.

Wir laſſen es dahingeſtellt ſeyn, welhem Volke eigentlich die herrliche Erfindung der Schriftzeichen gebüre. Herder. Concordia res parvae crescunt, discordia maximae dilabuntur Sall.).

Рядъ предложеній, которыя относятся къ объясненію одного предмета, и потому имѣютъ между собою внутреннюю связь, называется *рѣчью* (di scours, Rede). Жаръ свалилъ.... растетъ и шепчется трава. Названіе ей дано отъ одного изъ способовъ, который мы употребляемъ для передачи нашихъ мыслей—способа *устнаго* (говорить—славян. *рещи.*).

Простое предложеніе образуется и состоитъ изъ двухъ или нѣсколькихъ словъ, сложное—изъ двухъ или нѣсколькихъ простыхъ предложеній, *рѣчь* же —изъ нѣсколькихъ простыхъ и сложныхъ предложеній.

§ 3. (стр. 69) Повышеніе голоса надъ словомъ въ составѣ предложенія и надъ гласнымъ звукомъ въ отдѣльномъ словѣ, называется *удареніемъ* или *силою* (l'accent, Betonung, accentus).

Удареніе надъ гласнымъ звукомъ въ отдѣльно взятомъ словѣ называется *просодическимъ* или *грамматическимъ* (accent des mots, Silbenton): *прохла́да.*

Удареніе надъ важнѣйшимъ въ составѣ предложенія словомъ называется *логическимъ* (accent des phrases, Redeton): въ «Жаръ *свалилъ*. Повѣяла *прохлада*» надъ *свалилъ* и *прохлада* находятся ударенія логическія.

Ударенія логическія бываютъ сильнѣе и слабѣе, смотря по важности, придаваемой словамъ въ рѣчи.

Въ письменной рѣчи просодическія ударенія отмѣчаются особыми знаками, а именно: а . *острымъ*

(l'accent aigu), когда удареніе приходится въ началѣ или срединѣ слова: *прохла́да*, *у́жинъ*, и ь. *тяжелымъ* (l'accent grave), когда удареніе приходится надъ конечною гласною: *голосà*, *заря́*. Но знаки эти употребляются только надъ такими словами, которыя одинаковы по начертанію, но различны по смыслу, по значенію: *му́ка* и *мукà*, *зàмокъ* и *замо́къ*.

Логическія же ударенія на письмѣ не отмѣчаются никакими знаками.

Остановки голоса, которыя мы дѣлаемъ (то длиннѣе, то короче) для различія состава предложеній, называются *паузами*. Длиннѣе или короче нужно сдѣлать паузу, это зависитъ отъ объема и важности предложеній и отъ отношенія ихъ между собою.

Въ письменной рѣчи паузы или остановки голоса отмѣчаются знаками препинанія (les signes de la ponctuation, die Interpunktionszeichen): *точкою* (le point, der Punkt, punctum), *двоеточіемъ* (les deux-points, das Kolon, colon), *точкою съ запятой* (le point-virgule, das Semicolon,semicolon), *запятою* (la virgule, das Komma, comma), *черточкой* или *тире* (le tiret, Gedankenstrich).

Одно предложеніе непремѣнно должно быть отдѣлено отъ другаго знакомъ препинанія.

Послѣ точки всегда надо начинать слово большою или прописною буквою.

Говоримъ ли мы, или читаемъ, всегда надобно строго наблюдать *ударенія* и *паузы*, иначе произношеніе и чтеніе будутъ непріятны. Въ письменной же рѣчи должно ставить знаки препинанія: иначе рѣчь будетъ невразумительна ×.

Разстановка знаковъ препинанія, какъ и употребленіе буквы ѣ, составляетъ одно изъ существенныхъ затрудненій при обученіи

§ 4. (стр. 70) Рѣчь, въ которой ударенія располагаются такъ между собою, что одно отъ другаго находится въ извѣстномъ опредѣленномъ разстояніи, называется *рѣчью мѣрною* или *стихами* (les vers, die Verſe, versus); рѣчь, въ которой ударенія не расположены такимъ образомъ, т. е. не слѣдуютъ одно за другимъ въ опредѣленномъ разстояніи, называется *прозаическою* или *прозою* (la prose, die Prosa). Лисица и Виноградъ, Деревенскій лѣтній вечеръ—*стихи*, а Отвѣтъ Ѳалеса, Сказка о Волкѣ и Лисицѣ—*проза*.

Каждый стихъ принято писать особой строкой, а начальное слово каждаго стиха — большою или прописною буквой. См. прим. на стр. 19. 28 и др.

ГЛАВА II.

ОБРАЗОВАНІЕ ПРОСТАГО ПРЕДЛОЖЕНІЯ.

§ 5. (стр. 70) *Подлежащее* (le sujet, das Subject, subjectum) есть то слово въ предложеніи, которое выражаетъ понятіе о предметѣ рѣчи, или которое означаетъ предметъ, *подлежащій* нашему сужденію.

Жаръ свалилъ. Повѣяла *прохлада*.

(*L'homme* est né pour agir. Weiſere Faſſung ziemt dem Alter. *Diligentia* in omnibus rebus plurimum valet. Cicero.).

дѣтей правописанію. Для облегченія этого затрудненія и для ускоренія успѣха, многіе преподаватели употребляютъ одинъ пріемъ, который считаю нелишнимъ передать здѣсь. При изученіи какой-нибудь піесы наизусть, они, разобравши ее, постоянно требуютъ, чтобъ ученики, заучивая данную піесу, въ тоже время заучивали въ ней, гдѣ какой знакъ препинанія поставленъ, и въ которомъ словѣ послѣ которой буквы употреблена ѣ, и чтобы при устной передачѣ піесы тутже непремѣнно указывали и знаки препинанія и мѣсто буквѣ ѣ. Напр. задано выучить «лѣтній деревенскій вечеръ», ученикъ учитъ

Сказуемое (l'attribut, das Praedicat, praedicatum) есть то слово въ предложеніи, которое показываетъ, что̀ мы говоримъ, *сказываемъ* о предметѣ, или которое выражаетъ понятіе о *признакѣ* предмета.

Жаръ *свалилъ*. *Повѣяла* прохлада.

(l'homme *est né* pour agir. Weiſere Faſſung ziemt dem Alter. Diligentia in omnibus rebus plurimum valet.)

Подлежащее и сказуемое суть необходимые члены въ предложеніи, а потому называются *главными* его частями.

Предложеніе простое, состоящее только изъ однихъ главныхъ частей т. е. подлежащаго да сказуемаго, называется *нераспространеннымъ* (en nudum, der nackte Satz). *Жаръ* (подл.) *свалилъ* (сказ.). *Повѣяла* (сказ.) *прохлада* (подл.).

(Les paroles passent, les écrits restent. Prov.: Die Roſe blüht.)

§ 6. (стр. 71) Тѣ слова въ предложеніи, которыя поясняютъ понятіе о предметѣ (какую бы часть предл. оно ни составляло), называются *опредѣлительными* (le complément terminatif, das Attribut, attributum).

Длинный день покончилъ рядъ *заботъ*.

(Les *gros* poissons mangent les petits. Prov. Les yeux sont le miroir *de l'ame*. Prov. Der brave Mann denkt an ſich ſelbſt zuletzt. Sch.

и отвѣчаетъ учителю: «Жаръ свалилъ–*точка*. Повѣяла прохлада *точка*; въ *повѣяла* послѣ буквы *в—ѣ*. Длинный день покончилъ рядъ заботъ *точка съ запятой*; По дворамъ давно загнали стадо *запятая*, И косцы вернулися съ работъ—*точка*. и т. п. Конечно, такая передача піесы мѣшаетъ эстетическому впечатлѣнію, но на этотъ разъ по неволѣ надобно сдѣлать маленькую уступку эстетическимъ требованіямъ. Впрочемъ и послѣднимъ можно удовлетворить отчасти, заставляя наперед передать піесу безъ приложенія къ орѳографіи, а потомъ—въ другой, третій разъ примѣняя ее къ изученію правописанія.

Weiſere Faſſung ziemt dem Alter. Wohlthätig iſt der Feuers Macht. Schiller. Labor improbus omnia vincit).

Тѣ слова въ предложеніи, которыя составляютъ такое необходимое поясненіе понятію о признакѣ, что безъ нихъ само понятіе о признакѣ не можетъ быть ясно представляемо и передаваемо, называются *дополнительными* или *дополненіемъ* (l'complément objectif, das Object, objectum).

Длинный день покончилъ *рядъ* заботъ;

Les cieux annoncent la gloire de Dieu. Erfindung macht die Künſtler groß. Gellert. Fortuna fortes adjuvat).

Примѣч. **Дополненіе называется *прямымъ*** (le complément direct), **если оно обозначаетъ предметъ, на который прямо, непосредственно переходитъ дѣйствіе подлежащаго: оно отвѣчаетъ на вопросы: *кого?—что?* Въ выше приведен. примѣрахъ слова *рядъ* и *стадо*** (la gloire, die Künſtler и fortes) ***прямыя дополненія*. Если же дополненіе не находится въ такомъ отношеніи къ дѣйствію подлежащаго; то оно называется *косвеннымъ*** (le compl indirect): **оно отвѣчаетъ на вопросы: кому чему? о комъ или о чемъ? и т. п.**

Третью думушку задумали,—Господу Богу помолилися.

(L'inimitié succéde á l'amitie trahie. Racine. Les grands abusent des biens et des maux de la vie humaine. Weiſere Faſſung ziemt dem Alter. Cunctis esto benignus, nulli blandus, paucis familiaris, omnibus aequus. Seneca).

Тѣ слова въ предложеніи, которыя поясняютъ понятіе о признакѣ разными побочными случаями или обстоятельствами дѣйствія, напр. показывая *мѣсто, время, образъ* и *причину*, называются *обстоятельственными* (le comp. circonstanciel, das Adverbiale).

По дворамъ давно загнали стадо.

(La verité sort *de la bouche* des enfans. Un bienfait reproché tient *toujours* lieu d'offense. Racine. Petit à petit l' oiseau fait son nid. Prov. A l'ongle on connait le lion.

Dem wahren Weltweiſen muſſ der Tod niemals ſchrecklich ſeyn. Mendelſon. Lange leben iſt nicht viel leben. Leſſing.

Dionysius tyrannus *Syracusis* expulsus *Corynti* pueros docebat. Cicero. Quaedam bestiolae *unum tantum diem* vivunt. Cic. Mercatores non *tantidem* vendunt, *quanti* emerunt. Cic. P. Scipio *propter Africam domitam* Africanus appellatur. Evtrop.)

Слово, показывающее *мѣсто, гдѣ* дѣйствіе совершается или происходитъ, *куда* или откуда идетъ, называется *обстоятельственнымъ мѣста*. Оно узнается по вопросамъ: *гдѣ? куда? откуда?*

Въ саду винограду кисти рдѣлись.
Всѣ теперь *за ужиномъ* они.
По дворамъ загнали стадо.
Запахи *отвсюду* понеслись,

Слово, показывающее *время, когда* или *сколь долго* совершается, происходитъ дѣйствіе, называется *обстоятельственнымъ времени*. Оно познается по вопросамъ: *когда? въ какое время? сколь долго?*

Облака *давно* сбѣжали прочь.

Слово, показывающее *образъ*, какъ дѣйствіе происходитъ, называется *обстоятельственнымъ образности*. Оно познается по вопросамъ: *какъ* и *сколько разъ?*

Пала *сильно* на землю роса.

Слово, показывающее *причину*, отъ чего или для чего дѣйствіе совершается, называется *обстоятельственнымъ причинности*. Оно познается по вопросамъ: *отчего? почему? зачѣмъ? для чего? начто?*

Отъ жару и камень лопается. Пословица.
По платью встрѣчаютъ, *по уму* провожаютъ. Послов.

Слова опредѣлительныя, дополнительныя и обстоятельственныя, могутъ быть и не быть въ предложеніи; они, являясь и состоя при главныхъ частяхъ предложенія, называются *второстепенными частями* предложенія.

Простое предложеніе, которое имѣетъ у себя всѣ второстепенныя части, или только какую-нибудь одну изъ частей второстепенныхъ, напримѣръ дополнительное, опредѣлительное или обстоятельственное слово, называется *распространеннымъ* (en. amp. lificatum, der ausgebildite Satz).

Часъ ночи не далекъ.

(Un bienfait reproché tient toujours lieu d'offense. Dem wahren Weltweisen muss der Tod niemals schrecklich seyn. Quaedam bestiolae unum tantum diem vivunt.)

Итакъ частей предложенія простаго распространеннаго пять: *подлежащее, сказуемое, опредѣлительное слово, дополнительное и обстоятельственное.* *

Предложеніе называется *полнымъ* (la pr. explicite), когда части его находятся всѣ на лицо.

Пала сильно на землю роса.

Но если въ предложеніи одна изъ его частей *пропускается*, подразумѣвается; тогда оно называется *неполнымъ* (le pr. elliptique или implicite), а самый пропускъ части предложенія — *еллипсисомъ* (ellipsis, l'ellipse, die Ellipse).

Гдѣ жь крестьяне?

(A bon entendeur demi-mot вм. полнаго: Un demi-mot suffit à un bon entendeur. Ha, dachte der Kaiser, zür glucklichen Stunde! Bürger. Fortuna fortes. подраз. adjuvat.)

Когда еллепсисомъ бываетъ слово, находящееся въ предложеніи предъидущемъ; тогда онъ на письмѣ обозначается *тире* или черточкою.

Принялись за работу, сдѣлали себѣ хатки: Лисичкѣ — лубяную, а Волку—ледяную, и живутъ въ нихъ.

---

* Въ грам. нашихъ считается шесть частей предложенія, — къ названнымъ мною частямъ прибавляется *связь*, какъ особый членъ. Но связь, какъ служебная часть рѣчи для выраженія отношенія сказ. къ лицу говорящему, такой-же особый членъ предложенія, какъ предлогъ и союзъ.

§ 7. (стр. 73). Слова въ предложеніи, показывающія обыкновенно предметъ, къ которому говорящій обращается съ своею рѣчью, называются *обращеніемъ* или *воззваніемъ* (vocatif). Оно части предложенія не составляетъ.

Отпусти ты, *старче*, меня въ море.

(*Passant*, va dire à Sparte que nous sommes morts ici pour obeir à ses saints lois. Rous. Vincere scis, *Hannilal*, victoria uti nescis. Liv.)

Обращеніе можетъ стоять въ началѣ, въ срединѣ и въ концѣ предложенія.

Когда обращеніе стоитъ въ началѣ или въ концѣ предложенія, то отдѣляется знакомъ восклицательнымъ (!).

Другъ мой, *мѣсяцъ золотой!*
Ты зажги фонарь....
Смилуйся, *государыня рыбка!*

Когда же оно въ срединѣ предложенія, то ставится *въ* запятыхъ.

Отпусти ты, *старче*, меня въ море.

§ 8. (стр. 73) Предложеніе, въ которомъ есть подлежащее на лицо, или подразумѣвается, называется *личнымъ*.

Надъ степью блѣдный мѣсяцъ плылъ.
Горѣла свѣчка на столѣ.

Предложеніе, въ которомъ нѣтъ подлежащаго видимаго, ни подразумѣваемаго, но въ которомъ оно заключается въ самомъ сказуемомъ, называется *безличнымъ*. Это особенно бываетъ тогда, когда видимъ извѣстное дѣйствіе, состояніе или явленіе, но не знаемъ и не умѣемъ указать, кто производитъ это дѣйствіе: *Морозитъ, разсвѣтаетъ, врится, плачется* (il neige, es regnet, pluit.).

Предложеніе — личное или *безличное*—по формѣ выраженія относительно л. говорящаго, называется

А. *вопросительнымъ;*

1) когда говорящему неизвѣстна какая-нибудь изъ частей предложенія:

Куда твой путь, бѣдняжка мой?

2) когда сомнительно, можно ли такъ соединить части предложенія между собою, какъ говорящій соединяетъ ихъ:

Въ корытѣ *много ли* корысти?

В. *повѣствовательнымъ*,

когда въ немъ всѣ части извѣстны говорящему, и онъ увѣренъ, что ихъ такъ можно соединить, какъ онъ соединяетъ ихъ.

Надъ степью блѣдный мѣсяцъ плылъ.

Повѣствовательное называется также особымъ именемъ, — *восклицательнымъ*, когда въ немъ выражается какое-нибудь чувство, которое сильно поразило говорящаго, и какъ бы заставило его воскликнуть.

Какъ ты себя заставилъ ждать!
Такъ чудно было, такъ свѣтло!

Въ вопросительномъ предложеніи удареніе всегда слышится надъ тѣмъ словомъ, которое указываетъ на неизвѣстность чего-нибудь, или сомнительность говорящаго въ чемъ-либо:

Куда твой путь, бѣдняжка мой?
Въ корытѣ *много ли* корысти?

Вопросительное и восклицательное предложенія отмѣчаются на письмѣ особыми знаками: ? !, изъ которыхъ первый потому называется *вопросительнымъ*, а второй—*восклицательнымъ*.

Чье это мѣсто? я спросилъ.
Такъ чудно было, такъ *свѣтло*!

Послѣ знаковъ вопросительнаго и восклицательнаго, когда они употреблены вмѣсто запятой, слѣдующее слово пишется *строчною* или малою буквой: Чье это мѣсто? (?=,) я спросилъ.

Когда же знаки эти стоятъ вмѣсто точки, тогда слѣдующее послѣ нихъ слово пишется *большою* или прописною буквой.

Ты также! (!=.) Ласкова, нѣжна,
Дитя къ огню ведетъ она.

ГЛАВА III.

ОБРАЗОВАНІЕ СЛОЖНАГО ПРЕДЛОЖЕНІЯ.

§ 9. (стр. 86—91) То сложное предложеніе, въ которомъ каждое изъ предложеній, входящихъ въ составъ его, имѣетъ свои особыя части, т. е. свое особое подлежащее, свое особое сказуемое и т. п., называется *составнымъ*.

Я имѣю пріятелей, потому-что безъ дружества жизнь была бы не пріятна.

(Les habitans auront abandonné la ville lorsque l'ennemi y entrera. Vertot. Die Mumien zeigen, daß die Bildung der Aegypter nicht ſchön war. Herder. Lacedaimoniorum gens fortis fuit, dum Lycurgi leges vigebant. Cic.)

Напротивъ, то сложное предложеніе, которое образуется черезъ *сліяніе* нѣсколькихъ предложеній, имѣющихъ у себя какой-нибудь общій членъ, напримѣръ сказуемое при многихъ подлежащихъ, подлежащее при многихъ сказуемыхъ и т. п,, называется *слитнымъ* (der zusammengezogene Satz).

Съ восхожденія солнца земледѣлецъ жнетъ неутомимо свою полосу, и связываетъ снопы.

(Les maladies viennet à cheval et s'en retournent à pied. Prov. Guſtav Adolph war ohne Widerſpruch der erſte Feldherr ſeines Jahrhunderts und der tapferſte Soldat in ſeinem Heere. Schil. Mercatores non tantidem vendunt, quanti emerunt. Cic.)

Въ слитномъ предложеніи одинакія части. напр. два или три подлежащихъ, два или три сказуемыхъ, два одинакихъ дополнительныхъ, два одинакихъ обстоятельствъ мѣста, времени и т. п., раз-

дѣляются въ устной рѣчи самой короткой паузой, а на письмѣ *запятою*.

Общество меня покровительствуетъ, защищаетъ отъ насилія непріятелей оружіемъ, отъ обидъ согражданина моего—законами.

Но когда одинакія части слитнаго предложенія слѣдуютъ рядомъ другъ за другомъ, *непосредственно*, и послѣдняя изъ нихъ присоединяется словомъ *и;* тогда эта послѣдняя часть не отдѣляется никакимъ знакомъ.

Косцы, поставленные строемъ одинъ за другимъ, вмѣстѣ взносятъ *и* опускаютъ косы свои.

Но когда *и* присоединяетъ одинакую часть предложенія къ другой, которая стоитъ не рядомъ съ нею, какъ *взноятъ и опускаютъ*; тогда и передъ *и* принято ставить запятую.

Съ восхожденія солнца земледѣлецъ жнетъ неутомимо полосу свою, *и* связываетъ снопы.

Когда *и* повторяется передъ каждою изъ одинаковыхъ частей, тогда между ними принято ставить запятыя.

Олегъ взялъ съ собою и Чудь, и Кривичей, и другихъ народовъ.

§ 10, (стр- 91—92) Предложенія, соединенныя между собою въ одно составное предложеніе, бываютъ различны по своему значенію относительно другъ друга, и оттого получаютъ различныя названія.

То предложеніе, которое содержитъ въ себѣ главную мысль или то, что мы намѣрены сообщить другимъ, называется *главнымъ* (la proposition principale, der Hauptsatz, en. primarium); то же предложеніе, которое поясняетъ какую-нибудь изъ частей другаго предложенія, называется *придаточнымъ* (la pr. incidente, der Nebensatz, en. secundarium). Первое и отдѣльно можетъ быть понятно, отдѣльно имѣетъ смыслъ и значеніе, —

второе же, отдѣльно взятое, значенія не имѣетъ и понятно быть не можетъ.

Домъ стоитъ на концѣ широкой уединенной улицы (главн.), которая выходитъ въ поле (прид., поясняющее опред. глав. *улицы*). Я имѣю пріятелей (главн.), потому-что безъ дружества человѣку жизнь была бы непріятна (придаточное, поясняющее сказуемое глав. *имѣю*).

(Il faut battre le fer *pendant qu'il est chaud*. Wie köſtlich iſt des Freundes Rede, deren Himmilskraft ein Einſamer entbehrt. Goethe. Lacedaimoniorum gens fortis fuit, dum Lycurgi leges vigebant.)

Въ устной рѣчи придаточное предложеніе отъ главнаго отдѣляется паузой, а на письмѣ *непремѣнно* должно быть отдѣлено знакомъ препинанія.

Онъ стоитъ на концѣ шир. уедин. улицы, которая выходитъ въ поле.

Главное предложеніе съ относящимися къ нему придаточными отдѣляется точкою отъ другаго главнаго.

Онъ стоитъ на концѣ широкой и уединенной улицы, которая выходитъ въ поле. Передъ нимъ, со стороны города, строеніе обывательское перерывается.

Придаточныя предложенія по *образованію* своему бываютъ:

a. ***дополнительныя*** (la pr. complémentaire, der Substantivsatz), **которыя образуются изъ дополнительнаго слова, и, какъ замѣняющія собою дополненіе, относятся къ поясненію понятія о признакѣ по вопросамъ: *что—о чемъ* и т. п.**

Чувствую живо въ сердцѣ моемъ, *что человѣкъ сотворенъ для общества* (пред. допол.).

(Apprends *que la seule sagesse peut faire les héros parfaits*. Racine. Der kluge weiß, daß die Menſchen von nichts ſo überzeugt ſind, als von ihren Irrthümern. Wieland. Persaepe evenit, *ut utilitas cum honestate certet*. Cic.)

b. ***обстоятельственныя*** (la pr. circonstancielle, der Adverbialsatz), **которыя образуются изъ словъ об-**

стоятельственныхъ, заступаютъ ихъ мѣсто, и относятся къ поясненію понятія о признакѣ по вопросамъ: *гдѣ, куда, откуда? когда, сколь долго? какъ? почему, длячего?*

Сколь пріятно отдохновеніе, *когда вкушаешь его послѣ трудовъ своей должности!* (прид. обстоятельств. вр. по вопросу *когда?*).

(On ne croit point un menteur, *lors même qu'il dit la verité. Prov.* Si la vie et la mort de Socrate sont d'un sage, la vie et la mort de Jésus sont d'un Dieu. Rous. Wo rohe Kräfte ſinnlos walten, da kann ſich kein Gebild geſtalten. Schil. Lacedaimoniorum gens fortis fuit, *dum Lycurgi leges vigebant.*).

и с. *опредѣлительныя* (pr. déterminative, der Adjectivsatz), **которыя образуются изъ словъ опредѣлительныхъ, совершенно заступаютъ ихъ мѣсто, и относятся всегда къ поясненію понятія о предметѣ по вопросу:** *какой* **или** *который?*

Домъ стоитъ на концѣ широкой уединенной улицы, *которая выходитъ въ поле* (придат. опред.).

(Le temps qui consume tout detruit les erreurs mêmes. Montesquieu. Dioclétien, vous trouverez chez les chrétiens des sujets respectueux *qui vous seront soumis sans bassesse.* Chateaubr. Wie köſtlich iſt der Freundes Rede, deren Himmelskraft ein Einſamer entbehrt. Si quis occentasset malum carmen sive condidisset, *quod infamiam taxat flagitiumve alteri,* capital esto. Cic.).

Дополнительныя **предложенія отдѣляются отъ главнаго всегда** *запятою.*

Чувствую живо въ сердцѣ моемъ, *что* человѣкъ сотворенъ для общества.

Обстоятельственныя **предложенія отдѣляются отъ главнаго и запятою, и точкою съ запятой, и двоеточіемъ, смотря потому, какъ велики они въ своемъ объемѣ.**

Сколь пріятно отдохновеніе, когда вкушаешь его послѣ трудовъ своей должности! — Въ нашемъ предмѣстіи очень много счастливыхъ: ибо онъ (священникъ) научилъ насъ находить счастіе въ

добродѣтели и исполненія должностей нашихъ, а не въ удовольствіяхъ ежечасныхъ прихотей, которыя никогда не кончатся.

Опредѣлительныя **предложенія отдѣляются отъ главнаго запятою.**

Одинъ князь, *котораго не упомню имени,* построилъ ее (церковь) въ благодарность за побѣду, *одержанную надъ Татарами.*

§. 11. [стр. 92—95) Дополнительное предложеніе, которое заключаетъ въ себѣ рѣчь чужую, рѣчь сторонняго лица, *внесенную* говорящимъ, называется *вноснымъ;* потому-что оно внесено въ рѣчь, какъ сказанное другимъ лицомъ. Такихъ предложеній можетъ быть внесено много, какъ видно изъ слѣдующаго примѣра.

Корсунцы, услыхавъ отъ этомъ (т. е. о походѣ Игоря), послали сказать Императору Роману, «Идетъ Русь; кораблей у нихъ множество; покрыли все море корабли.»

Вносное **предложеніе (чужія слова), когда приведено безъ всякаго измѣненія, слово въ слово, какъ сказано было другимъ, и когда оно слѣдуетъ за главнымъ, имѣетъ передъ собою *двоеточіе* и отдѣляется иногда *кавычками* « ».**

Съ какимъ удовольствіемъ, когда скажу селянамъ, проходя мимо ихъ: «*Богъ помочь, друзья!*» они отвѣтствуютъ мнѣ: «*спасибо, добрый баринъ!*»

Если же *вносное* предложеніе предшествуетъ главному, или передаетъ только содержаніе чужой рѣчи; тогда оно отдѣляется *запятою.*

«У Грековъ въ рукахъ точно молніе небесное, которое они пускали и жгли насъ; вотъ почему мы и не одолѣли ихъ,» говорили воины Игоря.—Болгары послали вѣсть къ царю, что идетъ Русь на Царь-городъ (передано Несторомъ только содержаніе чужой рѣчи—рѣчи Болгаръ).

§ 12. (стр. 95 — 97) Составное предложеніе заключаетъ въ себѣ всѣ главныя предложенія, когда ниодно изъ нихъ не замѣняетъ собою ни опредѣ-

лительнаго, ни дополнительнаго, ни обстоятельственнаго слова для другаго.

Истребленіе кумировъ служило пріуготовленіемъ къ сему торжеству: одни были изрублены, другіе сожжены.

(Les paroles passent, les écrits restent. Prov.

Diligentia in omnibus rebus plurimum valet: haec praecipue colenda est nobis, haec semper adhibenda. Cic.).

При произношеніи главныя предложенія отдѣляются между собой паузами, которыхъ долгота или краткость зависитъ отъ значенія предложеній и объема ихъ.

На письмѣ главныя предложенія отдѣляются другъ отъ друга.

a) *запятой*, когда они выражены предложеніями нераспространенными, или распространенными слишкомъ незначительно:

Одни были изрублены, другіе сожжены.

b. *точкою съ запятой*, когда выражены предложеніями значительно распространенными, или когда представляютъ какъ бы изчисленіе частей цѣлаго:

Говоръ смолкъ; лишь изрѣдка собачій
Слышанъ лай; промолвятъ голоса...
Пыль слеглась; остылъ песокъ горячій,
Пала сильно на землю роса. (вечеръ)

Итакъ, всякое составное предложеніе бываетъ сложено двояко:

или a. изъ главнаго и придаточнаго (subordinatio):

Чтобы усердные язычники не извлекли идола изъ рьки, воины княжескіе отталкивали его отъ береговъ, и проводили до самыхъ пороговъ, *за коими онъ былъ изверженъ волнами на берегъ*

или b. изъ однихъ главныхъ (coordinatio):

Творецъ неба и земли! благослови сихъ новыхъ чадъ Твоихъ; дай имъ познать Тебя, Бога истиннаго; утверди въ нихъ вѣру правую.

§ 13. (стр. 97) Предложеніе, которое *вводится* въ рѣчь, чтобы объяснить и показать, что связь ска-

зуемаго съ подлежащимъ главнаго предложенія утверждается не самимъ лицомъ говорящимъ, но стороннимъ, называется *вводнымъ*. Въ сей день, *говоритъ лѣтописецъ*, земля и небо ликовали.

Вводныя предложенія иногда выражаются сокращено, какъ дополнительныя слова. Вмѣсто «*говоритъ лѣтописецъ*,» можно сказать: *по словамъ лѣтописца*.

Вводное предложеніе, какъ полное, такъ и сокращенное, всегда отдѣляется запятою.

ОБРАЗЕЦЪ ПИСЬМЕННАГО СИНТАКСИЧЕСКАГО РАЗБОРА.

При разборѣ синтаксическомъ, должно указать троякое различіе предложеній: a) *по составу*, b) *по значенію во взаимномъ ихъ отношеніи* и c) *по формѣ выраженія*.

При различеніи предложеній по составу, должно рѣшить слѣд. вопросы: a) изъ *скольких* предложеній* состоитъ данная для разбора рѣчь? b) изъ *скольких и каких членовъ* состоитъ каждое предложеніе? По первому вопросу предложенія бываютъ: a) *простыя* (§ 2) и b) *сложныя* (§ 2) а сіи послѣднія c) слитныя (§ 9) и d) составныя (§ 9). По второму вопросу предложенія бываютъ: a) *полныя* и *неполныя или элептическія* (§ 6), b) *распространенныя* (§ 6) *и нераспространенныя* (§ 5). Въ тѣхъ и другихъ предложеніяхъ слѣдуетъ указать, какія въ нихъ части предложенія главныя (подлежащее и сказуемое § 5) и второстепенныя (опредѣлительныя слова, дополнительныя и обстоятельственныя § 6).

При разсмотрѣніи взаимнаго отношенія предложеній должно указать, какимъ способомъ — способомъ подчиненности или неподчиненности (§ 12)— соединены предложенія и отсюда опредѣлить зна-

ченіе ихъ относительно другъ друга. Отъ способовъ соединенія, предложенія по значенію бываютъ а) *главныя* (§ 10) b) *придаточныя* разныхъ видовъ т. е. *дополнительныя, опредѣлительныя* и *обстоятельственныя* § 10.

По *формѣ выраженія* главныя предложенія бываютъ *личныя* и *безличныя* (§ 8), *повѣствовательныя, вопросительныя* и *восклицательныя* (§ 8), а придаточныя бываютъ *полныя* и *сокращенныя* (§ 32).

A.

1. Цыганы. . . *подлежащее*, п. ч. выражаетъ понятіе о предметѣ рѣчи.
2. шумною . . *опредѣлительное* къ 3, п. ч. поясняетъ понятіе о предметѣ, которое выражается словомъ *толпой*.
3. толпой. . . . *обстоятельственное образности*, п. ч. поясняетъ понятіе о признакѣ кочуютъ, обозначая образъ этого дѣйствія по вопросу *какъ?*
4. По Бессарабіи *обст. мѣста*, п. ч. поясняетъ тоже понятіе о признакѣ *кочуютъ*, указывая мѣсто дѣйствія по вопросу *гдѣ?*
5. кочуютъ . . . *сказуемое*, п. ч. выражаетъ то, что говорится о предметѣ *цыганы*, означаетъ понятіе о признакѣ.

По составу это—предложеніе *простое*, п. ч. состоитъ только изъ одного сужденія,—*распространенное*, п. ч. кромѣ главныхъ частей въ немъ есть и второстепенныя,—*полное*, п. ч. ни одна изъ частей его не подразумѣвается, но всѣ находятся на лицо.

По значенію—главное—независимое, п. ч. для личнаго или сомнительнаго.

По формѣ выраженія—*личное, повѣствовательное*, п. ч. для лица говорящаго нѣтъ въ немъ ничего неизвѣстнаго.

B.

1. Вода — подлежащее къ 3 и 4.
2. ручья — опредѣлительное къ 1.
3. чиста — сказуемое къ 1.
4. и холодна — сказуемое къ 1.

По составу сложное—слитное. По знач. главныя, по формѣ выраж. повѣствовательн.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ЧАСТИ РѢЧИ И ФОРМЫ ИХЪ ДЛЯ ВЫРАЖЕНІЯ ЧАСТЕЙ ПРЕДЛОЖЕНІЯ И ОТНОШЕНІЙ МЕЖДУ НИМИ И ЦѢЛЫМИ ПРЕДЛОЖЕНІЯМИ.

ГЛАВА IV.

А. ДЛЯ ВЫРАЖЕНІЯ ПОДЛЕЖАЩАГО И ДОПОЛНЕНІЯ И ОТНОШЕНІЙ ИХЪ ВЪ ПРЕДЛОЖЕНІИ.

§ 14. (118—121) *Существительнымъ* именемъ (le substantif, das Substantiv или Hauptwort, nomen substantivum) называется всякое слово, которое означаетъ понятіе или представленіе о предметѣ:

Антипъ—судно—берегъ.

(Jacques, bateau, bord,—Teodor, Wilgelm, Schiff, Ufer,—Flaccus Horatius, navis, littus).

Существительное имя—такъ-какъ оно всегда выражаетъ особый опредѣленный отдѣлъ или разрядъ понятій, именно понятій о предметахъ—называется уже *частью рѣчи*, а не *предложенія*.

Существительное имя, всегда означая или *именуя* опредѣленное понятіе о предметѣ, называется *знаменательною* частью рѣчи (Begrifswort): *судно, берегъ*.

Существительное имя собственно и по преимуществу выражаетъ подлежащее и дополненіе, но

можетъ выражать и всякую другую часть предложенія.

Антипъ искусно управилъ *судно къ берегу.*

Существительное имя, означающее понятіе о предметѣ чувственномъ, называется *предметнымъ* (n. concret, Conkret, concretum substantivum):

Корабль, яхта.

(Vaisseau, *Yacht, Schiff, navis).*

Существительное, означающее понятіе о предметѣ умственномъ, называется *отвлеченнымъ* (n. abstrait, Abstrakt, abrtractum subst.); потому-что названіе такому предмету мы *отвлекаемъ* отъ какого-нибудь дѣйствія (или состоянія) или качества:

Отъѣздъ, время, ужасъ.

(*Départ, amitié, Freundlichkeit, Liebe,—amor, amicitia.*)

Существительныя *собственныя* или *единичныя* (le subst. propre, der Eigennahme, nomen proprium) обозначаютъ названіе, принадлежащее собственно одному какому-нибудь предмету:

Москва, Аѳанасій, Петръ.

(Paris, Voltaire, Göthe, Wien, Roma, Cicero).

Существительныя *общія* или *нарицательныя* (le subst. commun, der Gattungsnahme, n. appellativum) суть имена или названія, которыя принадлежатъ, *общи* всѣмъ предметамъ одного вида, или которыми *нарицается* (называется) цѣлый разрядъ однородныхъ предметовъ; оттого каждому отдѣльному предмету изъ извѣстнаго разряда нарицательное имя всегда годится въ сказуемое (*Петръ Великій—царь* русскій):

Царь, монастырь, лоцманъ.

(*Roi, couvent,—Kloster, Kaiser, rex*).

Нѣкоторыя изъ общихъ существительныхъ называются еще *собирательными* (le subst. collectif, der Sammelnahme, n. collectivum), когда означается ими извѣстная совокупность предметовъ одного

рода, которые, какъ части, составляютъ одно цѣлое; оттого каждому отдѣльному предмету, какъ части этого цѣлаго, собирательное имя не годится въ сказуемое (нельзя сказать, корова есть стадо):

Свита, лѣсъ, полкъ.

(Armée, troupe,—Heer Truppe, grex.)

Сущест. собственныя, на какомъ бы мѣстѣ они ни стояли въ рѣчи, пишутся всегда большою или *прописною* буквою:

Москва, Антипъ, Аѳанасій.

Общія или нарицательныя существ. пишутся *маленькою* буквою въ срединѣ рѣчи:

лоцманъ—монастырь—ужасъ—молебенъ.

Но общія существ. пишутся и большою буквою:

а. когда ими начинается стихъ, статья, или когда ими начинается предложеніе послѣ точки и знака вопросительнаго или восклицательнаго, замѣняющаго точку:

Не унывалъ только Петръ. *Душа* его какъ будто радовалась *борьбѣ* съ раздраженною *стихіею*.

b. когда они бываютъ названіемъ дѣйствующихъ предметовъ въ баснѣ: въ такомъ случаѣ они принимаются за имена собственныя.

Голодная кума *Лиса* залѣзла въ *садъ*.

Въ титулованіи царствующаго императора и всего его августѣйшаго дома принято писать всѣ слова большими буквами: Императоръ Александръ II.

§ 15. (121—123) Существительныя общія называются *уменьшительными*, когда означаютъ названія предметовъ малыхъ, незначительныхъ по величинѣ:

Домикъ, городокъ, хижинка.

Существительныя общія называются *увеличительными*, когда означаютъ названія предметовъ

размѣра большаго, значительнѣйшаго, чѣмъ обыкновенный:

Домина, мужичина, лапища.

Существительныя имена, когда ими показывается наше сочувствіе къ предмету, показывается, что мы любимъ его и съ любовью ласкаемся къ нему, называются *ласкательными*:

голубчикъ, братецъ, солнышко.

Существительныя, когда ими выражается наше отвращеніе къ предмету, наше презрѣніе и униженіе его, называются *уничижительными*:

Братишка, мальчишка, домишка.

§ 16. (стр. 123) Форма (или окончаніе) существительнаго, указывающая намъ различіе предметовъ *по полу*, называется *родомъ* (le genre, das Geschlecht, genus).

Король, королева.

(Le roi, la reine, der Kaiser, die Kaiserin, rex, rigina).

Существительными *мужескаго рода* (le g. masculin, das männliche, g. masculinum) называются тѣ, которыя означаютъ предметъ мужескаго пола:

Царь, отецъ, король, князь.

(Le pere, le roi, der Vater, der Kaiser,—pater rex).

Существительными *женскаго рода* (le g. feminin, das weibliche, g. femininum) называются тѣ, которыя означаютъ названія предметовъ женскаго рода:

Царица, мать, королева, княгиня.

(La reine, la mere, die Mutter, die Fürstin, mater, regina).

Но существительныя, не показывающія опредѣлительно, къ мужескому или женскому полу относится предметъ, называются *средняго рода* (g. neutrum, das Neutrum):

Дитя, (Das Kind).

Предметы неодушевленные, умственные, по образцу одушевленныхъ, мы также различаемъ по

родамъ; они также представляются намъ предметами *мужескаго, женскаго и средняго рода: домъ, мебель, платье.*

Роды именъ существительныхъ одушевленныхъ предметовъ узнаются *по значенію*, а роды существительныхъ неодушевленныхъ и умственныхъ предметовъ узнаются по *окончаніямъ*.

Существительныя мужскаго рода кончатся на *ъ, й* и частію на *ь:*

Домъ, ужасъ, покой, день, корабль (мой).

Существительныя женскаго рода кончатся на *а, я* и частію на *ь*:

Яхта, буря, постель (моя).

Существительныя средняго рода кончатся на *о, е, мя:*

Судно, море, имя (моё).

§ 17. (123—129) Форма (окончанія) существительнаго, обозначающая количество или число предметовъ, называется *числомъ* (le nombre, das Numerus или die Zahl, numerus):

Измаильтянинъ и измаильтяне, покровитель и покровители, другъ и друзья. Во дни Іосифа *царь* египетскій видѣлъ замѣчательный *сонъ*. Для изъясненія *сновъ царя* египетскіе обращались къ ученымъ *сноголкователямъ*. (le roi—les rois, der Freund die Freunde, rex reges)

Въ русскомъ языкѣ есть два числа:

a. *единственное* (le n. singulier, die Einzahl, n. singularis), которое показываетъ, что говорится объ одномъ предметѣ:

Хорошій *человѣкъ* вездѣ находитъ себѣ *друга* и *покровителя*. (le roi, der König, rex)

b. *множественное* (le n. pluriel, die Mehrzahl, n. pluralis), которое показываетъ, что говорится о нѣсколькихъ или многихъ предметахъ:

Хорошіе люди вездѣ находятъ себѣ *друзей* и *покровителей*. (les rois, die Könige, reges)

Слова, обозначающія опредѣленное число или ко-

личество предметовъ, называются *числительными* именами (les numeraux, die Zahlwörter, numeralia).

Три корзины означаютъ *три* дня.

Числительныя имена имѣютъ туже службу въ предложеніи, что и окончанія существительнаго, обозначающія *число*. Разница лишь въ томъ, что окончанія существ. показываютъ число неопредѣленно, а числительныя—*опредѣлительно* и отчетливо; а потому числительное имя есть часть рѣчи *служебная* (Formwort), а не знаменательная.

Царь египетскій разгнѣвался *на придворныхъ чиновниковъ*. Царь египетскій разгнѣвался на *двухъ придворныхъ чиновниковъ*.

Числительное имя называется *количественнымъ* (les cardinaux, die Grundzahlen, cardinalia), когда означаетъ просто счетъ, количество предметовъ, и тогда оно познается по вопросу «сколько?»

Одинъ, три, пять, четверть, половина, двое, семеро, десятокъ, дюжина и проч. (un, trois, vingt, cent,—eins, drei, zwanzig, hundert,—unus, tres, viginti, centum).

Числительное называется *порядковымъ* (les ordinaux, d. Ordnugszahlen, ordinalia), когда вмѣстѣ съ количествомъ показываетъ порядокъ, въ какомъ слѣдуютъ предметы одинъ за другимъ, или какое мѣсто занимаетъ предметъ въ ряду другихъ: *первый, второй, сотый, тысячный, милліонный* и т. п. (premier, troisième,—erste, dritte, zwanzigste,—primus, tertius, vigesimus).

Числительное имя въ предложеніи занимаетъ мѣсто опредѣлительнаго слова; другими же частями предложенія, напр. дополненіемъ и подлежащимъ и т. п. оно бываетъ только съ виду, а не въ самомъ дѣлѣ.

Три вѣтви означаютъ *три* дня. Одинъ изъ нихъ былъ виночерпій. Іаковъ имѣлъ *двѣнадцать* сыновей.

§ 18. (129 — 130) Окончанія существительнаго,

показывающія различныя отношенія его, какъ извѣстной части предложенія къ другой, называются *падежами* (casus, die Casus).

Въ русскомъ языкѣ считается семь падежей; названія ихъ сдѣдующія: 1) *именительный*, 2) *звательный*, 3) *родительный*, 4) *дательный*, 5) *винительный*, 6) *творительный* и 7) *предложный*

Именительный (nominativus, der Nominativ) падежъ употребляется для выраженія подлежащаго, и познается по вопросамъ: *кто? что?*

Пентефрій имѣлъ злую жену. (*Кто* имѣлъ злую жену? *Пентефрій*—им.) *Изъясненіе* снова зависитъ отъ Бога. (Что́ зависитъ отъ Бога?.—*Изъясненіе*—им. п.)

Звательный (vocativus, d. Vocativ) употребляется для выраженія *обращенія* въ предложеніи:

Боже! Царя храни! (*Боже* есть обращеніе—и зват. п.)

Родительный (Genitivus, d. Genitiv) употребляется для обозначенія того опредѣлительнаго слова, которое выражено существ. именемъ, и познается по вопросамъ «*кого, чего? чей? чья? чье?*»

Изъясненіе *снова* зависитъ отъ Бога. (*Чего* изъясненіе? — *снова* — род. п.)

Дательный (dativus, d. Dativ) употребляется для выраженія дополненія, къ которому относится дѣйствіе подлежащаго, и познается по вопросу «*кому, или чему?*»

Измаильтяне продали Іосифа *Пентефрію*. (*Кому* продали? — *Пентефрію*—дат. п.)

Винительный (accusativus, d. Accusativ) употребляется для выраженія дополненія, на которое прямо переходитъ дѣйствіе подлежащаго, и познается по вопросу «*кого?* или *что?*»

Измаильтяне продали *Іосифа* Пентефрію. (*Кого* продали? — *Іосифа* — вин. п.). Пентефрій замѣтилъ въ Іосифѣ честность, скромность и благочестіе. (*Что* замѣтилъ Пентефрій въ Іосифѣ?— *честность, скромность, благочестіе*—вин. п.)

Творительный (ablativus, d. Instrumental) употребляется для выраженія дополненія, которое показываетъ или орудіе, которымъ что-нибудь *творится*, дѣлается, или переходъ предмета изъ одного вида въ другой,—переходъ, произведенный дѣйствіемъ подлежащаго; онъ познается по вопросу *кѣмъ* или *чѣмъ*?

Іосифъ пріобрѣлъ любовь Пентефрія *честностью, скромностью и благочестіемъ*. (Чѣмъ Іосифъ пріобрѣлъ любовь? *честностью, скромностью* и *благочестіемъ* тв.)

Тюремный начальникъ сдѣлалъ Іосифа *вторымъ человѣкомъ* по себѣ. (Іосифъ былъ заключеннымъ въ темницѣ, а дѣйствіемъ подлежащаго сдѣлался *вторымъ человѣкомъ* по начальникѣ. *Кѣмъ* Іосифъ *сдѣлался?* вторымъ *человѣкомъ*—т. п.)

Предложный (который прежде назывался *сказательнымъ*) употребляется для выраженія:

а. дополненія, которое указываетъ предметъ мысли и рѣчи, и узнается по вопросамъ *о «комъ, о чемъ ?»*

Неблагодарный виночерпій въ дни счастія забылъ *о Іосифѣ*. (*О комъ* забылъ?—*о Іосифѣ*—пр. п)

b. для выраженія обстоятельственнаго мѣста, которое показываетъ положеніе или пребываемость дѣйствія на извѣстномъ мѣстѣ, и познается по вопросамъ *гдѣ? на комъ, на чемъ?* въ комъ, въ чемъ? и т. п.

Іосифъ былъ счастливъ и *въ чужой землѣ*. (Гдѣ былъ счастливъ Іосифъ?—*въ чужой землѣ*—пр. п.).

Кромѣ указанныхъ отношеній тѣже падежи употребляются и для выраженія другихъ отношеній, напр. отношеній обстоятельственныхъ словъ времени и т. п.

Іосифъ былъ счастливъ и *между чужими людьми*.

Пентефрій велѣлъ посадить невиннаго Іосифа въ темницу (обст. мѣст. вин. пад.).

Неблагодарный виночерпій въ дни счастія (об. вр.) забылъ объ Іосифѣ.

Именительный и звательный падежи называются

падежами *прямыми* (recti casus), а прочіе (родит., дател., вин., твор., пред.)—*косвенными* (obliqui).

§ 19. (130—131) Падежи косвенные обрисовываютъ вообще

a. положеніе или спокойное пребываніе дѣйствія по вопросу *гдѣ*?

Іосифъ и *въ самой темницѣ* нашелъ друзей.

b. направленіе движенія или дѣйствія по вопросамъ *куда* (дательн. и винит.) и *откуда* (родит. и твор.).

Измаильтяне продали *Іосифа Пентефрію*.

Слова, которыми въ рѣчи опредѣлительно выражаются *отношенія* положенія или направленія дѣйствія, называются *предлогами* (la préposition, das Vorwort, præpositio): «въ, изъ, между и т. п.»; потому-что они полагаются *предъ* именами.

Предлогъ при падежѣ ясно говоритъ намъ, что положеніе дѣйствія находится *внутри* или *вић* другаго предмета, *наверху* или *внизу* его и т. п., и что направленіе дѣйствія идетъ на поверхность или во внутренность другаго предмета и т. п.:

Фараонъ прикажетъ повѣсить тебя *на висѣлицѣ*. Фараонъ снялъ перстень *съ* руки своей.

Косвенные падежи и предлоги по употребленію своему въ предложеніи сходны, родственны; тѣ и другіе обозначаютъ отношенія положенія и направленія дѣйствія: оттого отношенія эти иногда обозначаются одними падежами, а иногда съ помощью предлоговъ; оттото же въ тѣхъ языкахъ, гдѣ существительныя не измѣняются по окончаніямъ, всѣ отношенія ихъ обозначаются одними предлогами, какъ наприм. во французскомъ языкѣ:

Les maladies *de* l'ame sont plus dificiles à guerir, que
Болѣзни душ-и гораздо труднѣе лѣчить, чѣмъ
celles *du* (=de le) corps.
болѣзни тѣл-*а* (—есныя).

Предлоги несутъ туже службу въ предложеніи, какую падежи или окончанія падежныя; они не выражаютъ никакого опредѣленнаго понятія, но только *служатъ* къ обозначенію отношеній понятій: потому они части предложенія не составляютъ, и суть *служебная* часть рѣчи, а не *знаменательная*.

§ 20 (с. 131) Измѣненіе окончаній существительнаго по падежамъ въ числѣ един. и множественномъ называется *склоненіемъ* (die Declination, declinatio).

Единственное число.

Хлѣбодаръ видѣлъ сонъ	И. Хлѣбодар–ъ.
Хлѣбодара сонъ предвѣщалъ недоброе.	Р. Хлѣбодар–а.
Хлѣбодару снились 3 корзины.	Д. Хлѣбодар–у.
Хлѣбодара посадилъ въ тюрьму фараонъ.	В. Хлѣбодар–а.
Хлѣбодаре! готовься къ смерти.	З. Хлѣбодар–ъ.
Хлѣбодаромъ былъ недоволенъ фараонъ.	Т. Хлѣбодар–омъ.
О хлѣбодарѣ извѣстно, что онъ повѣшенъ.	П. О хлѣбодарѣ.

Множественное число.

Хлѣбодары смотрятъ за царскимъ столомъ.	И. Хлѣбодар–ы.
Должность *хлѣбодаровъ* смотрѣть за столомъ.	Р. Хлѣбодар–овъ.
Хлѣбодарамъ ввѣрялось смотрѣніе за столомъ.	Д. Хлѣбодар–амъ.
Хлѣбодаровъ смѣняли.	В. Хлѣбодар–овъ.
Хлѣбодары! будьте честны.	З. Хлѣбодар–ы.
Хлѣбодарами избирали людей не изъ простаго званія.	Т. Хлѣбодар–ами.
О хлѣбодарахъ знаете ли вы еще что–нибудь?	П. О хлѣбодар–ахъ.

Предлогъ никогда не измѣняется по окончаніямъ: потому-что имъ не выражается никакая часть предложенія, и потому-что имъ выражаются всегда неизмѣненныя отношенія словъ. Но числительное имя, какъ выражающее опредѣленіе, измѣняется по падежамъ и числамъ, — слѣдовательно числительное имя *склоняется*.

Измаильтяне продали Іосифа Пентефрію, *одному* изъ *первыхъ* вельможъ царя египетскаго.

Имена существ. мужескаго рода, кончающіяся въ именительномъ на *а* (слуга), пишутся въ *дательномъ и предложномъ п.* чрезъ *ѣ*:

Слугѣ отдано приказаніе. На слугѣ взыскивается исполненіе приказанія.

Предложный падежъ ед. ч. именъ существительныхъ муж. рода, оканчивающихся въ именительномъ на *ъ*, *ій*, *ь* (сонъ, виночерпій, стебель), пишется чрезъ *ѣ*:

Фараонъ видѣлъ *во снѣ* (сонъ) семь свѣжихъ полныхъ колосьевъ, выросшихъ на *одномъ стеблѣ* (стебель).

Дательный и предложный падежи един. числа пишутся черезъ *ѣ* въ именахъ женскаго рода, оканчивающихся въ именительномъ на *а*, *я*, за исключеніемъ оканчивающихся на *ія*, которыя въ предл. п. имѣютъ *и*, а не ѣ (темница — земля—молнія):

Темницѣ быть должно запертой. Въ темницѣ сидѣлъ невинный Іосифъ. Іосифъ былъ счастливъ и въ чужой землѣ.

Существительныя женскаго рода на *ь* въ предложномъ падежѣ кончатся на *и*, а не ѣ:

Въ прежней должности вспомни обо мнѣ.

Предложный пад. ед. ч. именъ существительныхъ средняго рода, оканчивающихся въ именительномъ на *о* и *е* (достоинство, поле), а не на іе (изобиліе), пишется также черезъ *ѣ*:

Фараонъ... повелѣлъ посадить Іосифа на придворную колесницу и возить торжественно по столицѣ, чтобы всѣ знали *о новомъ* его

достоинствъ. Въ іосифовомъ объясненіи сна фараонъ нашелъ успокоеніе.

Именительный над. множ. ч. сред. рода именъ, кончающихся на *іе* (объясненіе) имѣетъ ія, а не іи:

Объясненія (а не объясненіи) ученыхъ снотолкователей казались фараону неудовлетворительными.

Числительное «*одинъ*» въ окончаніи родительн. ед. ч. муж. и сред. рода пишется черезъ *ого*, а не *аго*:

Изъ одного стебля выросло семь сухихъ пустыхъ колосьевъ.

Тоже числительное *одинъ* въ женск. родѣ множ. числа во всѣхъ падежахъ пишется черезъ *ѣ*:

Однѣ коровы были жирныя, а другія —худыя.

Числительныя «*два* и *оба*» въ именит. женскаго рода пишутся черезъ *ѣ*:

Двѣ подруги—обѣ сестры.

§ 21. (с. 131—134) Слова въ предложеніи, которыя заступаютъ *мѣсто имени*, называются *мѣстоименіями* (le pronom, das Fürwort, pronomen): *я—мы—ты—вы—онъ—они*.

Мѣстоименіе есть *служебная* часть рѣчи, а не знаменательная.

Мѣстоименіе въ предложеніи выражаетъ не одно подлежащее и дополненіе, но и другія части, какъ то: опредѣленіе и обстоятельственныя слова и пр.

Ненависть *ихъ* еще болѣе усилилась съ *тѣхъ* поръ, какъ Іосифъ разсказалъ *имъ* два необыкновенные сна.

Мѣстоименія, смотря потому, какое значеніе имѣютъ въ составѣ рѣчи по отношенію къ лицу говорящему, получаютъ различныя названія.

Тѣ мѣстоименія, которыя замѣняютъ имена или самого лица говорящаго, или лица, съ которымъ разговариваешь, или лица сторонняго, о которомъ говорятъ, называются *личными* (lespr. personnels, die Persönliche, personalia): *я–мы, ты—вы, онъ, она, оно—они, онѣ*.

***Примѣч.* Мѣстоименіе, замѣняющее имя лица го-**

ворящаго, называется личнымъ мѣстоименіемъ перваго лица: *я—мы.*

Мѣстоименіе, замѣняющее имя лица, съ которымъ разговариваемъ, называется личнымъ мѣстоименіемъ втораго лица: *ты—вы.*

Мѣстоименіе, замѣняющее имя сторонняго предмета, извѣстнаго и опредѣленнаго для разговаривающихъ, называется личнымъ мѣстоименіемъ 3-го лица: *онъ—они.*

Мѣстоименіе, которое замѣняетъ имя дѣйствующаго предмета, на который возвращается его же собственное дѣйствіе, называется *возвратнымъ* (prn. réfléchi, rückbezügliche Fürw, reflexivum): *себя.*

Хорошіе люди вездѣ находятъ *себѣ* друзей и покровителей.

Мѣстоименія, которыя опредѣляютъ предметъ указаніемъ на него лица говорящаго, называются *указательными* (les pr. n. démonstratifs, die anzeigende, demonstrativa): *сей, этотъ, тотъ*

Злая *сія* женщина нашла средство оклеветать *его* (Іосифа) передъ Пентефріемъ. Эти худыя коровы съѣли семь жирныхъ коровъ.

Мѣстоименія, которыя показываютъ, что къ поясненію понятія о предметѣ относится придаточное опредѣлительное предложеніе, называются *относительными* (les prn. relatifs, d. beziehende, relativa): *который, кой.*

Іаковъ, *который* самъ имѣлъ сны, не забылъ ихъ.

Мѣстоименія, которыя опредѣляютъ принадлежность перваго, втораго или третьяго лица, называются *притяжательными* (les pr. possessifs, d zueignende, possesiva): *мой—нашъ, твой—вашъ.*

Мой снопъ стоялъ прямо, *ваши* же снопы окружили *мой* снопъ и кланялись ему.

Мѣстоименія, которыя опредѣляютъ точнѣе осо-

бенное отличіе предмета, называются *опредѣлительными* (les prn. definis, difinita): *самъ—самый.*

Веніаминъ *самый* младшій былъ еще ребенокъ. Іаковъ *самъ* имѣлъ сны.

Мѣстоименія, которыя замѣняютъ имя предмета неопредѣленнаго, называются *неопредѣленными* (prn. indifinis, indefinita): *кто-нибудь, кто-либо, никто, всякой, каждый, никоторый.*

Богъ назначаетъ къ *чему-либо* великому моего Іосифа. *Никто* не можетъ изъяснить фараону сны его.

Итакъ мѣстоименія бываютъ: *личныя, возвратное, указательныя, относительныя, притяжательныя, опредѣлительныя и неопредѣленныя.*

Мѣстоименія, чтобы стать какою-нибудь частью предложенія, измѣняются въ своихъ окончаніяхъ, стало-быть мѣстоименія *склоняются.*

Тебѣ открылъ Господь тайну *свою*, слѣд. *ты* мудрѣе другихъ.

Дательный пад. ед. ч. мѣстоименій личныхъ и возвратнаго пишется черезъ ѣ: *мнѣ* снилось...

Мѣстоименія *кто* и *тотъ* въ родит. ед. ч. муж. пишутся чзреъ *ого*, а не *аго.*

Изъ *тогоже самаго* стебля вышли семь сухихъ колосьевъ.

Тѣмже мѣстоименія *кто* и *тотъ* въ творительн. ед. муж. и сред. рода пишутся черезъ *ѣ*:

Чѣмъ ушибся, *тѣмъ* и лѣчись.

Кромѣтого мѣстоименіе указательное *тотъ* во всѣхъ падежахъ множ. ч. пишется черезъ *ѣ*:

А этого не смыслитъ неучъ сей,
Что мы свой знатный родъ ведемъ отъ тѣхъ гусей,
Которымъ нѣкогда былъ долженъ Римъ спасеньемъ.

Мѣстоименіе *весь* въ творит. муж. и сред. рода ед. ч. и *во всѣхъ* падежахъ множ. пишется черезъ *ѣ*:

Іосифъ управлялъ *всѣмъ* домомъ и *всѣмъ* имѣніемъ Пентефрія. Фараонъ приказалъ собрать *всѣхъ* ученыхъ снотолкователей.

ГЛАВА V.

Б. Для выраженія сказуемаго и отношеній его въ предложеніи.

§ 22. (с. 141—144) Слово, выражающее понятіе о дѣйствіи или состояніи предмета, называется *глаголомъ* (le verbe, das Zeitvort, verbum); потому-что дѣйствіе или состояніе всего яснѣе *глаголетъ* (говоритъ) о предметѣ: *выбирай есть глаголъ, кроетъ и роетъ тоже глаголы, мерзнешь — тоже глаголъ.*

По дѣйствію мы всего легче признаемъ предметъ, всего яснѣе отличаемъ его отъ другихъ предметовъ: потому глаголъ въ предложеніи выражаетъ по преимуществу и собственно сказуемое.

Съ разборомъ *выбирай* друзей.

Глаголъ, выражая особый опредѣленный разрядъ понятій о дѣйствіи или состояніи предмета, составляетъ особую часть рѣчи и притомъ — *знаменательную*.

Форма, опредѣляющая въ глаголѣ различіе дѣйствія по его характеру, называется *залогомъ* (les sortes de verbes, die Art, genus verborum).

Глаголы, которые выражаютъ дѣйствіе подлежащаго, переходящее на другой предметъ повопросамъ *кого* и *что*, называются глаголами залога дѣйствительнаго, или просто *дѣйствительными* (le v. actif, das activ, verbum activum).

Когда корысть *себя* личиной дружбы *кроетъ*,
Она тебѣ лишь яму *роетъ*.

Глаголы, при которыхъ подлежащее представляется не дѣйствующимъ, но страдательнымъ отъ другаго стороняго предмета, именно того, который выражается дополненіемъ въ твор. пад., или

родит. съ предлогомъ *отъ*, называются *страдательными* (le v. passif, das Passiv, v. passivum).

Тутъ онъ (огонь) былъ дорожными *забытъ*.

Онъ, видно, отъ дорожныхъ *былъ забытъ*.

Глаголы, которые показываютъ дѣйствіе подлежащаго, не переходящее на другой предметъ, или выражаютъ состояніе, въ какомъ находится подлежащее, называются *средними* (le v. neutre, das Neutr, v. neutrum).

Зимою огонекъ подъ рощей *тлился*.

Огонь мой чуть *горитъ*.

Глаголы, которые показываютъ дѣйствіе, возвращающееся на самое подлежащее, называются *возвратными* (le v. réfléchi или pronominal, v. reflexivum).

Солнце *спустилось* на ночлегъ.

Клубами черный дымъ *несется* къ облакамъ.

Глаголы, которые показываютъ такое дѣйствіе подлежащаго, которое оно взаимно сообща съ какимъ-нибудь другимъ предметомъ производитъ, называются *взаимными*.

Какъ дереву съ огнемъ *дружиться*?

Пять особыхъ чертъ или примѣтъ въ дѣйствіяхъ, и пять *залоговъ* въ нашемъ языкѣ: *дѣйствительный, страдательный, средній, возвратный* и *взаимный*.

§ 23. (стр. 144 и 146) А. Различныя окончанія (я рж-у—мы рже-мъ, ты рж-ешь—вы рже-ете, онъ рж-етъ—они рж-утъ) глагола (или формы), которыя онъ принимаетъ, какъ сказуемое, чтобы показать какого лица и числа бываетъ при немъ подлежащее, называются *лицами* и *числами* глагола: я *ржу* (1 лицо един. ч.), ты *ржешь* (2 л. ед. ч.), онъ *ржетъ* (3 лицо един. числа).

Глаголы имѣютъ *три лица* и *два числа* (единственное и множественное).

Употребить глаголъ-сказуемое въ первомъ, второмъ или третьемъ лицѣ единственнаго или множе-

ственнаго числа зависитъ оттого, какого лица и числа его подлежащее, но вовсе не зависитъ отъ лица говорящаго; а потому глаголъ измѣненіемъ окончаній для лицъ и чиселъ обозначаетъ свое отношеніе къ подлежащему, а не къ лицу говорящему.

В. Глаголы, принимающіе всѣ три личныя окончанія въ числѣ единств. и множественномъ, называются *личными* (le v. personel, das v. persönliches, verbum personale): я мы *хол-ю*—имъ, ты и вы *хол-ишь*—ите, онъ и они *хол-итъ*—ятъ коня).

Глаголы, неспособные имѣть особыхъ окончаній для 1 и 2 лица обоихъ чиселъ и для 3 лица множ., но употребляющіеся только въ одномъ 3 лицѣ единственнаго числа, называются *безличными* или вѣрнѣе *одноличными* (le v. impersonnel, unipersonnel, das v. unpersönliches, v. impersonale): *Разсвѣтаетъ*—*смеркается*. *Неспится*, (il faut, es dornert, decet, oportet).

§ 24. (с. 146) Формы глагола, опредѣляющія, что дѣйствіе представляется лицомъ говорящимъ въ *совершаемости*, продолжающимся (спускалось—выбирай—отвѣчаетъ), или въ *совершеніи*, оконченнымъ (спустилось, выбери, отвѣть), называются *видами* глагола.

Глаголы, обозначающіе дѣйствіе въ *совершаемости* (въ процессѣ), слѣд. продолжающимся, называются глаголами вида *несовершеннаго:* блистало-оно—корысть *кроетъ*, яму *роетъ*, *говоритъ*.

Глаголы, обозначающіе дѣйствіе въ *совершеніи*, слѣд. *оконченнымъ*, называются глаголами вида *совершеннаго:* блеснуло оно — покроетъ, вырыла, *спустилось—сказалъ*.

И такъ глаголы наши имѣютъ два вида:

а) *несовершенный*: *горитъ* огонь, спук-а-лось солнце.

b. *совершенный*: *проговорилъ* огонь, спуст-и-лось солнце.

§ 25. (с. 146) Окончанія глагола (или формы), которыми опредѣляется время дѣйствія или состоянія, называются *временами глагола* (le temps, die Zeitform, tempus).

Что ты рж-е-*шь* мой конь ретивый?
Что ты шею опуст-и-*лъ*?

Время называется *настоящимъ* (le présent, die Gegenwart, præsens), когда показывается, что дѣйствіе или состояніе совершается теперь, въ ту самую минуту, какъ объ немъ говорится.

Али я тебя не холю?
Отчего ты ржешь?
Отвѣчаетъ конь печальный...

Время называется *прошедшимъ* (le passé, die vergangene Zeit, perfectum), когда показывается, что дѣйствіе или состояніе совершилось *прежде* той минуты, какъ объ немъ говорится, слѣд. время его совершенія *прошло* уже.

Что ты шею *опустилъ*?
Оттого я *присмирѣлъ*?

Время называется *будущимъ* (le futur, die Zukünftige Zeit, futurum), когда показывается, что дѣйствіе или состояніе имѣетъ совершаться или совершиться послѣ того, когда объ немъ говорятъ, слѣд. *будетъ* еще.

И такъ у глагола есть три времени: *настоящее*, *прошедшее* и *будущее*.

Окончанія будущаго у насъ одни и тѣже съ окончаніями настоящаго: *сдер-етъ* (*буд. 3 л. един. ч.*) *грызетъ* (*наст. 3 л. ед. ч.*)

Глаголы вида несовершеннаго имѣютъ всѣ три времени: *ржу*,—*ржалъ*, *буду ржать*. Глаголы вида совершеннаго имѣютъ только *два* времени: прошедшее и будущее: *покрылъ*—*покрою*. Но когда въ глаголахъ

вида совершеннаго обозначается дѣйствіе нѣсколько разъ совершившееся; тогда они имѣютъ только *одно* прошедшее, будущаго же не имѣютъ: *хаживалъ, говаривалъ.*

Временами глагола обозначается отношеніе сказуемаго къ лицу говорящему, какъ лицами и числами обозначается его отношеніе къ подлежащему; потому-что лицо говоряшее опредѣляетъ время дѣйствія по отношенію къ себѣ, именно смотря по тому, какъ дѣйствіе относится (къ минутѣ рѣчи) къ той минутѣ, когда объ немъ говорится.

Окончаніе втораго лица ед. настоящаго (и слѣд. будущаго) времени пишется всегда черезъ *ь*, а не черезъ *ъ: не ржешъ*, а *ржешь*, *не потряхиваешъ*, *а потряхиваешь.*

Всѣ (кромѣ *клею*) глаголы, оканчивающіеся въ 1 лицѣ настоящаго вр. на *лю*, пишутся черезъ ѣ: *имѣю, бѣлѣю.*

§ 26 (с. 147—151) Формы глагола—сказуемаго, которыми обозначается, *какимъ образомъ* лицо говорящее выражается о связи сказуемаго съ подлежащимъ, или *какъ* оно *наклонно* принимать и принимаетъ для себя связь ихъ, называются *наклоненіями* (les modes, Redeweisen, modi).

То наклоненіе называется *изъявительнымъ* (le m. indicatif, der Indicativ, m. indicativus), которымъ обозначается (изъявляется), что лицо говорящее *наклонно* принимать и рѣшительно принимаетъ связь сказуемаго съ подлежащимъ, какъ *дѣйствительную.*

Збрую всю мою *возьметъ.*
Въ глуши разцвѣтшій Василекъ
Вдругъ *захирѣлъ*, *завялъ* почти до половины —
Оно своею теплотой
Огромные дубы и кедры *согрѣваетъ.*

То наклоненіе называется *сослагательнымъ* (le m. subjonctif, der Conjunctiv, m. conjunctivus), которымъ обозначается, что лицо говорящее наклонно принимать и принимаетъ связь сказ. съ подлежащимъ, какъ *возможную*. Оно у насъ всегда выражается прибавленіемъ слова *бы* къ наклоненію изъявительному.

Ахъ, если *бы* скорѣе день *насталъ*,
И солнце красное поля здѣсь освѣтило,
Быть-можетъ, и меня оно бы *оживило*.

То наклоненіе называется *повелительнымъ* (le m. imperatif, der impetatif, m. imperativus), которымъ обозначается, что лицо говорящее наклонно принимать и принимаетъ связь сказ. съ подлежащимъ, какъ *необходимую*.

Повѣрь, что на тебя оно луча не броситъ,
И добиваться ты пустаго *перестань*,
Молчи и *вянь*.

Наклоненій у глагола-сказуемаго три: *изъявительное*, *сослагательное* и *повелительное*.

Слова въ предложеніи, которыя показываютъ, какъ говорящій выражается о связи сказуемаго съ подлежащимъ, или которыя обозначаютъ *образъ выраженія* говорящаго, называются обстоятельственными *образности выраженія*.

Слова обстоятельственныя образности выраженія служатъ въ помощь наклоненіямъ, какъ предлоги—падежамъ, и на письмѣ отдѣляются запятою.

Быть-можетъ, и меня оно бы оживило.
Есть, право, менѣе булавочной головки.

§ 27. Глаголъ, выражая сказуемое, принимаетъ различныя (формы) окончанія для обозначенія лицъ, чиселъ, временъ и наклоненій, или другими словами глаголъ—сказуемое измѣняется *по лицамъ*, *числамъ*, *временамъ* и *наклоненіямъ*.

Что ты рж-е-шь мой конь ретивый?
Оттого я рж-у...

Измѣненіе глагола по лицамъ, числамъ, временамъ и наклоненіямъ называется *спряженіемъ* (le conjugaison, die Conjugation, conjugatio), — потому-что измѣненіе это онъ имѣетъ только въ *сопряженіи* или соединеніи съ подлежащимъ; а формы его, обозначающія *лицо*, *число* и *наклоненіе*, называются *глагольными—собственно*.

Образецъ спряженія дѣйств. зал.

ГЛАГОЛЬНЫЯ ФОРМЫ.

а) *Вида несовершеннаго.*

I. ИЗЪЯВИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНІЕ.

Единственное число.

	НАСТОЯЩЕЕ.	ПРОШЕДШЕЕ.	БУДУЩЕЕ.	
1	Я	выбираю	выбиралъ, а. о. буду	выбирать.
2	Ты	выбираешь	выбиралъ . . будешь	
3	Онъ, а. о.	выбираетъ	выбиралъ . . будетъ	

Множественное число.

1	Мы	выбираемъ	выбирали	будемъ выбирать.
2	Вы	выбираете	выбирали	будете
3	Они, ѣ.	выбираютъ	выбирали	будутъ

II. СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНІЕ.

Един. 1. 2. 3. выбиралъ, а, о. *бы*.
Множ. выбирали *бы*.

III. ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНІЕ.

Ед. 2 л. выбирай. Мн. выбирайте.
3. пусть или да. } выбираетъ. } выбираютъ.

b) *Вида совершеннаго.*

I. Изъявительное наклоненіе.

	прошедшее.	будущее.
Един. 1	выбралъ	выбер-у.
2		выбер-ешь.
3		выбер-етъ.
Множ. 1	выбрали	выбер-емъ.
2	выбрали	выбер-ете.
3	выбрали	выбер-утъ.

II. сослагательное наклоненіе.

Един. 1 2 3 выбралъ а. о *бы*.
Множ. 1 2 3 выбрали *бы*.

III. повелительное.

Е. 2. выбери. М. выберите.
3. пусть или *да* выберетъ, пусть или да выберутъ.

Въ глаголахъ, сложныхъ съ мѣстоименіемъ возвратнымъ ся (=себя), окончаніе 3 лица настоящ. обоихъ чиселъ произносится *ца* или тца (*несецца*), но написано должно быть тся—(несется): потому-что тутъ *т* есть примѣта три лица, а *ся* вин. пад. сокращ. мѣст. *себя*.

2 лицо повелит. наклон. единствен. ч. вмѣсто *и* кончится также на *ь*: кинь. Послѣ ж, ч. ш писать должно *ь*, а не *ъ*, какъ слышится въ произношеніи; потому-что окончаніе это образовалось изъ *и*: не *положъ*, а *положь*, не *утьшъ*, а *утьшь* (слав. утѣши), не *рьжъ*, а *рьжь*.

§ 28. (с. 151) При сказуемомъ-существительномъ *лицо*, *время и наклоненіе* обозначаются глаголомъ *быть*, который обыкновенно находится на лицо, (*Богъ есть заступникъ невинности*), или—что́ бываетъ гораздо чаще—подразумѣвается: я (есмь) солнцевъ братъ.

Глаголъ *быть*, употребленный въ такомъ значе-

ніи въ предложеніи, называется *связью* и глаголомъ *вспомогательнымъ*. Онъ есть *служебная* часть рѣчи, и особой части предложенія не составляетъ; потому-что несетъ одинаковую службу съ глагольными окончаніями, обозначающими лицо, время и наклоненіе.

§ 29. (с. 151) Глаголъ, выражая подлежащее или дополненіе, является съ окончаніемъ *ть, ти, чь*,— и такая форма его называется *неопредѣленною* (l'infinitif, das Infinitif, infinitivus m).

Хвалить себя не прилично.

Неопредѣленная форма глагола *по значенію* удерживаетъ только малую часть свойствъ глагола (именно залогъ и видъ), а по службѣ своей въ предложеніи изобличаетъ свойства существительнаго имени, потому называется *причастною* формою.

Неопредѣленная форма по сходству своему съ существительнымъ можетъ выразить не только подлежащее и дополненіе, но и опредѣленіе: *безкорыстное желаніе помогать ближнему свойственно только людямъ благороднымъ*.

Въ неопредѣленной формѣ глагола никогда не должно пропускать *ь* передъ *ся* въ глаголахъ сложныхъ съ возвратнымъ мѣстоименіемъ *ся*: Не прилично *хвалиться*, а не *хвалится;* потому–что мягкое окончаніе *ь* неопредѣленной формы явственно слышно, когда мы отнимемъ приставочное *ся*: *хвалить* себя (а не хвалитъ себя) не прилично.

§ 30. (с. 152) Та форма глагола, въ которой является онъ, ставши словомъ опредѣлительнымъ, называется *причастіемъ* (le participe, participium:) *разцвѣтшій, видѣнные*.

Іосифъ разсказалъ братьямъ два необыкновенные сна, *видѣнные имъ*.

Причастіе, какъ и неопредѣленную форму, зовутъ также *причастною* (частію глаголу, частію прилагательному) формою.

Іосифа, *растолковавшаго* (дѣйств. зал. прош. вр., это глагольныя принадлежности || вин. пад. муж. р.—именныя прин.) сны, фараонъ сдѣлалъ вторымъ человѣкомъ по себѣ. Сны, *растолкованные* (страд. зал. прош. врем.. || имен. пад. муж. р.) Іосифомъ, доставили ему первое мѣсто по фараонѣ.

Придаточное опредѣл. предлож., выраженное причастіемъ, называется по формѣ выраженія *сокращеннымъ* предложеніемъ, — слѣдоват. то опредѣлительное предложеніе, въ которомъ находится мѣст. относительное, а сказуемое выражено собственно—глагольными формами, должно называть *полнымъ опредѣлительнымъ* предложеніемъ.

Іаковъ, *который самъ имѣлъ сны* (полн. опред. предл.), *посланные ему* отъ Бога (сокращ. опред. предл.), не забылъ сновидѣній своего любимаго сына.

§ 31. (с. 154) Опредѣлительное слово, выраженное именемъ существительнымъ, и постановленное въ одномъ падежѣ съ своимъ опредѣляемымъ, называется *приложеніемъ*.

Іосифъ, *любимецъ отца своего* (приложеніе), былъ любимъ Богомъ.

Причастіе и приложеніе всегда должны стоять подлѣ своего опредѣляемаго,—и первое всегда должно быть съ нимъ въ одномъ родѣ, числѣ и падежѣ, а второе—только въ одномъ падежѣ.

Причастіе и приложеніе или предшествуютъ своему опредѣляемому, или слѣдуютъ за нимъ: въ первомъ случаѣ ни то, ни другое не отдѣляется отъ своего опредѣленія знакомъ препинанія, а во второмъ и то и другое отдѣляются запятою; потому–то *посланные ему отъ Бога* отдѣлено запятою отъ *сны*, *любимецъ отца своего* также отдѣлено запятою отъ Іосифъ.

§ 32. (с. 153) Форма глагола, въ которой онъ является, становясь обстоятельственнымъ словомъ, называется *дѣепричастіемъ* (gerundium): *заснувъ*.

Дѣепричастіе, какъ неопредѣленная форма и причастіе, называется *причастною* формою глагола. Изъ глагольныхъ свойствъ оно удерживаетъ только три залогъ, видъ и время.

Дѣепричастіе, ставши обстоятельственнымъ словомъ, образовалось изъ сказуемаго придаточнаго обстоятельственнаго предложенія черезъ сокращеніе; потому оно называется *сокращеннымъ* обстоятельственнымъ предложеніемъ. Напротивъ то обстоят. предложеніе, у котораго сказуемое имѣетъ всѣ глаголь ныя принадлежности, называется *полнымъ*.

Заснувъ опять (сокращ. обстоят. предл.), фараонъ увидѣлъ во снѣ семь свѣжихъ колосьевъ.

Сокращенное обстоятельств. предложеніе на письмѣ отдѣляется всегда запятою: «*заснувъ опять*» отдѣлено запятою отъ главнаго предложенія, «*фараонъ увидѣлъ*.»

И вообще придаточныя предложенія по формѣ выраженія бываютъ:

a. *полныя*, въ которыхъ сказуемое имѣетъ всѣ глагольныя принадлежности, какъ то: время, лицо и наклоненіе, и у которыхъ находится на лицо слово, показывающее ихъ отношеніе къ объясняемому слову другаго предложенія, напримѣръ: когда, потому–что, который и т. п.

Фараону снилось, *что* онъ *стоитъ* при рѣкѣ, *изъ которой вышли* семь жирныхъ прекрасныхъ коровъ.

b. *сокращенныя*, которыхъ сказуемое выражается обыкновенно причастными формами глагола, а слово, показывающее отношеніе къ объясняемой части другаго предложенія, опускается.

(Когда) *заснувъ* (*заснулъ*) *опять*, фараонъ увидѣлъ во снѣ семь свѣжихъ, полныхъ колосьевъ, (которые) *выросшихъ* (выросли) *на одномъ стеблѣ*.

Всякое сокращенное предложеніе отдѣляется толь-

ко запятою, а полное можетъ отдѣляться и запятою и точкою съ запятой.

Глаголъ бываетъ подлежащимъ или дополненіемъ, опредѣлительнымъ и обстоятельственнымъ словомъ— и для выраженія этихъ частей предложенія, принимаетъ три *особыя причастныя* формы; a) *неопредѣленную* форму, b) *причастіе* и c) *дѣепричастіе*.

Образецъ причастныхъ формъ.

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ЗАЛОГА А. ВИДА НЕСОВЕРШЕННАГО.

a. *Неопредѣленная форма.*

Выбирать.

b. *Причастіе.*

Наст. Выбирающій–ая, ее.
Прошед. Выбиравшій–ая, ее.

c. *Дѣепричастіе.*

Наст. Выбирая или выбираючи.
Прошед. Выбиравъ или выбиравши.

Б. СОВЕРШЕННАГО ВИДА.

Неопред. форма. Выбрать.
Причаст. прош. Выбравшій.
Дѣеприч. прош. Выбравши или выбравъ.

ГЛАВА VI.

В. Для выраженія опредѣлительнаго слова и отношеній его въ предложеніи.

§ 33. (с. 159—162) 1. Слова, которыя выражаютъ понятія объ отличительныхъ примѣтахъ предмета, напр. о качествахъ или принадлежностяхъ его и

т. п., называются именами *прилагательными* (l'adjectif, das Adjektiv, или Beiwot, n. adjectivum,); потому–что они всегда прилагаются къ какому–нибудь понятію о предметѣ въ одномъ съ нимъ родѣ, числѣ и падежѣ: *русская* къ церковь, «*стараго русскаго*» къ «солдата».

Прилагательное, обозначая особый отдѣлъ понятій—именно понятій объ отличительныхъ примѣтахъ предмета, называется частью рѣчи *знаменательною,* и служитъ собственно для выраженія опредѣлительныхъ словъ, хотя можетъ выражать и другія части предложенія: *стараго русскаго* солдата.

2. Прилагательныя имена по значенію бываютъ: a. *безотносительныя* или качественныя и b. *относительныя.*

Безотносительныя (или *качественныя*) показываютъ такое *качество* предмета, которое можно усилить или уменьшить; они обыкновенно отличаютъ предметъ такимъ *качествомъ,* которое ему принадлежитъ безъ отношенія его къ другимъ предметамъ:

Старый (старенькій, староватъ) солдатъ, дряхлый старикъ, святая (святѣйшая) книга, блаженная вѣчность (блаженнѣе).

Относительныя прил. обозначаютъ такое свойство предмета, которое нельзя ни усилить, ни уменьшить; они отличаютъ предметъ какою–нибудь примѣтой по разнымъ его отношеніямъ къ другимъ предметамъ: напр. по отношенію:

a) къ *веществу,* изъ котораго сдѣланъ предметъ:
Золотое кольцо, деревянный столъ.

b) къ *мѣсту* или *времени*:
Южный цвѣтокъ, *утреннія* занятія.

c) къ *дѣйствію или состоянію*:
Сѣдущій человѣкъ, *трудовая* копейка.

d) къ *мѣрѣ, вѣсу и числу*:
Трехъ-аршинное дерево, *пудовая* гиря.

*

е) къ *принадлежности* одному предмету или цѣлому роду одинакихъ предметовъ:

Церковная утварь, *русскій* солдатъ, *лисья* шуба.

3. Прилагательныя по формѣ своей или по окончаніямъ бываютъ:

а. *опредѣленныя*, которыя одними окончаніями опредѣляютъ свое отличіе отъ существительнаго имени и др. частей рѣчи:

Старый солдатъ—блаженная вѣчность—чистое золото.

d. *неопредѣленныя*, которыя имѣютъ окончанія, одинакія съ существительнымъ, и слѣдовательно окончаніями не опредѣляютъ своего отличія отъ существительнаго:

Старъ солдатъ. Вѣра блаженна. Золото чисто.

Опредѣленныя прил. употребляются для выраженія опредѣленія, а *неопредѣленныя* преимущественно для выраженія сказуемаго, и изрѣдка въ стихахъ для выраженія опредѣленія.

Дряхлый старикъ сидѣлъ въ большихъ креслахъ. Въ церкви все чисто. Въ долгу ночь на вѣткѣ дремлетъ (птичка).

Опредѣленное прилагательное кончится въ именительномъ падежѣ един. ч. на ый, ой, ій, (муж. рода дряхлый, скупой, синій, лисій), ая, яя, ья (женск. рода), ое, ее, ье (сред. рода).

Неопредѣленное прилагательное кончится въ именит. падежѣ на ъ, ь (муж. р.), а, я (женск.), о, е (сред. рода): дряхлъ—ла—ло. Синь кафтанъ.

4. Прилагательное имя *склоняется*, или измѣняетъ свои окончанія по падежамъ во всѣхъ трехъ родахъ и обоихъ числахъ.

Образецъ склоненія прилагательныхъ опредѣленныхъ

на *ый* или *ой*.

Единственное число.

И З.	Стар-ый	стар-ое	стар-ая
	солдатъ	домъ	платье	женщина
Р.	Стар-аго	стар-аго	стар-ой
Д.	Стар-ому	старому	стар-ой
В.	Стар-аго,-ый	стар-ое	старую
Т.	Стар-ымъ	стар-ымъ	стар-ою
П.	О стар-омъ	— омъ	—ой.

Множественное число.

И З.	Стар-ые	стар-ыя	стар-ыя
Р.	Стар-ыхъ	— ыхъ	— ыхъ
Д.	Стар-ымъ	— ымъ	— ымъ
В.	Стар-ыхъ,-ые	— ыя	— ыхъ-ыя
Т.	Стар-ыми	— ыми	— ыми
П.	О стар-ыхъ	— ыхъ	— ыхъ.

Окончаніе *ой* принадлежитъ тѣмъ прилагательнымъ, которыя имѣютъ удареніе на концѣ слова: *скупо́й*.

Въ прилагательныхъ опредѣленныхъ родительный падежъ един: числа, муж. и средняго рода принято писать, по образцу славянскаго, на *аго*, *яго*, хотя выговаривается онъ «*ава*, *ова*, *ева*.»

Подъ наблюденіемъ стар*аго* (ава) русск*аго* (ава) солдата

Въ тѣхъже прилагательныхъ именительный п. множ. чис. принято писать въ муж. родѣ на *ые*, *іе*, а въ женскомъ и среднемъ на *ыя*, *ія*:

Русскіе путешественники. Большія кресла. Святыя книги.

5. Прилагательное, заступающее мѣсто подлежащаго, дополненія и обстоятельствен. сл., принимаетъ то

окончаніе рода, числа и падежа, какого требуетъ подразумѣваемое при немъ существительное:

Межъ цвѣтовъ, прекраснѣйшихъ для взора, *есть ядовитые* (множ. ч., муж. рода, им. падежа, потому-что подразумѣваемое существ. цвѣты муж. р. множ. чис. и именительный падеж.).

§ 34 (с. 162—163) Формы или окончанія прилагательныхъ, показывающія большую или меньшую степень качества въ сравниваемыхъ предметахъ, называются *степенями сравненія* (gradus comparationis).

Степень сравненія называется *положительною*, когда качества сравниваемыхъ предметовъ равны между собою. Эта степень выражается обыкновеннымъ окончаніемъ прилагательнаго.

Равно *великъ* Ты въ насѣкомыхъ,
Какъ въ буряхъ, намъ ревущихъ съ громомъ.

Сравнительною (comparativus) степенью называется та, которая въ одномъ изъ сравниваемыхъ предметовъ показываетъ большую или меньшую мѣру качества, нежели въ другомъ. Она выражается обыкновенно перемѣною окончанія «ый, ой, ій» въ прилагательныхъ опредѣленныхъ на «*ѣйшій, айшій*» и перемѣною окончаній «*ъ—ь*» въ прилагательныхъ неопредѣленныхъ на «*ѣе, е*». Послѣдняя форма употребительнѣе первой.

Гряди краснѣйшая деннице!
Все стало ярче и свѣтлѣе,
Цвѣты душистѣе, деревья зеленѣе.

Превосходною (superlativus) степенью называется та, которая показываетъ преимущество одного предмета передъ всѣми съ нимъ сравниваемыми однородными предметами. Она выражается окончаніемъ сравнительной степени съ прибавленіемъ «*самый, изъ всѣхъ,*» или прибавленіемъ «самый» къ положительной.

Слонъ есть животное *величайшее изъ всѣхъ* четвероногихъ. *Самое лучшее* средство побѣждать враговъ — терпѣніе. *Самое вѣрное* средство успѣвать въ дѣдѣ—трудъ непрерывный.

Сравнительная степень отъ опредѣленныхъ прилагательныхъ съ окончаніемъ *айшій, ѣйшій, шій* склоняется по всѣмъ падежамъ въ обоихъ числахъ и трехъ родахъ,— а сравнительная степень отъ неопредѣленныхъ прилагательныхъ съ окончаніемъ *ѣе, е,* (ярче, свѣтлѣе) не измѣняется по падежамъ, родамъ и числамъ.

Сравнительная степень въ окончаніи *ѣйшій* и *ѣе* пишется чрезъ *ѣ*, а не черезъ *е*: *свѣтлѣе, краснѣйшій.*

Прилагательныя, обозначающія меньшую мѣру качества, и смѣняющія окончанія *ый, ой, лй* другими—*оватый, еватый, онькій* и *енькій,* называются *уменьшительными*: *бѣлый — бѣловатый—бѣленькій, синій—синеватый—синенькій.*

Прилагательныя, обозначающія большую мѣру качества въ предметѣ, и окончанія *ый ій, ой* измѣняющія на *охонекъ* и *ехонекъ, ошенекъ* и *ешенекъ,* называются *увеличительными*: *бѣлехонекъ, бѣлешенекъ синехонекъ, синешенекъ.*

Уменьшительныя склоняются по всѣмъ падежамъ, какъ прилагательныя опредѣленныя, а увеличительныя относительно измѣненія имѣютъ одинакія свойства съ *неопредѣленными.*

Въ уменьшительныхъ прилагательныхъ выговоръ часто сбивается при произношеніи окончанія *енькой* на *инькой.* Чтобы не сбиваться въ правописаніи, надо прибѣгать къ перемѣнѣ опредѣленнаго прилагательнаго на неопредѣленное,—и если при такой перемѣнѣ слышится *е*; то всегда надо писать *е*, а не *и*: *не малинькій* а *маленькій* (*не опр. маленекъ,* а не *малинекъ*).

ГЛАВА VII.

Г. Для выраженія обстоятельственныхъ словъ и отношенія ихъ въ предложеніи.

§ 35 (с. 176—179) Слова, выражающія собственно обстоятельства дѣйствія, состоянія или качества, называются *нарѣчіями* (l'adverbe, das Umstandswort, adverbium); потому-что они собственно и преимущественно относятся къ поясненію *глагола*, который, какъ извѣстно, прежде въ нашей грамматикѣ назывался *рѣчью*: *тамъ*, *тихо*.

Нарѣчія, выражая особый разрядъ понятій, составляютъ особую *часть рѣчи*.

Нарѣчія поясняютъ дѣйствіе или качество предмета или понятіемъ объ опредѣленномъ мѣстѣ, времени и т. п., или по отношенію къ лицу говорящему: а потому одни изъ нихъ суть часть рѣчи *знаменательная* (тихо, домой, вечеромъ), а другія—*служебная* (тамъ, когда, такъ).

Нарѣчія, состоя постоянно и неизмѣнно въ однихъ и тѣхъже отношеніяхъ къ глаголу, *не склоняются*.

Кромѣ нарѣчій, для обозначенія различныхъ обстоятельствъ дѣйствія или состоянія, служатъ также косвенные падежи именъ и дѣепричастіе.

По лугу тихо пройдетъ воскресенье—
Шепчетъ ручей, *пробираясь по камнямъ*.

Обстоятельства поясняютъ мѣсто, время, образъ дѣйствія и выраженія и причину,—потому нарѣчія бываютъ:

а. *нарѣчія мѣстныя* или *мѣста*, которыя выражаютъ обстоятельство мѣста: *тамъ*, *тутъ*, *внизу*, *здѣсь*.

Въ рощу заглянетъ (воскресенье)—*тамъ тихо*.

b. *нарѣчія временныя* или времени, которыя выражаютъ обстоятельство времени: *сегодня, завтра, когда.*

Деревня вся *ужь* заснула *давно.*

c. *нарѣчія образныя:*

1) *дѣйствія: хорошо исправно, порусски, часто, однажды.*

2 *выраженія:* (подлинно, конечно, авось, можетъ-быть.

Хотьлъ бы очень я самъ посудить, велико-ль, *подлинно,* твое умѣнье (Оселъ и Соловей).

d) *причинныя:* сдуру, скосу.

Эхъ ты косой заяцъ! Куда забѣжалъ *скосу.*

Кромѣ выраженія обстоятельственныхъ словъ, нарѣчія показываютъ въ предложеніи иногда отношеніе положенія или направленія дѣйствія: тогда они перестаютъ быть нарѣчіями, и переходятъ въ *предлоги.*

Кругомъ вся окрестность, холмы, деревья въ невѣрныя тѣни слились. Старые дубы далеко *кругомъ себя* кидаютъ тѣнь свою.

Нарѣчія, произшедшія отъ прилагательныхъ качественныхъ (тихо, далеко, легко), имѣютъ степени сравненія съ окончаніемъ *ѣе* или *е.*

Нарѣчія въ сравнительной степени на *ѣе* принято писать чрезъ *ѣ:*

Тише ѣдешь, дальше будешь. — Онъ пишетъ *исправнѣе* тебя

Нарѣчія образности выраженія отдѣляются запятою. *См. примѣръ подъ с. 2.*

Д. Для выраженія отношеній между предложеніями.

§ 36 (с. 179—180) Слова, показывающія отношеніе одного предложенія къ другому, или внутреннюю

связь между ними, называются *союзами* (la conjonction, das Bindewort, conjunctio).

Рѣчь (§ 2), равно и сложное предложеніе, образуется (§ 14) или изъ однихъ главныхъ предложеній, или изъ главнаго предложенія съ придаточнымъ. Связь того и другаго сочетанія предложеній обозначается союзами.

Союзы, которыми обозначается отношеніе и связь предложеній главныхъ или равныхъ между собой, называются:

a *соединительными*, когда эти предложенія относятся другъ къ другу, какъ согласныя и объясняющія одинъ и тотъже предметъ, слѣд. *соединимыя* въ одно цѣлое: *и, да, также;*

b. *противительными*, когда одно изъ предложеній относится къ другому, какъ противное ему отчасти или вполнѣ: *но, а, напротивъ*.

Діонъ, богатый юноша, сдѣлался боленъ, *и* долгое время пролежалъ въ постелѣ; *но* наконецъ стало ему легче, *и* онъ выздоровѣлъ.

Союзы, показывающіе отношеніе придаточныхъ предложеній къ главному, называются по имени самыхъ придаточныхъ предложеній:

a. *дополнительными*, когда ими обозначается связь дополнительнаго предложенія съ главнымъ,

и d. *обстоятельственными*, когда ими обозначается связь придаточн. обстоятельственныхъ предлож. съ главнымъ:

А жаль, *что* незнакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ;
Еще бъ ты болѣ навострился,
Когда бы у него немножко поучился.

Для обозначенія отношеній придаточныхъ обстоятельств. мѣста и времени, служатъ нарѣчія мѣста и времени (тамъ-гдѣ, туда-куда, оттуда-откуда, ког-

да-тогда), которыя при такомъ употребленіи теряютъ свойство нарѣчій и переходятъ въ союзы.

Всякъ несеть уста (туда), *гдѣ* вода чиста. Послов.

Опредѣлительныя предложенія обозначаютъ свою связь съ главными не союзами, но мѣстоименіями— *который*, *какой*, *такой*, потому опредѣлительныхъ союзовъ и нѣтъ.

Нужно, *чтобы* царь назначилъ человѣка разумнаго и дѣятельнаго, *который* въ годы безплодія запасъ бы всякаго хлѣба такое количество, *какое* достаточно для прокормленія народа его въ годы безплодія.

Передъ союзомъ, какъ словомъ, начинающимъ другое предложеніе, всегда надо ставить знакъ препинанія.

§ 37 (с. 180) Слова, которыя выражаютъ намъ безотчетное, несознательное чувство, называются междометіями (l'interjection, interjectio): ба! ахъ! охъ! увы! о! а! Они составляютъ не часть рѣчи, но цѣлое предложеніе неразвитое.

И такъ всѣ слова, какъ части рѣчи, бываютъ:

1. имена существительныя.
2. прилагательныя.
3. числительныя.
4. мѣстоименія.
5. глаголы.
6. нарѣчія.
7. предлоги.
8. союзы.
9. междометія.

Изъ нихъ 8 частей рѣчи служатъ для выраженія частей предложенія и отношеній между ними и цѣлыми предложеніями; девятая же часть рѣчи — междометіе составляетъ цѣлое неразвитое предложеніе.

Всѣ части рѣчи по значенію ихъ раздѣляются на

а. *знаменательныя* (Begrifswörter), которыя всегда *знаменуютъ* или означаютъ извѣстное опредѣленное понятіе. напр. о предметѣ, качествѣ, дѣйствіи: таковы—имя *существительное*, *прилагатель-*

кое, глаголъ, нарѣчіе, отъ именъ и глаголовъ произведенное.

Чижъ пѣлъ жалобно.

и b. *служебныя* (Formwörter), которыя не выражаютъ опредѣленныхъ понятій, но *служатъ* только для показанія отношеній между словами и предложеніями другъ къ другу или къ лицу говорящему: таковы — имя *числительное, мѣстоименіе,* глаголъ *вспомогательный, предлогъ, союзъ* и *нарѣчіе,* отъ мѣстоименій ироисходящее.

Болитъ бокъ девятый годъ, да не знаю, въ которомъ мѣстѣ. Послов.

Всѣ части рѣчи по формѣ ихъ раздѣляются на

а. *измѣняемыя* (les mots variables): таковы—имя существительное и прилагательное, мѣстоименіе, числительное и глаголъ,

и b. *неизмѣняемыя* (les mots invariables): таковы—нарѣчіе, предлогъ, союзъ и междометіе.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ОБРАЗОВАНІЕ СЛОВЪ.

ГЛАВА IX.

О СОСТАВѢ СЛОВЪ.

§ 38 (с. 197—198) Звуки, которые опредѣляютъ значеніе слова, называются *корнемъ* слова (la racine, Stamm, radix): *луч–гор–гн* суть корни словъ *луч–ъ*, *го–ра*, *гн–ать*.

Звуки, по которымъ мы опредѣляемъ разрядъ понятій или отношеніе ихъ въ предложеніи, называются *окончаніями* словъ; (le terminaison, Endung, Suffixum) *ъ–а–ать* суть окончанія *луч–ъ*, *гор-а*, *гн-ать*.

Въ каждомъ словѣ должно различать *корень* и *окончаніе*.

Корни, отъ которыхъ происходятъ знаменательныя части рѣчи, называются *знаменательными*: луч. гор. гн.

Корни, изъ которыхъ образуются части рѣчи служебныя, называются *служебными*: *съ*, *тъ*.

Примѣчаніе. Знаменательные корни иначе называются *глагольными* по имени глагола, какъ преимущественной части рѣчи между знаменательными частями рѣчи; а служебные — *мѣстоименными*, отъ имени мѣстоименія, какъ преимущественной части рѣчи между служебными.

Окончанія слова, опредѣляющія, какой именно родъ понятій выражается ими т. е. понятіе о пред-

метѣ или качествѣ и т. п., называются *отличительными* или суффиксомъ; потому–что по нимъ мы отличаемъ, что одно слово выражаетъ понятіе о предметѣ (напр. *луч-ъ, гор-а, руч-ей*), другое—понятіе о дѣйствіи или состояніи (напр. *гна-ть, бьж-ать, топ-ить*).

Въ именахъ за отличительное окончаніе принимается окончаніе именительнаго падежа: *гор-а,—луч-ъ, вош-н-ій*, а въ глаголахъ—окончаніе неопредѣленной формы: *гн-а-ть топ-и-ть*.

Окончанія, которыя показываютъ различныя *отношенія* словъ другъ къ другу въ составѣ предложенія, называются *относительными*: вешн-ими луч-*ами*, сбѣж-а-*ли*.

Въ именахъ относительными окончаніями называются всѣ падежныя окончанія напримѣръ: вешними луч-*ами*, окрест-*н–ыхъ* гор-*ъ*, верш–и*к–ы*; въ глаголахъ относительными окончаніями называются окончанія, опредѣляющія время, наклоненіе, лицо и число; сбѣж-а-*ли*, сохн-*утъ*.

§ 39 (с. 199) Слова, которыя ни отъ какого другаго слова не происходятъ, и которыя состоятъ только изъ корня и отличительнаго окончанія, называются словами *коренными* или *первообразными* (primitifs, Stammwötrer): *лу-чъ, гор-а сиѣ-гъ, лѣсъ, гн-ать*.

Слова, которыя происходятъ отъ другихъ словъ, называются *производными* (derivés, abgeleitete Wörter): *горный* (*отъ гора*), *лучистый* (*отъ лучъ*), *вешній* (*отъ весна*).

Въ производныхъ словахъ между корнемъ и отличительнымъ окончаніемъ вставляются буквы, которыя, указывая на ихъ производство отъ словъ коренныхъ называются *производственными*: въ

тор-н-ый н есть буква производственная, а въ луч-ист-ый *ист* суть буквы производныя.

Слова, которыя состоятъ изъ одного только слова, называются *простыми* (simple, einfache): *великій, ручей.*

Слова, которыя составлены или сложены изъ двухъ или нѣсколькихъ словъ, называются *сложными* (composés, zusamengesetzte): *сбѣжали, честолюбіе — (любовь чести) книгопродавецъ (книгъ продавецъ).*

Сложныя слова, составленныя безъ перемѣны окончаній, напр. генералъ-майоръ и т. п., на письмѣ соединяются черточкой или тире.

Производныя слова всегда удерживаютъ правописаніе коренныхъ, а потому производныя должно писать чрезъ *ѣ*, если ихъ корни пишутся чрезъ эту букву: *не девственный*, а *дѣвственный* (дѣва), *не невежа*, а *невѣжа* (вѣдаю).

Исключеніе составляютъ только два слова: *одежда* (одѣвать) и *надежда* (надѣюсь).

Такъ-какъ буква *ѣ* составляетъ особенное затрудненіе въ правописаніи; то здѣсь для справки предлагаются въ азбучномъ порядкѣ коренныя слова, имѣющія эту букву:

Б.
Бѣгать
Бѣда
Бѣдный
Бѣдить
(Побѣждать)
Бѣлый
Бѣсъ
Обѣтъ.

В.
Вѣди
Вѣдать
Вѣжди
Вѣко
Вѣкъ
Вѣна
Вѣнецъ
Вѣникъ
Вѣно
Вѣра
Вѣсъ
Вѣтвь
Вѣтъ (вѣщать совѣтовать)
Вѣчать
Вѣче
Вѣха
Звѣзда
Звѣрь
Свѣжій
Свѣтъ
Цвѣтъ
Человѣкъ.

д.

Дѣва
Дѣдъ
Дѣвать, дѣну
Дѣять
Одѣвать (но одежда имѣетъ е)
Издѣваться
Дѣлить.

з.

Зѣвать, зѣвъ
Зѣница.

л.

Лѣвый
Лѣзть
Лѣкъ
(Лѣчить)
(Лѣкарь)
Желѣзо
Клѣть
Клѣтка
Колѣно
Плѣнъ
Лѣпить
Лѣпый
Лѣса
Лѣсъ
Лѣто
Глѣбъ
Желѣза
Плѣсень
Плѣть
Полѣно
Слѣдъ
Слѣпой
Хлѣбъ
Хлѣвъ.

м.

Мѣдь
Мѣлъ
Мѣна
Мѣра
Мѣсто
Мѣсяцъ
Мѣсить
Мѣшать
Мѣхъ
Мѣшокъ
Мѣтить
Змѣй.

н.

Нѣга
Нѣдро
Нѣмой
Нѣтъ
Гнѣвъ
Гнѣздой
Гнѣздо
Днѣпръ
Днѣстръ
Печенѣгъ
Снѣгъ.

п.

Пѣгой
Пѣна
Пѣнязь
Пѣть
Пѣшій
Пѣстовать

р.

Рѣдкій
Рѣдька
Рѣзвый
Рѣзать
Рѣка
Рѣпа
Рѣсница
Рѣсти (обрѣтаю, встрѣча)
Рѣшить
Крѣпкой
Свирѣпый
Грѣхъ
Орѣхъ
Прорѣха
Прѣсный
Стрѣла
Хрѣнъ.

с.

Сѣверъ
Сѣдой
Сѣно
Сѣнь
(Сѣни)
Сѣра
Сѣчь
(Сѣку)
Сѣтовать
Сѣтить
Сѣть
Посѣщать

т.

Тѣло
Тѣнь, стѣнь
Тѣмя
Тѣсный
Тѣсто
Тѣшить
Тѣять
(Затѣять)
Стѣна.

ц.

Цѣвка
Цѣвница
Цѣдить
Цѣлый
Цѣль
Цѣна.

ѣ.

Ѣмъ
Ѣду.

* Приставка эта къ мѣстоименіямъ и нарѣчіямъ показываетъ неопредѣленность: нѣкогда (неизвѣстно когда именно) нѣкоторый (неизвѣстно кто именно).

Задача. Напишите по нѣскольку предложеній на каждое изъ этихъ словъ, употребляя производныя отъ нихъ, или самыя коренныя: *Вѣкъ живи, вѣкъ учись. У человѣка будетъ вѣчная жизнь за гробомъ.*

6-го февраля, 1857 г.

Образецъ полнаго грам. разбора.

А. СИНТАКСИЧЕСКІЙ.	Роды предл.	Части предл.	Б. ЭТИМОЛОГИЧЕСКІЙ. Части рѣчи и формъ ихъ.	В. ОРѲОГРАФИЧЕСКІЙ.
Въ			служеб. часть рѣчи—предлогъ.	
1. Константинополѣ	предлож. сложное составное изъ главнаго и придаточныхъ опред. сокращ.	обст. мѣста къ 2.	ч. р. знам. и. с. соб., м. р., ед. ч. пр. п.	начальн. б. прописная, п. что это-сущ. соб., на концѣ ѣ, п. ч. предл. п. отъ именит. на ъ.
2. обитало		сказуем. — 4.	ч. р. знам. г. ср., и. н., в. нес., в. п., 3 л. е. ч.	
3. всегда		обст. врм. — 2.	нарѣч. времени.	
4. множество		подлеж. — 2.	и. с., ср. р., ед. ч., и. п.	
5. Россіянъ,		опредѣл. къ 4.	и. с. м. р., мн. ч., р. п.	запятая, п. ч. слѣдуетъ далѣе прид. опред. сокращен. пред-е къ 5.
6. привлекаемыхъ		опредѣл. — 5.	прич. страт., нс. вр. р. п. м. ч.	
7. купечествомъ		дополн. — 6.	и. с., ср. р. ед. ч., тв. п.	
или			союзъ.	
8. набожностію,		— —	и с., ж. р. ед. ч. тв.. п.	зап., п. ч. начинается другое опр. сокр. пред. къ 5.
9. жившихъ		опредѣл. къ 5.	прич. пр. вр. м. р., мн. ч. р. п.	
10. тамъ		обст. мѣст. — 9.	нарѣч. мѣста.	
11. обыкновенно		об. обр. — —	нарѣчіе обр.	
въ			предлг.	
12. монастырѣ		обст. мѣст. — 9.	и. с., м. р., ед. ч., пр. п.	на концѣ ѣ, п, ч. предлож. пад. отъ именит. мужс. на ъ.
13. святаго		опред. — 14.	и. прил., м. р., ед. ч., род. п.	вопреки выговору принято писать род. п. *аго*.
14. Іоанна		опред. — 12.	и. с. соб., м. р., ед. ч., род. п.	большая б, п. ч.. сущ. соб.
15. Предтечи.		прилож. — 14.	и. с., м. р. — — —	

СОДЕРЖАНІЕ.

I. СТАТЬИ ДЛЯ ПРАКТИЧЕСКАГО ИЗУЧЕНІЯ НАЧАЛЪ ГРАММАТИКИ.

I. СТИХОТВОРНЫЯ.

	Стр.
Зимній вечеръ, Пушкина.	19
Осень и зима, егоже.	28
Солнце и Мѣсяцъ, Я. Полонскаго	36
О томъ, какъ живали въ старину.	40
Бѣсы, Пушкина.	44
Воротъ, Фета.	49
Цыганскій таборъ, Пушкина.	51
Сказочныя чудеса, его же.	53
Зима, Пушкина.	55
10. Урожай, Кольцова.	56
Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ, Пушкина. . . .	58
Лисица и Виноградъ, Крылова.	66
Деревенскій вечеръ, И. Аксакова.	675
Вечеръ на Рождество, Як. Грота.	73
Любопытный, Крылова.	77
Обвалъ, Пушкина.	79
Младенецъ, Жуковскаго.	80
Притча о сѣятелѣ и сѣменахъ, Жемчужникова.	83
Загадки: эхо, перо и колоколъ.	86
20. Ангелъ, Лермонтова.	97

	Стр.
Сельская Сиротка, Козлова.	99
Богачъ и бѣднякъ, Хемницера.	103
Гуси, Крылова.	114
Оселъ и Соловей, Крылова.	116
Чижъ и Голубь, Крылова.	136
Лѣсной царь, Жуковскаго.	140
Роща и Огонь, Крылова.	141
Сербская пѣсня, Пушкина.	144
Василекъ, Крылова.	147
30. Старый рыцарь, Жуковскаго.	156
Пѣснь пахаря, Кольцова	157
Къ дѣтямъ, Хомякова.	163
Подражаніе псалму XIV, Н. Языкова.	175
Загадки: печь, огонь, дымъ, пѣтухъ.	—
Воскресное утро въ деревнѣ, Жуковскаго.	176
Мышь и Крыса, Крылова.	179
Чужеземное растеніе, П. И. Дмитріева.	180
Что ты спишь мужичокъ? Кольцова.	189
Лебедь, Щука и Ракъ, Крылова.	196
40 Начало весны, Пушкина.	197
Пѣсня бѣдняка, Жуковскаго.	201
Перелетная птичка, Пушкина.	208
43. Козачья колыбельная пѣсня, Лермонтова.	216

II. ПРОЗАИЧЕСКІЯ.

Сказка о волкѣ и лисицѣ. (Сказка народная) .	3
Гусь, С. Аксакова.	21
Воды I. ручьи II. рѣчки III. степныя рѣки IV. Рѣки. С. Аксакова. (Записки руж. охотника)	29
Природа днемъ и ночью, Н. Вагнера.	38
Вечеръ, его же (Изъ 14 № 1856 г. Вѣстн. Естеств. наукъ).	
Баба-Яга. (сказка народная.)	41

Стр.

Постройка мельницы на Бугурусланѣ. С. Аксакова. (Семейная хроника.) 47
Утренняя прогулка Румянцева по лагерю, Пушкина. 50
Два отвѣта Суворова Потемкину, Д. Милютина. 52
10. Лебедь, С. Аксакова. 54
Жизнь Суворова въ отставкѣ, Д. Милютина. . 56
Посѣщеніе Петрозаводска Суворовымъ. . . . 78
Достопамятный отвѣтъ Александра I Екатеринѣ II. 80
Сила добродушія. 81
Народное преданіе объ озерѣ Гидденѣ. . . . 84
Обитатель предмѣстья, М. Н. Муравьева. . . 86
Походъ Олега и Игоря на Грековъ, Нестора. . 92
Крещеніе Россіи, Карамзина. 95
Алтарь для жертвы. 98
20. Три друга 101
Червячокъ, Кн. Одоевскаго. 104
Пословицы о значеніи просвѣщенія. 112
Источникъ живой воды. . . . . —
Скука внушаетъ суровость, А. Шишкова. . . 115
Встрѣча Суворова съ императ. австр. Іосифомъ. 117
Петръ Великій и лоцманъ Антипъ, Н. Полеваго. 118
Сардамскій домикъ, Н. Полеваго. 121
Іосифъ въ Египтѣ, А. Зонтагъ 123
Іосифово толкованіе сновъ фараона, А. Зонтагъ. 125
30. Сыновья Іакова, Зонтагъ. 131
Сила примѣра, Хотинскаго. 134
Эмблемы, Н. Полеваго. 137
Преданіе о томъ, какъ гуси Римъ спасли, М. Богоявленскаго . . . . . .
Пѣсенка при сѣяніи цвѣтовъ. 157
Потсдамъ, Карамзина. 159
Городокъ въ табакеркѣ, Кн. Одоевскаго. . . 164
Не взначай, а кстати, Лобанова. 181

Всю жизнь безпокоился. 183
Начальникъ и Отецъ. 184
40. Выговоръ Суворова своему адъютанту, неявившемуся въ срокъ изъ отпуска. . . . . —
Черты изъ жизни папы Пія IX. 186
Отцовскій долгъ, Кокорева. 191
Хамелеонъ. 199
Лѣсъ, a. Значеніе лѣса. b. Породы лѣса. c. Черноліе. С. Аксакова 202
45. Учитель чистописанія, В. Соколова. . . 209

II. НАЧАЛА ГРАММАТИКИ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

СОСТАВЪ ПРЕДЛОЖЕНІЙ.

ГЛАВА I.

ПРЕДЛОЖЕНІЕ И РѢЧЬ.

Вступленіе. Чтеніе приготовительное.
Образцы 1. разбора вещественнаго 5
2. разбора отношенія мыслей или логическаго 15
3. разбора отношенія словъ или грамматическаго. 18
§ 1. Что такое сужденіе. Чѣмъ и для чего оно выражается. Какъ оно называется въ грамматикѣ. Способы выражать сужденіе въ словѣ: членораздѣльные звуки и буквы. Различіе звуковъ по выговору и буквъ по выговору и начертанію (66—67). 221
§ 2. Различіе предложеній по составу, или числу сужденій: предложеніе простое и сложное. Рѣчь. (67—69). 223
§ 3. Удареніе и паузы въ устной рѣчи. Виды удареній: грамматическое и логическое. Знаки удареній и употребленіе

Стр.

ихъ. Знаки препинанія въ рѣчи письменной. Большая буква послѣ точки. Необходимость ударенiй, паузъ и знаковъ препинанія (69). 224

§ 4. Раздѣленіе рѣчи отъ послѣдовательности ударенiй на *стихи* и *прозу*. Правописаніе въ стихахъ. (79). 226

ГЛАВА II.

ОБРАЗОВАНІЕ ПРОСТАГО ПРЕДЛОЖЕНІЯ.

§ 5. Части предложенія—подлежащее и сказуемое. Значеніе подлежащаго и сказуемаго въ предложеніи. Предложеніе простое нераспространенное. (70). 226

§ 6. Другія части предложенія: слова опредѣлительныя, дополнительныя и обстоятельственныя. Значеніе ихъ въ предложеніи. Предложеніе простое распространенное. Число частей въ немъ. Эллипсисъ. Тире. (71). 227

§ 7. Обращеніе. Мѣсто обращенія въ предложеніи и знаки препинанія при немъ (73). 231

§ 8. Предложенія личныя и безличныя. Виды предложенiй по отношенію ихъ къ лицу говорящему: a) вопросительныя b) повѣствовательныя и c) восклицательныя. Ударенія. Знаки препинанія: вопросительный и восклицательный. Правописаніе. (стр. 73) 231

ГЛАВА III.

ОБРАЗОВАНІЕ СЛОЖНАГО ПРЕДЛОЖЕНІЯ.

9. Виды сложнаго предложенія по образованію: составное и слитное. Паузы и

Стр.

знаки препинанія въ слитномъ предложеніи. (86—91). 233

§ 10. Виды предложеній въ составномъ по ихъ значенію: главное и придаточное. Паузы и знаки препинанія. 234

Виды придаточныхъ предложеній. Паузы и знаки препинанія при нихъ. (91—92). 234

§ 11. Предложенія вносныя и вносная рѣчь. Знаки препинанія. (95—96) 237

§ 12. Предложеніе составное изъ однихъ главныхъ. Паузы. Знаки препинанія. Способы образованія составнаго предложенія вообще. (96—97). 237

§ 13. Вводное предложеніе. Сокращеніе его. Знаки препинанія. (97). 213

Образецъ письменнаго синтаксическаго разбора 239

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ЧАСТИ РѢЧИ И ФОРМЫ ИХЪ ДЛЯ ВЫРАЖЕНІЯ ЧАСТЕЙ ПРЕДЛОЖЕНІЯ И ОТНОШЕНІЙ МЕЖДУ НИМИ И ЦѢЛЫМИ ПРЕДЛОЖЕНІЯМИ.

ГЛАВА IV.

А. Для выраженія подлежащаго и дополненія и отношеній ихъ въ предложеніи.

§ 14. Имя существительное. Виды его a) по предметамъ, имъ означаемымъ, b) по числу предметовъ, подъ нимъ понимаемыхъ. Правописаніе. (118—121). . . . 241

§ 15. Виды существительныхъ a) отъ нашего представленія величины предметовъ и b)

Стр.

по сочувствію нашему къ предметамъ (121). 243

§ 16. Значеніе рода именъ существительныхъ. Способъ опредѣлять родъ именъ существительныхъ (123). 244

§ 17. Значеніе числа. Число единственное и множественное. Имя числительное. Соотвѣтствіе его окончаніямъ, обозначающимъ число. Виды числительныхъ именъ и отношеніе ихъ къ предложенію (123—129). 245

§ 18. Отношеніе существительнаго къ предложенію—падежи. Число и названія ихъ. Преимущественное употребленіе каждаго изъ нихъ для извѣстной части предложенія. Раздѣленіе ихъ на прямые и косвенные. (129—130). 246

§ 19. Обозначеніе косвенными падежами отношеній положенія и направленія дѣйствія. Неопредѣленность этого обозначенія—и въ слѣдствіе того—предлоги. Ихъ значеніе. Отношенія ихъ къ предложенію и родство съ падежами. (130—131). . . 249

§ 20. Склоненіе и образецъ его. Измѣняются ли въ окончаніяхъ предлогъ и числительное имя? Правописаніе нѣкоторыхъ косвенныхъ падежей существительнаго и числительныхъ именъ (131). 250

§ 21. Подлежащее и дополненіе выражаются невсегда существительнымъ.—Мѣстоименіе. Служебная или знаменательная часть рѣчи мѣстоименіе? отношеніе его къ предложенію, и оттого раздѣленіе его на различные роды. Названіе ихъ. Склоненіе и правописаніе. (131—134). . . . 252

Стр.

ГЛАВА V.

Б. Для выраженія сказуемаго и отношеній его въ предложеніи.

§ 22. Значеніе глагола. Отношеніе его къ предложенію. Залогъ—значеніе и число залоговъ. (141—144) 255

§ 23. Отношеніе глагола—сказуемаго къ подлежащему лица и числа. Глаголы личные и безличные. (144—146). 256

§ 24. Отношеніе глагола—сказуемаго къ лицу говорящему: виды и число ихъ. (146). . 257

§ 25. Другіе отношеніе глагола—сказуемаго къ лицу говорящему: времена—число ихъ. Всякой ли глаголъ способенъ ко всѣмъ временамъ? Правописаніе. (146). . 258

§ 26. Третье отношеніе глагола—сказуемаго къ лицу говорящему: наклоненія. Значеніе, число и названія наклоненій. Слова обстоятельственныя образности выраженія. Правописаніе. (147—151). 259

§ 27. Значеніе спряженія и образецъ его. Правописаніе. 260

§ 28. Отношеніе сказуемаго, когда оно выражено не глаголомъ, а существительнымъ. Связь—ея значеніе. (151). 262

§ 29. Бываетъ ли глаголъ подлежащимъ и дополненіемъ, и какую форму тогда принимаетъ? какія глагольныя свойства остаются въ неопредѣленной формѣ? Правописаніе. (151—154). 263

§ 30. Бываетъ ли глаголъ словомъ опредѣлительнымъ? какую форму тогда принимаетъ онъ?—причастіе. Различіе прида-

Стр.

точныхъ опредѣлительныхъ предложеній по формѣ выраженія. (153). . . . 263

§ 31. Какъ сокращается опредѣлительное предложеніе съ сказуемымъ—существительнымъ, и какъ тогда называется такое опредѣленіе? мѣсто причастія и приложенія въ предложеніи и знаки препинанія. (153) 264

§ 32. Бываетъ ли глаголъ словомъ обстоятельственнымъ, и какую тогда форму онъ принимаетъ? дѣепричастіе. Какія глагольныя принадлежности остаются въ дѣепричастіи. Сокращенное и полное обстоятельное предложеніе. Виды придаточныхъ предложеній по формѣ выраженія вообще. Знаки препинанія. Образецъ причастныхъ формъ. (153). 264

ГЛАВА VI.

В. Для выраженія опредѣлительнаго слова и отношеній его въ предложеніи.

§ 33. Значеніе имени прилагательнаго. Виды его по значенію; прилагательное безотносительное и относительное. Отношеніе его къ предложенію и раздѣленіе его по формѣ на опредѣленное и неопредѣленное. Склоненіе его. Правописаніе. (159). 266

§ 34. Степени сравненія. Число и названіе ихъ. Виды прилагательныхъ по мѣрѣ качества: уменьшительныя и увеличительныя. (162). 270

ГЛАВА VII.

Г. Для выраженія обстоятельственныхъ словъ и отношенія ихъ въ предложеніи.

§ 35. Нарѣчіе. Косвенные падежи. Дѣеприча-

Инвент. №
193 г.

Стр.

стіе. Виды нарѣчій. Переходъ нарѣчій въ предлоги. Степени сравненія нарѣчій. Правописаніе. (176—179). 272

ГЛАВА VIII.

Д. Для выраженія отношеній между преложеніями.

§ 36. Союзъ—различные виды союзовъ. Нарѣчія и мѣстоименія, употребляемыя для одной цѣли съ союзомъ. Правописаніе. (179—180). 273

§ 37. Междометіе. Общій перечень частей рѣчи. Различіе ихъ a) по значенію и b) по формѣ. (180—181). 275

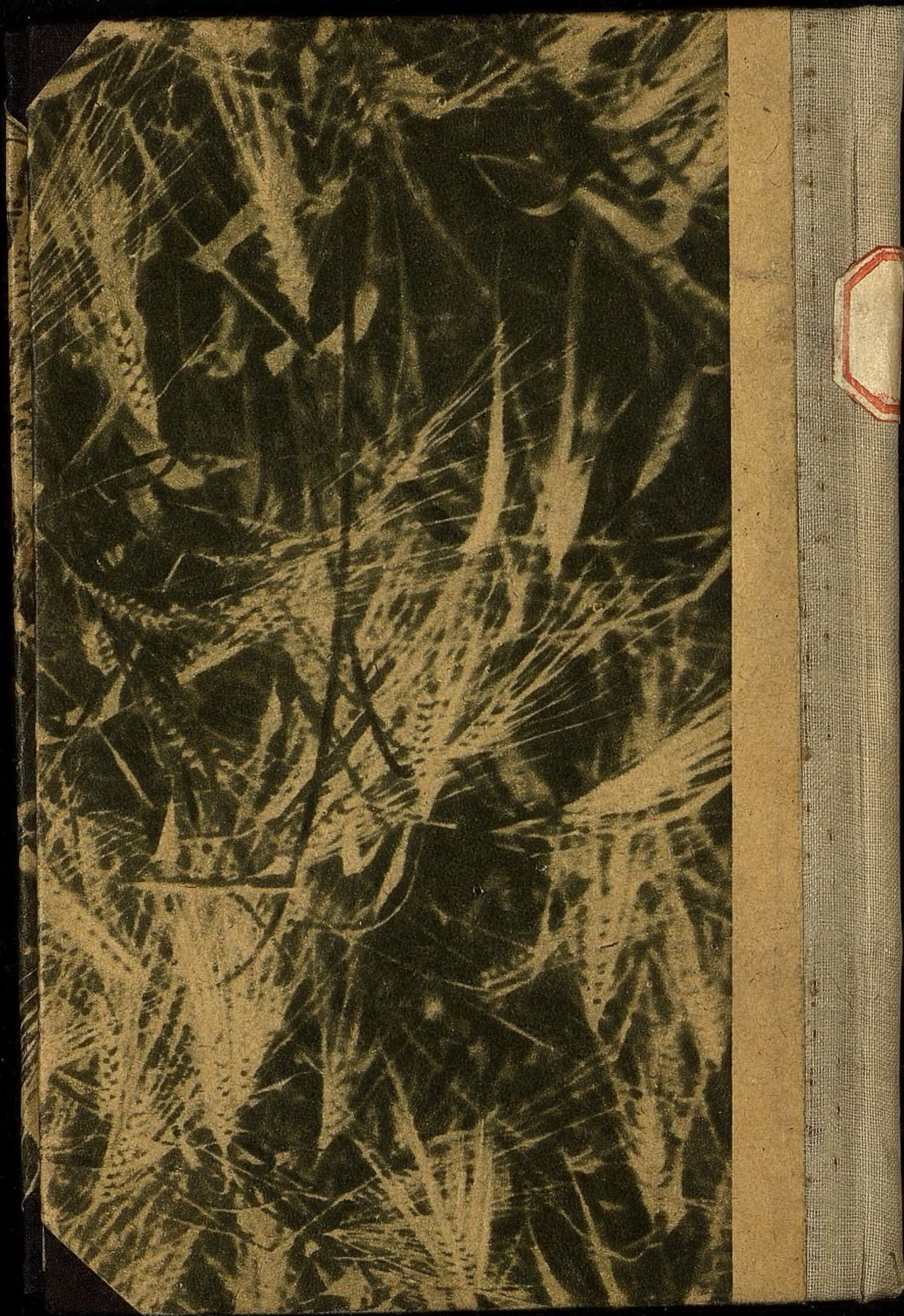
ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ОБРАЗОВАНІЕ СЛОВЪ.

ГЛАВА IX.

О СОСТАВѢ СЛОВЪ.

§ 38. Корень и окончаніе. Роды корней: знаменательные и служебные. Роды окончаній: отличительныя и относительныя. (197—198). 277

§ 39. Виды словъ a) по образованію: коренныя и производныя — значеніе буквъ производственныхъ—b) по составу: простыя и сложныя. Правописаніе. Перечень коренныхъ словъ съ буквою ѣ (для справокъ). (198). 277

ОИК N 42586